

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

**АРЕАЛЬНОЕ И ГЕНЕТИЧЕСКОЕ
В СТРУКТУРЕ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

Москва – 2007

Ответственный редактор

академик *Вяч. Вс. Иванов*

Ответственный секретарь и составитель

кандидат филологических наук *П. М. Аркадьев*

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола. – М.: «Пробел», 2007. – 130 с.

Сборник издан к круглому столу «Ареальное и генетическое в структуре славянских языков», организованному Институтом славяноведения РАН в сентябре 2007 г., и включает статьи отечественных и зарубежных ученых – славистов и типологов, посвященные различным аспектам грамматики, лексики и фонологии славянских языков *sub specie* компаративистики, ареальной лингвистики, контактологии и типологии. Помимо собственно славянского материала, в статьях анализируются данные балтийских, германских, романских, иранских, албанского, а также ряда неиндоевропейских языков.

Сборник предназначен для лингвистов – славистов и типологов, интересующихся структурой славянских языков в широком межъязыковом и теоретическом контексте.

ISBN

© Авторы

© Институт славяноведения РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Вяч. Вс. Иванов (Институт славяноведения РАН, UCLA)</i> О соотношении унаследованного («генетического» в лингвистическом смысле) и ареального в структуре славянских языков	7
<i>П. М. Аркадьев (Институт славяноведения РАН)</i> Заметки к типологии префектива	17
<i>Бьёрн Вимер (Universität Konstanz)</i> Судьбы балто-славянских гипотез и сегодняшняя контактная лингвистика	31
<i>М. В. Завьялова (Институт славяноведения РАН)</i> Обзор изменений в литовской падежной системе под влиянием русского языка	46
<i>Т. Н. Молошина (Институт славяноведения РАН)</i> Заметки о развитии грамматического строя болгарского и других славянских языков под влиянием русского языка	67
<i>А. Ю. Русаков (СПбГУ)</i> Славянские языки на Балканах: аспекты контактного взаимодействия	77
<i>И. А. Сержант (Институт Литовского Языка, Вильнюс)</i> Контакты древнерусского и латышского языков в области фонетики	90
<i>Д. В. Сичинава (ВИНИТИ РАН)</i> Два ареала сверхсложных форм в Евразии: славянский плюсквамперфект между Западом и Востоком	102

CONTENTS

Foreword	5
<i>Vyacheslav V. Ivanov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; UCLA)</i> On the correlation of genetically inherited and areally induced features in the structure of Slavic languages	7
<i>Peter M. Arkadiev (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Towards a typology of prefective	17
<i>Björn Wiemer (Universität Konstanz)</i> The fate of Balto-Slavic hypotheses and contemporary contact linguistics	31
<i>Maria V. Zavjalova (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> A survey of the changes in the Lithuanian case system under the influence from Russian	46
<i>Tatjana N. Moloshnaya (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Notes on the development of the grammar of Bulgarian and other Slavic languages under the influence from Russian	67
<i>Alexander Yu. Rusakov (Saint-Petersburg State University)</i> Slavic languages on the Balkans: Aspects of contact-induced development	77
<i>Ilya A. Seržant (Institute of Lithuanian Language, Vilnius)</i> Phonetic contacts of Old-Russian and Latvian	90
<i>Dmitri V. Sitchinava (Institute of Scientific and Technical Information, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Two zones of supercompound forms in Eurasia: the Slavic Pluperfect between the West and the East	102

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник издан к круглому столу «Ареальное и генетическое в структуре славянских языков», организованному в Институте славяноведения Российской академии наук в сентябре 2007 г. Цель круглого стола – попытаться рассмотреть отдельные аспекты грамматики, лексики и фонологии славянских языков с точки зрения взаимодействия последних с другими языками Европы (и, шире, Евразии) в синхронии и диахронии и продемонстрировать, какие плоды может принести такое рассмотрение как для славистики, так и для ареальной лингвистики и типологии в целом. Организаторы и участники круглого стола и авторы статей данного сборника видели свою задачу не столько в том, чтобы решить те или иные проблемы, сколько в том, чтобы, напротив, сформулировать новые актуальные вопросы типологии славянских языков.

В статьях сборника рассматриваются различные аспекты влияния одних славянских языков на другие, в частности, русского на болгарский и западно-славянские (Т.Н. Молошная), славянских языков на балтийские и балто-славянских языковых контактов в области грамматики (Б. Вимер, М.В. Завьялова) и фонетики (И.А. Сержант), место славянских языков в рамках балканского языкового союза и соотношение собственно славянского и балканского в их структуре (А.Ю. Русаков), вопросы описания грамматических категорий глагола славянских языков *sub specie* ареальной типологии: глагольного вида (П.М. Аркадьев) и плюсквамперфекта (Д.В. Сичинава), – аспекты истории славянских языков на всех уровнях – от фонетики до лексики – в широком индоевропейском и ареальном (балканском и циркумбалтийском) контексте (Вяч.Вс. Иванов).

Редколлегия сборника надеется, что представленные в нем статьи будут интересны широкому кругу лингвистов, занимающихся не только славистикой, но и ареальной типологией и теорией языковых контактов.

О СООТНОШЕНИИ УНАСЛЕДОВАННОГО («ГЕНЕТИЧЕСКОГО» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ) И АРЕАЛЬНОГО В СТРУКТУРЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Вяч. Вс. Иванов (Институт славяноведения РАН, UCLA)

1. Соотношение генетического (унаследованного от более ранних эпох в истории славянских языков) и ареального представляет собой часть более общего вопроса о выделении разных хронологических слоев внутри каждого отдельного языка начиная с праславянского. Часть включаемых в структуру славянского языка элементов принадлежит ареально с ним контактировавшим языкам; они могут быть близко родственными славянским, как балтийские языки, или родственными в пределах одной языковой семьи – индоевропейской, как часть языков балканского языкового союза (румынский, албанский, новогреческий), и в пределах одной макросемьи – ностратической (как тюркские языки Балкан).

2. Наиболее ранним хронологическим слоем, выявляемым при генетическом исследовании славянских языков, является уровень ностратических архаизмов, сохраненных в праславянском как индоевропейском диалекте. К ним относится, например, сохранение исходного растительного значения производных от корня **by-* < *bhū-*: ср. рус. *быть* – *былинка* – *быльё* (*быльём* *поросло*). Часть других индоевропейских языков (древнегреческий, албанский) сохраняет подобные архаические производные, но в большинстве диалектов (как, например, и в пределах ностратического в алтайских языках в отличие от уральских) корень представлен только глаголом существования – связкой (копулой). По мере изучения тех индоевропейских языков, которые (как анато-

лийские и тохарские) ранее других отделились от общеиндоевропейского (или «праиндо-хеттского»), возникает вопрос о происхождении черт, общих у праславянского с этими языками. Подробно это было изучено на примере польск. *dlugość*, прототип которого (как и родственных ему существительных в других славянских языках и в праславянском), тождествен хеттск. *dalugašti* ‘длина’; подобный вопрос может быть поставлен и по отношению к возможному соответствию образования того же типа – хеттск. *palhašti* ‘ширина’ в рус. *полость*, если это слово возводимо (прямо или через старославянский, заимствованием из которого оно могло быть в древнерусском) к тому же и.-е. **p(e/o/∅)lH-osti-*, которое является праформой и для приведенного хеттского существительного. Б. Розенкранц [Rosenkranz 1978: 133–136] указал на наличие целого пучка глагольных и отглагольных форм, которые объединяют, с одной стороны, хеттский (и отличные от него южно-анатолийские языки, как лувийский и близко ему родственные) с тохарскими, с другой стороны, армянский и славянский; предложенное им в этой связи понятие «понтийских» языков едва ли можно пробовать соотносить с реальными географическими ареальными соотношениями, хотя в свете новейших представлений о катастрофе, приведшей к образованию Черного моря, идея «циркумпонтийского» индоевропейского единства, высказывавшаяся такими археологами, как Н.Я. Мерперт, и может оказаться плодотворной. В некоторых из этих случаев дальнейшее развитие в славянском и анатолийском дает поразительно похожие результаты, как, в частности, в пересмыслении форм на *-l* как показателей личных форм прошедшего времени глагола в славянском и лидийском при похожих случаях употребления в тохарском. С общими для анатолийских и тохарских языков способами образования притяжательных прилагательных совпадают праславянские. Как в свое время показал кн. Н.С. Трубецкой, вхождение соответствующих форм в парадигму имени существительного, от которого прилагательные образованы, является характерной грамматической чертой старославянского (и, вероятно, праславянского). Хотя детали параллельной эволюции в каждом из этих языков могли различаться, первоначальный толчок скорее всего был дан уже в пределах праиндоевропейской общности при формировании архаичных пучков изоглосс. К достаточно раннему периоду (отчасти воз-

можно уже после отделения анатолийского) могут быть отнесены многочисленные тохаро-славянские общие черты. Например, если правильно предположение Адамса [Adams 1999: 661] о том, что тох. Б *ṣerśka* несет в себе след и.-е. **swesorkikeH*, то связь с типом славянских уменьшительных, таких, как русск. *сестричка*, не вызывает сомнений. Давно замечено, что тох. Б *reki* ‘слово, повеление’ (А *rake*) тождественно прототипу ст.-сл. *рѣчь*, но из таких отождествлений следуют несомненные выводы о древних связях диалектов. В свете этих открытий нового времени кажется нужным пересмотреть привычные представления о степени архаичности славянских языков. В некоторых отношениях архаизм прямо их связывает с наиболее древними состояниями индоевропейского праязыка.

3. К несколько более позднему времени оказывается нужным отнести многочисленные славяно-иранские изоглоссы. Праславянский язык, как и армянский и тохарские языки, может быть отнесен в число «иранизованных» индоевропейских диалектов (термин был введен Е.Д. Поливановым в его исследованиях узбекских диалектов). Часть соответствующих явлений может объединять ареальные черты, соединяющие с тохарским иранские, особенно восточно-иранские, языки, как и славянские, в частности, это относится к общему для славянского, восточно-иранского и тохарского имени эпического героя-богатыря, названия «1000» и некоторых других числительных и употребления приставки **pe/o* в качестве приметы повелительного наклонения (тип русск. *пойдите*). Иранское воздействие на славянский словарь мифологических (и шире: религиозных и этических) представлений может быть отнесено к праславянскому, когда это влияние способствовало развитию еще более ранних комплексов идей. Древний прообраз «социального договора» (ср. сходные идеи вплоть до *contrat social* у Руссо) виден в функции индоиранского бога *Mi-tra* от корня и.-е. **mei-* ‘обмениваться’ (откуда слав. **mēn-*, русск. *менять, об-мен*, самое раннее индоиранское свидетельство – месопотамско-арийский бог *Mitra* в митаннийско-хеттском государственном договоре II тыс. до н.э.); использование слова в значениях ‘Солнце’, ‘Бог Митра’ в позднейших иранских солярных и *митраистских* культах ведет к изменению исходного значения. Происхождение и раннее значение др.-русск. *миръ* ‘мир, согласие, договор, Вселенная’ и производных от него

фразеологических сочетаний (**вьсь миръ** ‘весь мир’) согласуются с предположением иранского влияния: представляет интерес возможное соотнесение выводов работ В.Н. Топорова на эту тему с новыми исследованиями (Тюкана и др.) о проникновении митраизма на восток и юго-восток Европы, в том числе в Северное Причерноморье. В частности, связь в митраизме образа Митры со всем миром, Вселенной проясняет вероятную предысторию славянского слова с этим же значением. Существенное преобразование исходной дуальной системы богов в праславянский период было связано с иранским влиянием, когда из иранского **bag-* было заимствовано главное название бога. Половина имен богов в древнерусском пантеоне князя Владимира разъясняется как иранские заимствования; особо следует отметить заимствование из восточно-иранского (аланского) бога Хорса, имя которого связано и с прилагательным *хороший*, по Обнорскому заимствованным из того же источника. Следовательно с иранским влиянием была связана замена основного понятия положительного оценочного ряда. Интересный след иранского воздействия обнаруживается в негативном значении древнерусского мифологического существа **ДИВЪ** (ср. иранск. *dev-a-* ‘дэвовское отрицательное существо’ из индоиранск. и и.-е. названия главного положительного божества). С евразийским влиянием можно связать употребление древнерусского прилагательного **ДИВИИ** в значении ‘дикий’ – о животном (ср. аналогичные конструкции с родительным падежом родственного имени ‘бога’ в латышском и типологические параллели в енисейском).

Часть специфических славяно-иранских изоглосс, выявленных В.И. Абаевым, касается согдийско-аланской ветви восточно-иранского (к ним относится суффикс имен **-ak-*). Проникновение соответствующих иранских форм в славянские диалекты можно связать с географическим контактированием славян с восточными иранцами, в частности, скифами-аланами.

4. При исследовании ареальных и генетических языковых связей славян с балтами следует разделить общее наследие и свидетельства взаимных влияний. Наблюдаемое в северо-западной (циркумбалтийской) и северо-восточной части славянского языкового ареала развитие группы **-tl-/*-dl-* > *-kl-/gl-* сходно с восточно-балтийским (литовско-латышским) изменением и совпадает с аналогичным явлением в западно-балтийском древнепрус-

ским диалекте Эльбингского словаря. И.-е. суффикс *Nomina Instrumenti* *-tl-/*-dhl- > балт. *-dl- > -kl- (с вариантом -gl-, особенно в латгальском) является тематическим соответствием суффиксу имен деятеля *-tel/r-: праслав. *-tel-ǐ-, хет. -talla-/galla-: a-ku-ga-al-li-it и a-ku-ta-al-li-iš, если это название серебряной чашки, используемое при описании омовения рук царя, образовано от анатолийского eku-/a-ku- ‘пить’ (тохар. А и Б yok-) посредством суффикса -tall- (< *-dhl-?) > -gall- (= *gl-), ср. хет. eku-ttara- «чашник, виночерпий». Это развитие свидетельствуется такими производными с тем же суффиксом, как лит. auklė ‘подобие лаптей, тесемки на обуви, сшитой, как мокасины, из одного цельного куска звериной шкуры’, латышск. aukla ‘струна’, др.-прусс. auclō ‘Halfter= узда’ (Эльб. Слов., 451; в производных от этого и.-е. корня сходный суффикс используется в латинск. [sub/ind-]-ūcula < *ou-t-l/r- > авест. aoθra ‘обувь’); лит. диалект. жемайт. tinklas ‘сеть’, латыш. tikls, др.-прусс. sasin-tinclo ‘Hasengarn = заячья западня’, вероятно родственное санскр. tāntram, фарси târ ‘нитка, струна’ < *tathra- (< *tānθra); лит. pjūklas ‘пила’, др.-прусс. piucian ‘Sichel = серп’, ст.-лит. riekles (Bretkūnas), др.-прусс. riklis ‘Suller = Soller, чердак’; лит. irklas ‘весло’, ср. санскр aritram, aritras. Судя по италийским соответствиям иногда прабалт. *-tl- > *-kl- соответствует варианту суффикса *-dhl- (> лат. -*bl-) в зап.-и.-е.: лит. stāklės, латыш. stakle, др.-прусс. stacle ‘Stütze beim Hause’ (Эльб.Слов., 197) родственно лат. stabulum ‘стоящая чаша’, умбр. stafflarem ‘для Юпитера (Stabilis)’, др.-в.-нем. stadal ‘стояк’ < √staH- + -dhl-. В тех случаях, где *-tl-, *-dhl- > *-dl- сохранено в древнепрусском, но не в литовском (восточно-балтийском), предполагаются диалектные различия: лит. žėnklas ‘знак’, жемайт. žinklas и ст.-лит. глагольная форма paszenklinioiey соответствует др.-прусс. eb-sentl-iuns ‘bezeichnet = обозначаемый, символизируемый’: форма принадлежит религиозному словарю, засвидетельствованному в поздних катехизисах, и возводится к праформе *žentlā (также в топониме Kogonas-santle) в лит.-прусс. диалекте прабалтийского, тогда как производные от того же корня с суффиксами *-tl- (др.-в.-нем. be-knuodilen ‘подать знак’, ein-knuadil ‘insignis’ < *knōpla); -tl- или -tr- отражены в санскр. jñātra ‘способность к восприятию и познанию’, *dhl- в лат. (g)nōbilis. Консервативные фонетические особенности возвышенной семиотической терминологии и.-е. диалектов могли от-

личаться от отраженного в приведенных словах Эльбингского диалекта разговорного языка, легче меняющегося и подверженного инновациям.

Диалектные (и хронологические) различия в западно-балтийском могут быть представлены в отражениях начального *tl-* > *kl-* в древнепрусском названии 'медведя' *tlok-* (в словосложении в топониме: *Tlok-un-pelk*) > *klok-*: *cloc-is* 'Ber = медведь' (Эльб.Слов., 655, ср. *calcectis-clok* 'Zidelber = медведь на пасеке', Эльб.Слов., 656). В этом зап.-балт. имени медведя предполагается след метатезы старого сочетания и.-е. сонанта **-r-* (который мог измениться в *-l-*, как это вероятно и по отношению к рассмотренному выше суффиксу) и переднеязычного (зубного) смычного (за которым первоначально следовал заднеязычный смычный, что привело к отражению их по типу так называемого «спиранта Бругмана»): др.-греч. *ἄρκτος* (**-тк-* > *-кт-*), др.-ирл. *art*, хет. *hartagga-* [*har-ta-ag-ga-*] 'медведь' < **Hrtok-o-*. Начальное прабалт. **tl-* (< **-rt-* в **Hrtok-*?) сохранено в словосложении в диалектном древнепрусском топониме и изменено в **kl-* в другом зап.-балтийском диалекте (представленном, как и в других подобных случаях, рассмотренных выше, в Эльбингском словаре). Эта начальная группа утрачивает первый смычный и превращается в **l-* в восточно-балтийском: лит. *lokys*, латыш. *lâcis* 'медведь'. Представляет интерес возможное совпадение изменения начала слова в и.-е. прилагательном со значением 'долгий, длинный', которое в восточно-балтийском утратило начальное **d-* в позиции перед слоговым *l̥*: лит. *ilgas*, латыш. *ilgs* при сохранении начального смычного в западно-балтийском ятвяжском *Dulgas* и в родственном славянском **dъ(/ъ?)lgъ*. Но исчезновение начального **d-* в словах этого корня характеризует зап.-и.е. языки и может быть более древним. В разных формах названия оборотня в литовских традициях, таких, как *vilktakis*, *vilktakys*, *vilktakas*, *vilkalotas*, *vilkalatas*, *vilkatas*, *vilkatakas*, по гипотезе В.Н. Топорова, «может быть отражено балт. **vilk-* & **(t)lak-*, отсылающее к образу 'волко-медведя'» [Топоров 1984: 74]. Развитие начального **tl->l-* в восточно-балтийском совершенно отлично от рассмотренного выше развития в середине слова и совпадает с восточно- и южно-славянским быть может под влиянием позднейших диалектных контактов. В сложении с предшествующим названием «волка» в значении «вурдалак» слово выступает в славянском с

озвончением начального смычного, в восточно-славянском и части южно-славянских диалектов исчезающего согласно общей закономерности: **-dlak->-lak-*. Предполагаемая праславянская форма **vľko-dlak(-ь)* почти без изменений отражена в чешск. *vľko-dlak(-ь)*. Но возможный книжный характер формы, отчасти отличающий ее от диалектного (ляшск.) *vyl'ko-dlak* и словацк. *vyl'ko-lak* (с упрощением начальной группы второй основы того же типа, что в соответствующем лехитском сложном слове), делает вероятным влияние на нее позднепраславянской или не дошедшей до нас старославянской (ранней южнославянской или смешанной древнемакедонско-моравской) формы с приблизительно таким же фонемным составом и значением. Для более ранней эпохи развития пращешского диалекта можно предположить наличие формы, достаточно близкой к древнепрусской по составу фонем и со значением, которое может быть архаизмом: др.-чешск. *tlak-a*, -у 'pub(e)s, растительность на теле как признак зрелости, возмужалости' (в частности, у Кларета: *Clar., Gloss., VI, 7*, строка 1305: *Pubs, tlaka*). Если вслед за специалистами по истории чешского языка принять большую древность этой формы по сравнению с той основой, которая представлена вне сложения в южно-славянском и в составе сложения в других славянских языках, то можно было бы думать, что более поздние (в том числе книжные) влияния привели к замене более древнего слова, по звучанию, но быть может и по значению, еще мало отличавшегося от древнепрусского. Иначе говоря, можно было бы реконструировать для пращешского варианта праславянского **tlak-a* 'растительность на теле, делающая мужчину внешне похожим на медведя и волка' и **vľko-tlak-ь* 'оборотень; мужчина с чертами медведя или волка'. Другие западно-славянские варианты названия волка-оборотня характеризуются лехитским (или ему типологически и ареально подобным) изменением латеральной группы по циркумбалтийскому типу (польск. *wilkotak*, словацк. *vyl'ko-lak*), где исходная форма могла быть с равным успехом и **tl-*, и **dl-*: второй тип (как в ляшском) мог победить под позднейшим влиянием южно-славянского. В словенск. *voľko-dlak* и сербо-хорват. *vuko-dlak* вторая основа выступает в форме, отличающейся от древнепрусской и древнечешской и в то же время совпадающей с названием 'шерсти, шкуры' в юго-западно-славянских диалектах.

Старосербский текст 1262 г. сохранил форму, в которой можно было бы видеть след более ранней (книжной) старославянской формы: **влькѡдлаци**. Наличие первого латерального, в сербо-хорватском отсутствующего (в отличие от словенского, сохранившего ранне-юго-западно-славянский облик слова), указывает на вероятность влияния аналогичной незасвидетельствованной формы, которую соответственно можно реконструировать в ранне-юго-восточно-славянском.

В то время как в большинстве южнославянских диалектов изменение $*(-)t/dl- > (-)l-$ регулярно, первоначальные группы согласных (с озвончением первого из них) сохранились в некоторых современных сев.-зап. словенских диалектах, так же как частично во Фрейзингских отрывках и в карантанском. Этот архаизм наблюдается внутри морфа/слога в середине основы (в сев.-зап. словенском) и также (во Фрейзингских фрагментах и в центральных словенских диалектах) в формах типа *v-sed-li*, где морфемный шов (граница морфов, которая может совпадать со слоговой границей) проходит между глагольной основой с исходом на *-d-* и начальной фонемой *-l-* глагольного окончания. Сохранение $*-tl/-dl-$ имеет место в полабском, верхнелужицком (нижнелужицкий частично утратил архаичные формы), чешском и польских южных диалектах и силезском (как и в современном литературном польском языке), тогда как в словацком и словенском диалекты с сохранением групп $*-tl/-dl-$ противопоставляются инновационным, в которых осуществляется замена групп фонемой $*-l-$. Поскольку в словацком в диалектах продолжаются частично словенские изоглоссы с этим фонетическим изменением, можно было бы думать, что эволюция началась до разделения словацкого и словенского ареалов, вызванного вторжением в VIII–IX вв. пришлецов, говоривших по-немецки и по-венгерски. Особенностью развития в юго-восточно-славянском в отличие от юго-западно-славянского была потеря *d-* в начальной группе $dl- > l-$ (как в этом сложном слове в восточнославянском, лехитском, словацком) и ранняя диссимилиация двух латеральных фонем, из которых первая ($*l$) в болгарском изменилась в $*r$: болг. *върколак*. По сравнению с предполагаемой исходной индоевропейской формой порядок плавных оказывается обратным: $*r \dots *l$ вместо $*l \dots *r$ (через промежуточное состояние $*l \dots *l$ в балтославянском и диалектах, из него происходящих). В достаточно

древний период раннеболгарское название с измененным составом плавных заимствуется в румынский (рум. *vîrcolak*, вариант *svîrcolak*) и в аромунские диалекты дако-романского (аромун. *vircolác*, *vurculác* ‘вампир, призрак’). В греческий (как в континентальные диалекты новогреческого, так и в диалекты островов) была заимствована юго-восточно-славянская (болгарская) форма слова с измененным первым плавным: греч. *βουρκόλακας* (диалектный вариант *βαρβάλακκας*), прямо или через посредство цыганского заимствования повлиявшая на Пушкина, благодаря которому слово *вурдалак* вошло в литературный русский язык (в западной части восточно-славянской области – в белорусском *воўколак*, украинском *вовкулак* – фонетическое развитие второй части словосложения аналогично болгарскому, а первая часть теряет латеральный). По фонетическим признакам предполагается, что албанск. *vurvollak*, *vurvullák* заимствовано из греческого. В данном случае на примере этого слова прослеживается последовательное заимствование термина, становящегося общевалканским. Некоторые из подобных балканских слов начинают распространяться еще в период иранизации, связанной с влиянием древнеиранской религии. В частности, к ним относится ставшее общевалканским название огня *vatra* (ср. его след в русском производном *ватрушка*), начало заимствования которого связано с воздействием древнеиранского культа огня.

Не только лексические, но и грамматические общие черты объединяют часть балканских (в том числе южно-славянских) языков с балтийскими, позволяя говорить о пучке балто-балканских изоглосс, связывающих эти языки с некоторыми южно-славянскими. В морфологии глагола к ранним явлениям этого рода можно отнести пересказывательное наклонение (*evidential* в типологической терминологии Р. Якобсона), разные грамматические воплощения которого охватывают значительный ареал от восточно-балтийского (где в этой функции выступает *Modus Relativus*) до балканского, цепочкой связываемого в малоазиатскими и южнокавказскими продолжениями. Взаимодействие нескольких языковых семей (первоначально отдаленно родственных, как балканские индоевропейские языки, на ностратическом уровне соотносимые с алтайскими, к которым относится турецкий, и картвельскими) и языковых союзов (в приводимых иллю-

страциях циркумбалтийских и балканского) создает мозаику, соединяющую воедино унаследованные и ареальные черты.

Литература

- Топоров В.Н. (1984). *Прусский язык. Словарь. К–Л*. М.: «Наука».
- Adams D.Q. (1999). *A dictionary of Tocharian B*. Amsterdam: Rodopi.
- Rosenkranz B. (1978). *Vergleichende Untersuchungen der Anatolischen Sprachen*. Berlin: Mouton.

ЗАМЕТКИ К ТИПОЛОГИИ ПРЕФЕКТИВА¹

П.М. Аркадьев (Институт славяноведения РАН)

Термин префектив я предлагаю использовать в качестве удобного сокращения вместо более громоздкого термина «префиксальный перфектив»² и обозначать им образование перфективных (\approx относящихся к совершенному виду) глагольных лексем или форм при помощи префиксов (превербов). Само по себе данное явление хорошо известно и, в принципе, изучено, в особенности в славянских языках (подробную библиографию по славянскому виду см. в недавних монографиях [Петрухина 2000] и [Dickey 2000]). Тем не менее, рассмотрение префектива как грамматического явления особого типа, обладающего рядом нетривиальных характеристик, выделяющих его из множества других аспектуальных категорий, до сих пор ограничивалось лишь наиболее общими, пусть и проницательными, замечаниями (ср. обсуждение в работах [Dahl 1985: 89], [Bybee et al. 1994: 87–90], [Плунгян 1998; 2000: 302–303], [Майсак 2005: 297–305]).

В данном кратком очерке я попытаюсь задать основные точки типологического пространства, релевантного для категории префектива, и разместить в этом пространстве явления ряда языков центрально- и восточно-европейского ареала – славянских (языков с «эталонным» префективом), балтийских (в первую очередь литовского), а также германских языков (немецкого и идиш), венгерского, грузинского и осетинского.

¹ Я благодарю В.А. Плунгяна за ценные замечания к первоначальной версии этого текста.

² Сам термин возник в результате удачной опечатки в работе [Стойнова 2006].

1. Общие замечания об аспектуальных системах

Типология видовых категорий и систем в языках мира весьма хорошо разработана, см. в первую очередь монографии [Dahl 1985; Smith 1997/1991; Bybee et al. 1994], сборники [Dahl (ed.) 2000; Ebert, Zuñiga (eds.) 2001] и статьи [Bybee, Dahl 1989; Плуноян 1997³]. В рамках семантической зоны аспектуальности принято разграничивать количественный аспект, квантифицирующий ситуации (см. работы [Храковский (ред.) 1989; Шлуинский 2006]), и линейный аспект, характеризующий ситуацию с точки зрения ее внутренней структуры, протекания во времени. В рамках последнего можно выделить две основные зоны: перфективную и имперфективную. Перфектив рассматривает ситуацию «извне», в ее целостности, с учетом ее внешних границ, в то время как имперфектив, напротив, выделяет «срединную фазу» ситуации и представляет ее как длящуюся (ср. известное определение в работе [Comrie 1976]). Важно отметить, что сами по себе перфектив и имперфектив не являются атомарными значениям, но имеют различные подтипы. Так, в рамках перфектива выделяются пунктив (представляющий ситуацию как точечную), комплетив (фокусирующий внимание на достижении ситуацией предела), лимитатив (обозначающий ограниченную во времени длительную ситуацию), а также, с определенными оговорками, результатив (обозначающий результат ситуации) и перфект (обозначающий ситуацию в прошлом, релевантную для настоящего). Имперфектив включает в себя такие подзначения, как дуратив (обозначающий длящуюся фазу ситуации) и конатив (значение неудавшейся попытки совершить действие).

Аспектуальные системы могут различаться тем, какие из указанных значений в них грамматикализованы, в частности, выражаются при помощи специализированных показателей, и какие типы сочетания различных значений аспектуальной зоны в них представлены.

Другой важнейший параметр типологии аспектуальных систем связан со способом выражения аспектуальных значений. То, что характер формального воплощения грамматических значений может быть связан с их функциональным содержанием, стало яс-

³ Дальнейшее изложение в этом разделе в основном следует данной статье.

но с развитием теории грамматикализации (см. [Lehmann 1995/1982; Heine et al. 1991; Hopper, Traugott 1993]), главный тезис которой заключается в том, что лексический источник грамматической единицы предопределяет путь ее грамматикализации и, тем самым, ее семантику и функционирование в грамматической системе (см. [Bybee et al. 1994: 12, 15–16]).

Для нашего рассмотрения наибольшую значимость имеет выделенное в работах [Bybee, Dahl 1989; Bybee et al. 87–90] противопоставление перфективов, возникающих из перфекта (*anterior-based perfectives*, далее АВР) и перфективов, возникающих из сочетаний глаголов в «ограничителями» (*bounder-based perfectives*, далее ВВР). Примером первых могут послужить такие формы, как латинский перфект, общеславянский аорист, *Passé composé* во французском языке, вторых – славянский совершенный вид. Эта дихотомия проявляется в следующих признаках:

- (i) АВР, как правило, морфологически существенно более регулярен, чем ВВР; в частности, при ВВР обычно не все глаголы способны сочетаться с «ограничителями», разные глаголы сочетаются с разными «ограничителями», а правила, регулирующие эту сочетаемость, могут быть весьма сложными и нередко словарно заданными.
- (ii) АВР обычно выражает перфектив «в чистом виде», т.е. обозначает ограниченную во времени ситуацию без указания на то, достигла ли она предела; это позволяет перфективу такого рода свободно сочетаться практически с любыми аспектуальными классами глаголов, включая неопределенные процессы и состояния. Напротив, для ВВР простой ограниченности во времени недостаточно, он выражает также достижение ситуацией предела, в связи с чем такой перфектив наиболее продуктивно образуется лишь от предельных глаголов, а с неопределенными глаголами либо не сочетается вовсе, либо получает нестандартные интерпретации.
- (iii) АВР, как правило, встраивается в систему временных форм и морфологически сочетается лишь с прошедшим временем. ВВР в этом смысле менее ограничен и может сочетаться, в принципе, с любыми временными формами.

Еще одним важным свидетельством различия двух типов перфектива является возможность их сосуществования в рамках одной системы, ср. болгарский язык [Маслов 2004/1978], где представ-

лены как совершенный и несовершенный виды в обычном понимании этих терминов в славистике, так и противопоставление аориста и имперфекта в системе глагольных времен.

Из вышесказанного очевидно, что объект нашего рассмотрения, а именно префектив, относится как раз ко второму типу перфективов, поскольку превербы — как на историческом, так и (по крайней мере, в некоторых языках) на синхронном уровне являются типичными «ограничителями», указывающими в первую очередь на достижение ситуацией предела.

2. Типологические параметры префектива

Рассмотрим некоторые характерные признаки префектива, точнее, глагольных систем, в которых данная категория играет важную роль. Эти параметры касаются разных аспектов устройства и функционирования таких систем – как семантических, так и морфологических.

Параметр I: (исходные) функции превербов. Для того, чтобы превербы, исходное значение которых в большинстве случаев является пространственным (см. [Плунгян 2002]), могли служить средствами перфективации (точнее, телисизации, т.е. фокусирования предела ситуации, см. [Майсак 2005: 302–303; 329]), они должны обладать определенными семантическими свойствами. Так, превербы с чисто локативным значением, конкретизирующим местоположение объекта по отношению к ориентиру, или тем или иным образом характеризующие сам ориентир и/или объект, редко выступают в перфективирующей функции даже в сочетании с динамическими глаголами (по-видимому, это одна из причин того, что в языках Северного Кавказа префектив практически не представлен, ср. [Татевосов 2000]). Напротив, превербы, указывающие на направление или «маршрут» движения или действия, могут легко становиться телисизаторами. Это различие очевидно, например, в абхазо-адыгских языках (ср. [Рогова, Керашева 1966: 112–135]), где основная масса превербов либо обозначает расположение объекта по отношению к ориентиру, либо имеет более сложное значение, в любом случае индифферентное по отношению к признаку «динамичность» ~ «стативность». Такого рода превербы никак не воздействуют на аспектуальные свойства глагола. Напротив, адыгский преверб *къэ-* [ibid.: 112–114] с ярко выраженным дейктическим (направитель-

ным) значением (ср. адыгейское *кIон* ‘идти’ vs. *къэ-кIон* ‘идти сюда, придти’) обладает и телисизирующей способностью, в ряде случаев выходящей на первый план (ср. адыгейское *гъын* ‘плакать’ vs. *къэ-гъын* ‘заплакать’).

Параметр II: продуктивность превербов. О категории префектива имеет смысл говорить лишь в том случае, когда сочетаемость превербов-телисизаторов с глаголами в данном языке обладает высокой степенью продуктивности, в частности, не ограничена глаголами, обозначающими движение или действие, с ним связанное. Из этого с необходимостью вытекает

Параметр III: абстрактность семантики превербов. Превербы, сочетаясь с глаголами, не имеющими в семантике «двигательных» компонентов, получают абстрактные значения, лишь опосредованным образом связанные с исходными пространственными.

Параметр IV: функция телисизации в чистом виде. Семантическое «выветривание» превербов при сочетании их со всё более широкими классами глаголов может привести к тому, что в ряде случаев единственной функцией преверба будет собственно фокусирование достижения ситуацией предела (так называемые «чистовидовые» приставки, ср. русское *делать* vs. *с-делать*, грузинское *k'vdeba* ‘умирать’ vs. *то-k'vdeba* ‘умереть’).

Параметр V: характер оппозиции префективных и непрефективных глаголов. В «канонической» системе с префективом дистрибуция глаголов с превербами и производных глаголов оказывается близкой к дополнительной. В частности, префективные глаголы, как правило, теряют способность к сочетанию с дуративной семантикой, а непрефективные – с комплетивной и/или пунктивной.

Параметр VI: средства имперфективации. Ввиду того, что в значительном числе случаев присоединение преверба служит не только телисизации, но и определенной более значимой модификации семантики исходного глагола (это очевидно, в частности, из способности одних и тех же глаголов сочетаться с разными превербами, образуя так называемые способы действия), а также указанного в предыдущем параметре функционального распределения между префективными и непрефективными глаголами, в языке с «каноническим» префективом может возникнуть продуктивная система «вторичной» имперфективации,

т.е. морфологической операции, превращающей префективный глагол в непрефективный (ср. русский суффикс *-ыва-*).

Параметр VII: взаимодействие префектива с другими (видо)временными категориями. Характер возникновения префектива требует, чтобы «молодая» категория данного типа не накладывала никаких специфических ограничений на глагольную парадигматику, более или менее свободно сочетаясь со всеми наличными в языке временными формами. Ограничения могут касаться лишь сочетаемости префективных и непрефективных глаголов с теми или иными частными аспектуально-темпоральными значениями, и не должны на начальной стадии развития префектива быть очень строгими. В ходе дальнейшей грамматикализации префектива, однако, могут возникать те или иные ограничения на сочетаемость категорий.

Возможно, выделенных выше семи параметров недостаточно для адекватной типологической характеристики префектива, однако в данной работе я позволю себе ограничиться ими и рассмотреть с их помощью аспектуальные системы ряда языков восточно-европейского ареала.

3. Префектив в Восточной Европе – ареально-типологическая перспектива

Рассмотрим значения выделенных в предыдущем разделе параметров в ряде языков восточно-европейского ареала.

По первому параметру, связанному с исходной семантикой превербов, почти все языки данного ареала демонстрируют относительно гомогенную картину. В сочетании с глаголами движения превербы указывают на маршрут перемещения объекта относительно ориентира. Основные различия по этому параметру между рассматриваемыми языками заключаются, во-первых, в «мощности» системы превербов и сопутствующей ей степени детализированности членения соответствующей семантической зоны, и, во-вторых, в степени грамматикализации дейктической семантики. Последняя в той или иной степени является релевантной для всех языков ареала, но выражается в качестве отдельной категории лишь на его периферии: в немецком языке (противопоставление превербов *hin-* ‘по направлению от говорящего’ и *her-* ‘по направлению к говорящему’, способных соединяться с превербом маршрута), в языке идиш (преверб *ar-*, обозначающий

движение по направлению к некоторому выделенному объекту [Talmy 1982; Gold 1999: 9–10]); в осетинском языке направительные превербы кумулятивно выражают одновременно маршрут и направление, ср. *pa-* ‘от ориентира по направлению к говорящему’ vs. *a-* ‘от ориентира по направлению от говорящего’ [Левитская 2004: 36–37; Стойнова 2006]; в грузинском языке имеются дейктические превербы *mi-* и *to-*, по значению сходные с немецкими *hin-* и *her-* и образующие отдельный ряд превербов [Vogt 1971: 172–180].

Параметр продуктивности превербов в рассматриваемых языках принимает разные значения, однако все они в той или иной степени близки к полюсу высокой продуктивности. В славянских языках превербы могут сочетаться практически с любыми глаголами (другое дело, что значение исходного глагола может претерпевать при этом существенные изменения). В литовском языке, в принципе, приставочная деривация также весьма продуктивна, однако в ряде случаев префиксальный и производный глаголы отличаются не только наличием преверба, но и вариантом основы (и словоизменительным типом), ср. *gird-ėti* ‘слышать’ vs. *iš-girs-ti* ‘услышать’ (**iš-gird-ėti*). В грузинском языке ограничено образование префективных производных от непереходных глаголов, обозначающих процессы без ингерентного предела, ср. [Vogt 1971: 134–153].

Во всех рассматриваемых языках превербы развили абстрактные (непространственные) значения, что напрямую связано с их высокой продуктивностью. Однако не во всех случаях представляется возможным говорить о наличии в том или ином языке развитой системы «способов глагольного действия». Такого рода системы наиболее развиты в славянских и балтийских языках, отчасти – в венгерском [Майтинская 1959: 173–193], немецком и идиш (причем в последнем многие «способы действия» прямо заимствованы из славянских языков, см. [Talmy 1982]), и в значительно меньшей степени в языках Кавказа. Так, в грузинском языке значительная часть глаголов (за исключением глаголов с пространственными компонентами значения) сочетается лишь с одним превербом; способы действия в обычном смысле этого термина малочисленны (в грамматике [Aronson 1982: 440–441] отмечаются дистрибутивные, репетитивные и два типа аттенуативных производных). Данный факт, однако, свидетельствует

скорее о высокой степени грамматикализации превербов в грузинском языке (ср. ниже).

Во всех рассматриваемых языках имеются случаи употребления превербов, в которых единственным их вкладом в значение результирующего глагола является телисизация, т.е. фокусирование предела обозначаемой глаголом ситуации. Такого рода «чистовидовые» превербы встречаются в славянских и балтийских языках (однако их статус в этих языках является дискуссионным, см. обсуждение материала русского языка в [Исаченко 1960: 155–159; Зализняк, Шмелев 2000: 81–83] и литовского языка в [Галнайтите 1963; Вимер 2001]), в идиш [Talmy 1982], в венгерском языке [Майтинская 1959: 177–180 и след.] – с теми очевидными оговорками, что сами аспектуальные функции превербов в этих языках грамматикализованы в существенно разной степени. В грузинском языке практически все глаголы, в принципе допускающие такую деривацию, образуют префективные корреляты с «чистовидовым» значением. Сходная ситуация представлена, по видимому, и в осетинском языке.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о превербах с делимитативной функцией, образующих от неопределенных глаголов производные со значением ограниченного во времени процесса. Такие дериваты довольно широко распространены в славянских языках (см., в частности, их обсуждение в сопоставительном плане в [Петрухина 2000: 141–190]), известны они и балтийским языкам (см. [Галнайтите 1959; Keydana 1998]), и осетинскому языку [Стойнова 2006]⁴, но практически не знакомы ни венгерскому языку, ни германским языкам.

Характер оппозиции префективных и непрефективных глаголов является важнейшим параметром типологии данного явления. В славянских языках, с одной стороны, префективные и непрефективные глаголы четко противопоставлены – и по ряду грамматических признаков, и по способности выступать в тех или иных контекстах. Префективные и непрефективные глаголы образуют весьма гомогенные классы, все члены которых обладают рядом общих морфосинтаксических характеристик. С другой стороны, в ряде случаев противопоставление может нейтрализо-

⁴ Статус грузинских образований со сложным превербом *с'а-то-* [Aronson 1982: 441] неясен.

ваться (как в русском языке, где в «настоящем историческом» или в узуальном значении допустимы лишь непрефективные глаголы). Такого рода нейтрализация особенно характерна для восточнославянских языков и болгарского языка, однако делается более редкой в западнославянских языках (см. [Петрухина 2000: 64–89; Dickey 2000]), и практически невозможна в литовском языке [Вимер 2001] и, по-видимому, в осетинском языке [Стойнова 2006]. В других рассматриваемых языках представлена качественно иная ситуация. В венгерском языке (ср. [Kiefer 1994; Csirmaz 2004]) как глаголы без превербов, так и многие глаголы с превербами могут употребляться и в имперфективных, и в перфективных контекстах (для того, чтобы такое употребление было возможно, преверб должен оторваться от основы и переместиться в послеглагольную позицию). В грузинском языке, как будет видно ниже, оппозиция префективных и непрефективных глаголов тесно переплетена со структурой словоизменительных видо-временных категорий.

По наличию средств имперфективации («депрефективации») рассматриваемые языки распадаются на две группы. В славянских языках имперфективация весьма распространена, хотя и здесь наблюдаются определенные различия: этот процесс обладает практически стопроцентной продуктивностью в болгарском языке [Маслов 2004: 122], подвержен ряду ограничений в русском и польском языках, и еще более ограничен в чешском и словацком языках (см. [Петрухина 2000: 89–104]). Механизм вторичной имперфективации имеется и в литовском языке, где он, однако, существенно менее продуктивен, нежели в славянских языках (см. [Галнайтите 1966]). Депрефективирующие морфемы в славянских и литовском языках по происхождению являются показателями итератива, т.е. количественного аспекта, однако они допускают – в большей степени в славянских языках и в существенно меньшей степени в литовском – и употребление в дуративных и конативных контекстах. Несколько иная ситуация представлена в осетинском языке [Левитская 2004], где итеративное значение выражается при помощи энклитики *-у*, а конативное и дуративное – посредством префикса *-цæй-*.

В других языках нашего ареала депрефективация либо отсутствует вовсе (как в картвельских и германских языках; так, в [Talmy 1982] специально указывается, что в идиш нет ни иско-

ного, ни заимствованного средства депрефективации и что префективные глаголы могут употребляться как в собственно перфективных контекстах, так и в тех случаях, где в славянских языках выступает вторичный имперфектив), либо реализуется неморфологически (отрыв и постпозиция преверба в венгерском, конструкции с наречиями в латышском [Holvoet 2000]). Это, однако, связано с разными факторами: со слабой степенью грамматикализации префектива на западной оконечности ареала, и, напротив, с его сильной грамматикализованностью в картвельских языках.

Перейдем к последнему параметру. Ограничения на сочетаемость префективных и непрефективных глаголов с теми или иными глагольными категориями распадаются на три основных класса. Во-первых, это запрет на сочетание глагола определенного типа с конкретными видо-временными формами (ср. отсутствие у русских глаголов совершенного вида аналитических форм будущего времени). Во-вторых, это запрет на тот или иной класс интерпретаций сочетаний глаголов с видо-временными формами (ср. невозможность в русском языке употребления форм презенса с референцией к настоящему, причем не только в актуально-длительном, но и, за редкими исключениями, в хабитуальном значении). Как видно, эти типы ограничений на сочетаемость могут сосуществовать в одном языке. В-третьих, это требование некоторой видо-временной формой определенного класса глаголов (так, в грузинском языке формы аориста и перфекта от непрефективных глаголов⁵ если и не запрещены полностью, то имеют очень ограниченную сферу употребления, см. [Vogt 1971: 186–188]; во многом аналогичная ситуация представлена и в сербохорватском языке).

Строгий запрет на сочетаемость префектива с референцией к настоящему представлен в основном в восточнославянских языках и в грузинском языке; чешские, словацкие и словенские префективные глаголы более или менее свободно употребляются в хабитуальном значении и в *praesens historicum*, см. [Dickey 2000: Ch. 4]; многие литовские префективные глаголы допускают и актуально-длительное значение презенса. Германские языки практически не знают такого рода ограничений. Напротив, в грузин-

⁵ Точнее, лишь от двух обширных классов непрефективных глаголов.

ском языке устройство сочетаемости превербов с теми или иными формами таково, что префектив там можно считать не столько отдельной грамматической категорией, обладающей единым значением, сколько одним из морфосинтаксических средств организации глагольной парадигматики.

Подводя итог нашему рассмотрению, можно отметить, что категория префектива весьма гетерогенна. Часть выделенных нами параметров принимают в рассмотренных языках существенно различные значения, причем различие по тому или иному параметру может не свидетельствовать однозначно о той или иной степени грамматикализованности категории префектива. Можно утверждать наличие «прототипического» префектива в восточнославянских языках, где оппозиция префективных и непрефективных глаголов, фактически, является единственным представителем аспектуальной зоны. На западной периферии этого ареала (балтийские и в особенности германские языки) степень грамматикализованности префектива весьма незначительна, и в западнославянских языках она менее значительна, чем, в частности, в русском языке (о различиях между западно- и восточнославянскими видовыми системами см. [Петрухина 2000; Dickey 2000]). В болгарском языке развитой префектив сосуществует с богатой системой аспектуальных категорий других типов. В грузинском языке, напротив, грамматикализация префектива зашла столь далеко, что, фактически, можно говорить об ослаблении его функциональной нагрузки.

Что касается собственно вопроса о причинах возникновения в рассмотренном ареале категории префектива, то пока можно отметить лишь, что, по-видимому, определенные предпосылки к ее возникновению – выражение пространственной семантики при помощи глагольных превербов – «изначально» имелись во всех исследованных языках. Какие факторы могли послужить «толчком» к их дальнейшей грамматикализации, не вполне ясно, однако было бы преждевременно предполагать, что лишь одна языковая группа (например, славянская) могла быть источником «иррадиации» префектива в восточно-европейском ареале⁶.

⁶ Несмотря даже на то, что влияние славянских языков на литовский и идиш трудно подвергать сомнению.

Литература

- Вимер Б. (2001). Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов (Опыт сопоставления с точки зрения лексикализации и грамматикализации) // *Вопросы языкознания*, 2, 26–58.
- Галнайтите Э. (1959). Лексические значения глагольной приставки *po-* в соответствии с приставкой *pa-* литовского языка // *Славянское языкознание*.
- Галнайтите Э. (1963). Особенности категории вида глаголов в литовском языке (в сопоставлении с русским языком) // *Kalbotyra*, 7, 123–144.
- Галнайтите Э. (1966). К вопросу об имперфективации глаголов в литовском языке // *Baltistica*, 2/2, 147–158.
- Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. (2000). *Введение в русскую аспектологию*. М.: «Языки русской культуры».
- Исаченко А.В. (1965). *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология*. Т. II. Братислава: Изд-во Словацкой Академии Наук.
- Левитская А.А. (2004). Аспектуальность в осетинском языке: генетические предпосылки, ареальные связи, типологическое сходство // *Вопросы языкознания*, № 1, 29–41.
- Майсак Т.А. (2005). *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*. М.: «Языки славянских культур».
- Майтинская К.Е. (1959). *Венгерский язык. Часть II. Грамматическое словообразование*. М.: Издательство АН СССР.
- Маслов Ю.С. (2004/1978). *Очерки по аспектологии* // Ю.С. Маслов. *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*. М.: «Языки славянской культуры», 21–302.
- Маслов Ю.С. (2004). *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*. М.: «Языки славянской культуры»
- Петрухина Е.В. (2000). *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. М.: МГУ.
- Плунгян В.А. (1997). Вид и типология глагольных систем // М.Ю. Черткова (ред.). *Труды аспектологического семинара Филологического факультета МГУ*. Т. I. М.: МГУ, 173–190.
- Плунгян В.А. (1998). Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // М.Ю. Черткова (ред.). *Типология вида*.

- Проблемы, поиски, решения.* М.: «Языки русской культуры», 370–380.
- Плунгян В.А. (2000). *Общая морфология: введение в проблематику.* М.: УРСС.
- Плунгян В.А. (2002). О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // В.А. Плунгян (ред.). *Исследования по теории грамматики. Т. 2. Грамматикализация пространственных значений.* М.: «Русские словари», 57–98.
- Рогава Г.В., Керашева З.И. (1966). *Грамматика адыгейского языка.* Краснодар, Майкоп: Краснодарское книжное издательство.
- Стойнова Н.М. (2006). Аспектуальная система осетинского языка и семантический класс глаголов движения (на материале кударского говора иронского диалекта). Доклад на *3ей Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей*, СПб.
- Татевосов С.Г. (2000). Метафизика движения в грамматике естественного языка: глагольная префиксация в северокавказских языках // *Вестник МГУ, сер. 9 Филология*, 6, 14–29.
- Храковский В.С. (ред.) (1989). *Типология итеративных конструкций.* Л.: Наука.
- Шлуинский А.Б. (2006). К типологии предикатной множественности // *Вопросы языкознания*, 1, 46–75.
- Aronson H. (1982). *Georgian. A Reading Grammar.* Columbus (OH): Slavica.
- Bybee J.L., Dahl Ö. (1989). The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in Language*, 13/1, 51–103.
- Bybee J., Perkins R.D., Pagliuca W. (1994). *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World.* Chicago, London: The University of Chicago Press.
- Comrie B. (1976). *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Csirmaz A. (2004). Perfective and imperfective aspect in Hungarian: (Invisible) differences // S. Blaho, L. Vicente, M. de Vos (eds.). *Proceedings of ConSOLE XII.* University of Leiden.
- Dahl Ö. (1985). *Tense and Aspect Systems.* Oxford: Blackwell.
- Dahl Ö. (ed.) (2000). *Tense and Aspect in the Languages of Europe.* (EUROTYP, Vol. 6). Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

- Dickey S.M. (2000). *Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach*. Stanford (CA): CSLI Publications.
- Ebert K., Zúñiga F. (eds.) (2001). *Aktionsart and Aspectotemporality in Non-European Languages*. Arbeiten des Seminars für Allgemeine Sprachwissenschaft, 16. Zürich.
- Gold E. (1999). *Aspect, Tense and the Lexicon: Expression of Time in Yiddish*. Doctoral Dissertation, University of Toronto.
- Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. (1991). *Grammaticalization. A Conceptual Framework*. Chicago, London: The University of Chicago Press.
- Holvoet A. (2000). Perfectivization in Latvian // *Linguistica Baltica*, 8, 89–102.
- Hopper P.J., Traugott E.C. (1993). *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Keydana. G. (1998). Aspekt im älteren Litauischen // *Linguistica Baltica*, 7, 119–145.
- Kiefer F. (1994). Some peculiarities of the aspectual system in Hungarian // C. Bache, H. Basbøll, C.-E. Lindberg (eds.). *Tense, Aspect and Action. Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 185–206.
- Lehmann Chr. (1995/1982). *Thoughts on Grammaticalization*. München, Newcastle: LINCOM Europa. (1st version 1982)
- Smith C. (1997/1991). *The Parameter of Aspect*. Dordrecht: Kluwer, 1997. (1st ed. 1991)
- Talmy L. (1982). Borrowing semantic space: Yiddish verb prefixes between Germanic and Slavic // *Proceedings of the 8th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 231-250.
- Vogt H. (1971). *Grammaire de la langue géorgienne*. Oslo: Universitetsforlaget.

СУДЬБЫ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ГИПОТЕЗ И СЕГОДНЯШНЯЯ КОНТАКТНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Бьёрн Вимер (Universität Konstanz)

Почти четверть века назад Мартынов [Мартынов 1973: 4] написал: «начало дискуссии по балто-славянской проблеме связано не с открытием новых фактов, наличие которых противоречило бы прежней концепции. (...) Дискуссия определялась и определяется не фактами, а общелингвистическими теориями, возникшими вне прямой связи с балто-славянской проблемой». Оставляя в стороне вопрос, что нужно подразумевать под «(лингвистическим) фактом» (об этом см. ниже), можно согласиться с автором в том, что так называемая «балто-славянская проблема» в большой степени являлась следствием некоего сплава теоретических концепций, которые часто относились к довольно разным научным дисциплинам, причем лингвистика занимала среди них скорее скромное место. Редко уточнялось, каков должен был быть характер «балто-славянского единства» (см. ниже).

К устоявшимся гипотезам по балт.-слав. вопросу хотелось бы здесь подойти с точки зрения его лингвистической осмысленности. Для этой цели необходимо припомнить некоторые методологические вопросы и выводы, которые обсуждались в ряде обзорных работ (раздел 1). Вслед за этим будет добавлено одно частное наблюдение по глагольной словообразовательной морфологии (раздел 2), потом – замечания по ареальной лингвистике и типам результатов языковых контактов, которые могут оказаться важными для переосмысления вопроса об особой близости балтийских и славянских языков. Такое переосмысление строится на структурных чертах, которые особенно устойчивы именно в балто-славянском ареале и которые, к тому же, выбиваются достаточно ярко на общетипологическом и ареальном фоне (раздел

3). Обсуждение всех указанных вопросов носит сугубо эскизный характер.

1. Переменные ипостаси гипотезы и ее методологические недостатки

В своем обзоре Поль [Pohl 1992] перечисляет хронологию разных версий «балт.-слав. гипотезы», начиная с самого Шлейхера, к которому восходит овеянное мышлением XIX века сравнение языковой истории с эволюцией растений (“Stammbaum-Denken”). Такое мышление, конечно, давно пережило себя. Однако Шлейхер в своей аргументации также опирался на наблюдение, что число общих черт между балтийскими и славянскими языками гораздо больше, чем количество их различий по сравнению с остальными (известными тогда) группами и.-е. языков. На это обстоятельство впоследствии обращали внимание все, кто выдвигал ту или иную версию балт.-слав. гипотезы, в том числе и Мейе, который гипотезе Шлейхера о совместном протоязыке противопоставил гипотезу о том, что совместные черты в балтийских и славянских языках следует объяснить как следствие параллельного развития, наступившего уже после отделения их «предтеч» от некоторого (более не определяемого) и.-е. предшественника. После Мейе обе точки зрения пытался помирить Эндзелин [Эндзелин 1911: 201], утверждая, что схожие черты являются результатом вторичного ареального сближения носителей этих языков во время (тоже более не определяемой) «славяно-балтийской эпохи». Разновидность такой гипотезы выдвигал также Й. Розвадовский [Rozwadowski 1912], который снова настаивал на бывшем существовании «прото-балтославянского языка» (см. критические замечания в [Stang 1970/1939: 62 и сл.]). Качественно новый вклад в развитие рассматриваемой гипотезы внесли Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров, обосновывая тезис о том, что праславянский язык развился из восточного ответвления балтийской группы. В соответствии с этим тезисом у современных балтийских языков (литовского и латышского) совместные с пра- или протославянским языком «корни» в языке, который можно было бы назвать «прото/прабалтийским» (см. [Топоров 1997: 145]). Поводом для такого поворота в реконструкции предыстории балтийских и славянских языков являлись довольно заметные отличия западной части балтийской группы от восточной, проявлявшиеся еще в древне-

прусском языке. На том же основании Кортланд [Kortlandt 1977: 323], а потом и Брозович [Brozović 1983] стали более эксплицитно трактовать балто-славянский ареал как диалектный континуум, разделяя его на три части: восточнобалтийский (литовский и латышский), западнобалтийский (древнепрусский) и праславянский. Наконец, Мартынов [Мартынов 1981: 17] отстаивал практически противоположную точку зрения, предлагая рассматривать «протославянский» как результат воздействия некоего италийского субстрата на диалекты западной части «протобалтийского» языка.

Из этого сжатого (и далеко неполного) обзора видна не только непримиримость части гипотез между собой (особенно последних двух), но и постепенное осознание того, что языковые группы следует рассматривать в рамках диалектных континуумов. Кроме того, только постепенно исследователи стали отделять чисто лингвистическую задачу реконструкции состояния языков в дописьменные периоды от попыток реконструкции «балто-славянской общности», природа которой редко когда определялась точно. Часто складывалось впечатление, что под этим термином подразумевается смесь этнических групп, а не носителей разных и.-е. диалектов¹. Между тем данные этнографии, археологии и других историко-общественных дисциплин в лучшем случае могут оказаться полезными только для реконструкции самих условий (возможно и времени) контактов, но они не предоставляют никакой информации, нужной для реконструкции лингвистической структуры. Непонятно было также, какая доля среди конвергентных черт приходилась на следствия «совместного наследия», а какая – на результаты языковых контактов (см., например, [Birnbau 1970: 72]). Вообще, роль последних стала осознаваться (и признаваться) лишь относительно недавно.

С точки зрения самого сравнительно-исторического метода существенно указать на ряд слабых мест. Во-первых, реконструкция генетических связей исходно не ставила себе задачей восстановление грамматических и лексических систем. Как заме-

¹ Вопрос, что следует понимать под такой «общностью», задавался в [Thomason, Kaufman 1988; Kammerzell 1999: 262 и сл.]: означает ли этот термин непрерывную передачу из поколения в поколение языка (в смысле *langue*) в однородном одноязычном социуме? Видимо, такое представление было бы наивным.

чает Поль [Pohl 1992: 157], для оценки (степени) родства решающее значение имеют не сходные черты в знаковой системе, а этимологическое тождество звукового «материала» соответствующих единиц (лексем, морфем)². При этом для установления какого-нибудь промежуточного звена было бы достаточно одной совместной и исключительной инновации, но любая такая инновация не даст представления о структуре такого промежуточного языка. Во-вторых, вообще ложным нужно считать предположение, будто бы особая генетическая близость между славянскими и балтийскими языками влечет за собой необходимость постулирования промежуточных звеньев в виде балто-славянского языка между этими языками и более отдаленными и.-е. группами (см. [Носк 2006: 3, сн. 2]). В-третьих, какая-либо реконструкция «балто-славянского единства» принципиально несовместима с моделями распространения инноваций, исходящими из диалектных континуумов (см. [Schlerath 1981; Носк 2006: 5 и сл.]). Эта несовместимость, в-четвертых, связана с другим слабым местом практически всех вариантов гипотезы, а именно: с отсутствием хронологизации изоглосс, как абсолютной, так и относительной; причем последняя чуть ли не важнее первой. См. об этом со всей ясностью [Holzer 1998: 27, сн. 1]³:

„(...) man weiß ja nicht, ob es einmal eine Zeit gegeben hat, in der das Baltische und das Slavische miteinander noch identisch und dabei doch schon verschieden vom gesamten Rest der indogermanischen Idiome waren, weil man nicht weiß, ob die älteste Innovation, die das Baltische gemeinsam mit dem Slavischen vom Rest der indogermanischen Idiome abgrenzte, älter oder jünger ist als die älteste Innovation, die innerhalb des baltisch-slavischen Bereichs eine Grenze zog.“

В-пятых, несомненно надежным критерием для установления тех или иных промежуточных «генетических звеньев» могут служить только фонологические инновации, точнее: исчезновение фонологических контрастов в ряде этимологически связанных единиц. Такой процесс необратим, а прежде всего он лишен морфологических примесей, так что никакой дополнительной се-

² Необходимость отделения друг от друга обеих задач подчеркивается в [Носк 2000: 136, сн. 23; 2006: 2 и сл.].

³ Подобная мысль высказана также в [Stang 1970: 62 и сл.] и в [Holzer 1996: 36].

мантической интерпретации не требуется (см. [Hock 2000: 126-128], со ссылкой на [Hoenigswald 1966]). К сожалению, фонологические инновации сами по себе не влекут последствий на других уровнях восстанавливаемой языковой системы. Вместе с тем фонологические изменения в большой степени зависимы от нежесткой структуры словарного запаса данного языка (см. [Hock 2000: 129 и сл.]). Наконец, всегда нужно считаться с достаточно высокой вероятностью «импорта» новых фонемных различий вследствие более или менее массовых заимствований, причем также из неродственных языков. Поэтому фонологические изменения, при всей своей надежности с точки зрения сравнительно-исторического метода, все-таки нельзя признать убедительным критерием для реконструкции лексической или грамматической структуры дописьменных языков. В общем недостаток этого метода в том, что он обычно не считался с ролью контактов с языками, не соотносимыми с данной генетической (здесь: и.-е.) группой (см. об этом, например, [Pohl 1992]). Сколь значительна была эта роль в прошлом, судить трудно. Однако в интересующем нас ареале контактными языками, скорее всего, были финно-угорские языки.

2. Роль словообразования, в частности глагольного

Ряд авторов, проанализировавших гипотезу о балт.-слав. языковом единстве на основе потенциальных совместных и исключительных изоглосс, приходит к выводу, что больше всего общих черт славянские и балтийские языки разделяют в области словообразовательной морфологии (см. [Мартынов 1973; 1981; Stang 1966: 18; Pohl 1992]). Параллели касаются как этимологии морфем, так и их функций. Конечно, необходимо иметь в виду, что с точки зрения генетического родства структурным параллелям следует приписывать меньшую доказательную силу, чем совпадениям в звуковом составе отдельных единиц (см. выше). Несмотря на это, нам кажется, что как раз параллели в словообразовательной морфологии славянских и балтийских языков можно поставить во главу угла, если речь идет о наиболее устойчивых сходных чертах, сближающих именно эти две языковые группы в окружающем их ареальном пространстве.

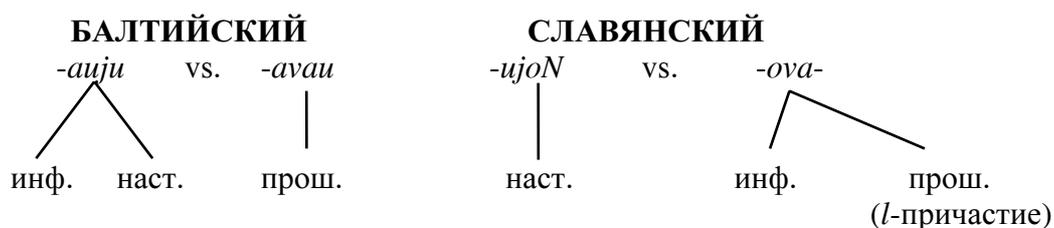
Это примечательно как раз для области глагольного словообразования, поскольку, в отличие от именных парадигм (см.

[Мартынов 1973] и [Pohl 1992]), глагольная словоизменительная морфология обнаруживает очень мало этимологических параллелей. Правда, мало этимологически общего также в словообразовательной глагольной морфологии, но зато в обеих группах языков вся система форм строится на одинаковом принципе, а именно: на противопоставлении основ, на которое опираются почти все парадигматические различия. Присмотримся к этому поближе.

Видимо, единственной совместной этимологией обладают глагольные суффиксы типа лит. *-áuju*, слав. *-ujоN*⁴ (см. [Stang 1966: 18 и сл.; Pohl 1980: 92 и сл.; 1992: 138, 152]). Как известно, в славянских языках чередование $\{ *ujоN \} > \{ ujV \}$ vs. $\{ ova \}$ возникло вследствие различной трактовки дифтонгов в тавто- и гетеросиллабической позиции. Произошло это в достаточно поздний праславянский период, т.е. в такое время, для которого также сторонники балт.-слав. языкового единства исходят из разделения обеих групп.

Кроме общей этимологии обращает внимание чередование основы наст. с основой прош. времени⁵. Сопоставление оппозиций основ в балтийском и в славянском показано на Схеме 1.

Схема 1: Чередование этимологически совместного суффикса в основах времен

Как мы видим, помимо совместной этимологии рассматриваемого суффикса, чередующиеся основы различаются по своему парадигматическому статусу. В балтийском форма $\{ áuju \}$ служи-

⁴ 'N' обозначает носовой согласный. Он либо утратился (ср. 1 л. ед. ч. наст. вр. в русском языке $\{ uju \}$), либо его рефлекс отражается в назальности предшествующего гласного (ср. 1 л. ед. ч. наст. вр. в польском языке $\{ uje \}$).

⁵ Не все авторы постулируют третью основу для прош. времени. Хотя бы для литовского языка дополнительная основа имеет смысл; см. по этому поводу [Smoczyński 1988: 857].

ла (и служит) для образования основы инфинитива и наст. вр., противопоставляясь форме {av} претеритной основы (ср. 1 л. ед. ч. {av-au} и т.д.). В отличие от этого слав. {ujoN} образует основу наст. вр., в то время как инфинитив и *l*-причастие (впоследствии переосмысленное в прош. вр.) образуются с помощью формы {ova}. Следовательно, чередование основ различается в статусе основы инфинитива. При этом существенно иметь в виду, что различный парадигматический статус основообразующих суффиксов нельзя объяснить тезисом, будто основа инфинитива стала оформляться после основы наст. и прош. времен. Напротив, основа инфинитива в литовском языке гораздо старше основы наст. вр.; эту последнюю можно считать балтийской особенностью или даже только литовского языка (см. [Otrębski 1965/II: 307]).

3. Глагольное словообразование как устойчивая особенность

Приемы расширения глагольных основ с помощью префиксов и суффиксов характерны для балтийских и славянских языков не только при образовании основ времен и инфинитива, но и при противопоставлениях аспектуального характера. В славянских языках эта «техника» расширения основы привела к развитию сильно грамматикализованной категории вида (СВ : НСВ). В отношении того, какой тип аффиксации (префиксация или суффиксация) в этом процессе сыграл ключевую роль, мнения исследователей расходились. Так, например, [Breu 1992] находит доводы в пользу того, что более важна префиксация, потому что ее можно обнаружить и в тех языках, в которых видовая оппозиция наподобие славянской доходила только до начальной стадии (ср., напр., готский, венгерский, грузинский, а также идиш). Похоже обстоит дело с современным латышским, в котором продуктивная суффиксация по большому счету утрачена. Напротив, Ю.С. Маслов решающим фактором в грамматикализации видовой оппозиции считал суффиксацию. Свою точку зрения он обосновывал тем, что только посредством так наз. вторичной суффиксации (ср. Схему 2) стало возможно продуктивное производство глагольных основ, способных заменять друг друга в разных грамматических контекстах без изменения лексического содержания (см. [Maslov 1959]).

Для разрешения этих разногласий было бы необходимо изучить относительную хронологию обоих накладывающихся процессов (чем, насколько мне известно, никто не занимался). Однако, не желая разрешать эти разногласия здесь, я хотел бы указать лишь на то, что для видовой системы славянских языков существенно со-действие обоих типов аффиксации. В ареальном отношении в глаза бросается как раз то, что ни в каких других языках Европы (включая евразийские периферии), видимо, подобное сочетание обоих типов расширения основ (со словообразовательным характером) не встречается. В балтофинских языках сильно развито употребление превербов (оно отражается и в латышском, издавна находящемся под влиянием языков этой группы), в то время как в других финно-угорских языках Европы очень продуктивна суффиксация, но не префиксация глагольных основ (см. богатый материал, который приводил еще Б.А. Серебренников [Серебренников 1960]). Поэтому может показаться, что для утверждения «полноценной» видовой системы, построенной на словообразовании, необходима возможность продуктивного расширения основ «с обеих сторон». Видимо, только на этом основании может возникнуть систематическое образование так наз. видовых пар. В самом кратком виде образцы образования видовых пар можно представить как реинтерпретацию продуктивной аффиксации, причем реинтерпретация в идеале заканчивается полностью дополнительным распределением пар производящей и производной основ; см. Схему 2.

Схема 2: Возникновение образцов видовой парности

I. продуктивная аффиксация:

- (i) простая основа \Rightarrow приставочный дериват
рус. *писать* \Rightarrow *на-писать* (\Rightarrow † *напис-ыва-ть*)
лит. *rašyti* \Rightarrow *pa-rašyti* ‘(на)писать’
- (ii) основа \Rightarrow + суффикс { *nɔ } (лит. { eɣè, elè })
рус. *достигать* \Rightarrow *достиг-ну-ть*
лит. *rėkti* ‘кричать’ \Rightarrow *rikt-elė-ti* ‘крикнуть’
- (iii) приставочная основа \Rightarrow + суффиксы { yva }, { va }, { a }
рус. (*писать* \Rightarrow) *с-писать* \Rightarrow *спис-ыва-ть*
лит. (*tarti* ‘произносить’) \Rightarrow *ap-tarti* ‘обсуждать’ \Rightarrow *aptar-inė-ti* ‘то же’

II. функциональная реинтерпретация (в идеале с дополнительным распределением):

- (a) глагол несов. вида — глагол сов. вида
 (b) глагол сов. вида — глагол несов. вида

В этой схеме русский язык сопоставляется с литовским, потому что в этом последнем продуктивными оказываются те же способы аффиксации, что и в славянских языках. Но в отличие от них, в литовском языке морфологическое противопоставление не привело (а) к грамматически дополнительному распределению, (б) к функционально дополнительному распределению, (в) к систематическому образованию видовых пар, т.е. пар глаголов, в которых производящая и производная основы имели бы идентичное лексическое значение (словарное толкование). Об (а) свидетельствует, например, то, что как «перфективная» так и «имперфективная» основы образуют те же причастия и герундии (напр., *aptar-ti* – *aptar-inè-ti* ‘обсуждать’ ⇒ *aptari-ant*, *aptarinèj-ant* ‘обсуждая’, т.е. герундии наст. вр.) и то же будущее время (⇒ *aptar-s*, *aptarinè-s* ‘обсудят, будут обсуждать’). Относительно (б) можно указать на нередкие случаи употребления форм наст. вр. приставочных, «перфективных» основ для обозначения процессов, проистекающих в момент речи (напр., *Va jis at-eina!* ‘Вот он идет!’, *Žiūrèk, dabar rektorius jai i-teikia diplomą* ‘Смотри, сейчас ректор вручает ей диплом’). А в отношении (в) нужно сделать оговорку, что, во-первых, хотя глаголы отдельных акциональных групп довольно систематически образуют пары, соответствующие основы далеко не всегда распределены дополнительным образом. Это касается прежде всего предельных глаголов, напр., пар типа *i-tikinti* – *i-tik-inè-ti* ‘убедить, убеждать’ (см. [Вимер 2001: 39–43]). Во-вторых, непредельные глаголы, называющие процессы, часто образуют делимитативные дериваты (напр., *sèdèti* ‘сидеть’ – *pa-sèdèti* ‘посидеть’, *ūgèti* ‘расти’ – *pa-ūgèti* ‘расти немного, чуть-чуть’); см. [Galnaitytė 1958: 103-106]. Но эти две акциональные группы, видимо, почти единственные во всем массиве литовских глаголов, которые регулярно образуют пары с одинаковым лексическим значением.

Сказанное справедливо по отношению к современному литовскому литературному языку. Примечательно то, что в нем вторичная суффиксация по большому счету гораздо менее продуктивна, чем в славянских языках. Но она усиливается в ряде

литовских говоров, которые долгое время находились под интенсивным влиянием белорусского или русского языков. Это верно прежде всего в отношении островных говоров в Беларуси как, например, в Дятлаве (уже вымерший), в Гервях и Лаздунах. По сути дела усиление вторичной суффиксации можно наблюдать во всей юго-восточной Литве, где издавна переплетались ареалы литовско- и славяноговорящего населения. Так, например, уже Френкель отмечал, что в литовских говорах вильнюсского края особенно сильна тенденция к суффиксации приставочных основ (см. [Fraenkel 1936]). Не разрешен вопрос, нужно ли отнести это явление к недавнему времени (напр., к XIX в.) или следует его оценивать скорее как давнюю черту литовского языка, сохранившуюся вследствие устойчивых интенсивных контактов со славянскими говорами. Думается, потенциал к суффиксальной деривации в литовском языке существует исконно, а как раз суффикс $\{(d)in\acute{e}\}$ регулярно использовался для обозначения как итеративных ситуаций, так и для продолжительных процессов уже в старолитовской письменности (см. [Ostrowski 2006: 75–82]). Эта последняя, правда, по большей части складывалась из переводных текстов, так что вероятность славянского влияния на использование заложенных в литовской глагольной морфологии средств высока. Без специальных исследований на этот счет пока что правомерно считать, что влияние славянских языков сыграло скорее всего консервирующую или усиливающую роль.

Следующая таблица показывает удельный вес глаголов, основа которых соответствует структуре {приставка–корень– $(d)in\acute{e}$ }⁶, в трех литовских говорах в контакте со славянскими языками (в основном с белорусскими говорами): Дятлава (лит. Zietela), Лаздуны (лит. Lazūnai), Друскининкай. Первые два говора – островные (в Беларуси), между тем как последний находится на территории сегодняшней Литвы, но непосредственно у белорусской границы. Данные опираются на подсчеты по соответствующим словарям (см. библиографию). Поскольку объем этих словарей очень разный, в среднем столбце приводятся цифры, дающие количество всех глаголов с суффиксом $\{(d)in\acute{e}\}$ – т.е. и без приставки, – которые заодно служат базой для подсчета относительного веса интересующих нас глаголов (справа).

⁶ $\{din\acute{e}\}$ и $\{in\acute{e}\}$ можно считать алломорфами.

Таблица 1: Пропорции приставочных глаголов с суффиксом {d)inè}

<u>словарь</u>	<u>глаголы с {корень–(d)inè} (= 100%)</u>	<u>{приставка–корень–(d)inè}</u>
ZTŽ (Zietela)	1348	1009 (75%)
LTŽ (Lazūnai)	646	513 (79%)
DTŽ (Druskininkai)	240	55 (23%)

В грубом приближении можно сказать, что в островных говорах удел глаголов, образуемых путем вторичной суффиксации, в три раза выше, чем в говоре вокруг Друскининкай из граничащего с Беларусью региона⁷. К сожалению, на данный момент мы не располагаем данными, чтобы сопоставить эту грубую статистику с удельным весом интересующих нас глаголов в литературном языке. Можно однако полагать, что в нем удельный вес будет еще заметно ниже, чем в говоре вокруг Друскининкай. Конечно, предположение это нужно еще проверить.

Предварительный анализ данных диалектных словарей склоняет к выводу, что в употреблении глаголов с устройством {приставка–корень–(d)inè} иногда просматривается тенденция к функциональному распределению, дополнительному к употреблению производящих их приставочных глаголов (см. [Kardelis, Wiemer 2003: 61–64]). Однако обобщать это наблюдение было бы преждевременно, так что, в общей сложности, даже в отношении литовских островных говоров нельзя говорить о значительно более продвинутой стадии развития видовой оппозиции наподобие системы в окружающих славянских языках.

Обратим внимание, что такой (весьма предварительный) вывод касается всего лишь функционального распределения производящих и производных основ. Однако этим выводом не затрагивается факт, что частотность и регулярность, с которой в контактных литовских говорах образуются суффиксальные дериваты, намного выше продуктивности этого процесса в тех разновидностях литовского языка, которые не подвержены сильному влиянию славянских языков (говоров). Из этого, в свою очередь, следует, что сама продуктивность морфологических процессов (здесь: вторичная суффиксация глагольных основ) не влечет за собой с необходимостью повышение степени грамматикализации

⁷ Дальнейшие комментарии см. в [Kardelis, Wiemer 2003: 59].

получаемых противопоставлений основ в смысле видовой системы, поскольку за ней должно была бы еще последовать дополнительное функциональное распределение.

4. Проспективные итоги

Данные по глагольной морфологии, выборочно обсужденные в последних двух разделах, не имеют прямого отношения к давним гипотезам по балт.-слав. вопросу, который когда-то вызывал бурные дискуссии среди специалистов по сравнительно-историческому языкознанию. В конечном счете споры, относящиеся к нему, вряд ли когда-либо могут быть разрешены – по причинам, которые частично были названы в разделе 1. В этом смысле более плодотворным является тщательное рассмотрение того, что происходит в условиях интенсивного языкового контакта между носителями балтийских языков (в частности литовского) и носителями славянских языков и говоров. Представляется, что хотя бы частично те процессы, которые наблюдаемы в актуальное или относительно недавнее время, при прочих равных условиях имели место также в более далеком прошлом. Правда, затронутые выше явления из морфологии не относятся к тем, которые традиционно (и правомерно) считаются особенно надежными показателями для установления генетического родства. Зато они особенно характерны как раз для балтийской и славянской групп языков постольку, поскольку выделяют их в ареальном и типологическом смысле из более отдаленно родственных языков, но также из контактирующих неродственных языков. В этом отношении напрашивается вопрос, нельзя ли усмотреть в этих отличительных особенностях литовского и соседствующих с ним славянских языков их наиболее устойчивые и эксклюзивные структурные черты, поддерживаемые в контакте. Косвенно такое допущение подтверждает латышский язык, который, отдалившись от обще-восточнобалтийского строя под балтофинским влиянием, от литовского языка отличается как раз в области глагольной словообразовательной морфологии и, тем самым, по структурным возможностям возникновения словообразовательной видовой системы.

Литература

- Вимер Б. (2001). Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов (Опыт сопоставления с точки зрения лексикализации и грамматикализации) // *Вопросы языкознания*, 2, 26–58.
- Мартынов В.В. (1973). *Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен*. Минск: «Наука и техника».
- Мартынов В.В. (1981). Балто-славяно-иранские языковые отношения и глоттогенез славян // Вяч.Вс. Иванов (ред.). *Балто-славянские исследования 1980*. Москва: «Наука», 16–26.
- Серебренников Б.А. (1960). *Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп*. Москва: Издательство АН СССР.
- Топоров В.Н. (1997). Балтийские языки // В.Н. Ярцева (ред.). *Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в трех томах*, I: А–И. Москва: «Наука», 143–154.
- Эндзелин [Endzelīns] Й. (1911). *Славяно-балтийские этюды*. Харьков.
- Birnbaum H. (1970). Four approaches to Balto-Slavic // V. Rūķe-Draviņa (ed.). *Donum Balticum. (To Professor Christian S. Stang on the occasion of his seventieth birthday 15 March 1970)*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 69–76.
- Breu W. (1992). Zur Rolle der Präfigierung bei der Entstehung von Aspektsystemen // M. Guiraud-Weber, Ch. Zaremba (éds.). *Linguistique et slavistique. Melanges offerts à Paul Garde*, t. 1. Paris, Aix-en-Provence, 119–135.
- Brozović D. (1983). O mjestu praslavenskoga jezika u indoevropskom jezičnom svijetu // *Radovi Filoloskih Znanosti, Zadar*, 21/22 (12/13), 5–14.
- Fraenkel E. (1936). Der Stand der Erforschung des im Wilnagebiete gesprochenen Litauischen // *Baltoslavica*, 2, 14–107.
- Galnaitytė E. (1958). Veiksmožodžiai su priešdėliu *pa-* dabartinėje lietuvių kalboje // *Kalbotyra*, 1, 101–122.
- Hock W. (2000). Balto-Slavisch, Indo-Iranisch, Italo-Keltisch (Kriterien für die Annahme von Sprachgemeinschaften in der Indogermania) // J.D. Range (Hrsg.). *Aspekte baltistischer Forschung*. Essen: Die blaue Eule, 119–145.
- Hock W. (2006). Baltoslavisch III: Die baltoslavische Sprachgemeinschaft, Nachträge // *Kratylos*, 51, 1–24.

- Hoenigswald H.M. (1966). Criteria for the subgrouping of languages. Ancient Indo-European dialects // H. Birnbaum, J. Puhvel. (eds.). *Proceedings of the Conference on Indo-European Linguistics Held at the University of California, Los Angeles, April 25–27, 1963*. Berkeley etc.: Univ. of California Press, 1–12.
- Holzer G. (1996). *Das Erschließen unbelegter Sprachen (Zu den theoretischen Grundlagen der genetischen Linguistik)*. Frankfurt/M. etc.: Lang.
- Holzer G. (1998). Urslavisch und Baltisch // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 44, 27–56.
- Kammerzell F. (1999). Glottaltheorie, Typologie, Sprachkontakte und Verwandtschaftsmodelle // *Indogermanische Forschungen*, 104, 234–271.
- Kardelis V., Wiemer B. (2003). Kritische Bemerkungen zur Praxis der Erstellung litauischer Wörterbücher, insbesondere von Mundarten – am Beispiel des slavischen Lehnguts und des ‘veikslas’ // N. Ostrowski, O. Vaičiulytė-Romančuk (red.). *Prace bałtystyczne. Język, literatura, kultura*. Warszawa: Wydział Polonistyki UW, 45–72.
- Kortlandt F. (1977). Historical laws of Baltic accentuation // *Baltistica*, 13/2, 319–330.
- Maslov Ju. S. (1959). Zur Entstehungsgeschichte des slavischen Verbalaspektes // *Zeitschrift für Slawistik*, 4, 560–568.
- Ostrowski N. (2006). *Studia z historii czasownika litewskiego: Iterativa. Denominativa*. Poznań: Wydawnictwo UAM.
- Otrębski J. (1965). *Gramatyka języka litewskiego*, t. II: *Nauka o budowie wyrazów*. Warszawa: PWN.
- Pohl H.D. (1980). Baltisch und Slavisch. Die Fiktion von der baltisch-slavischen Spracheinheit (Erster Teil) // *Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft*, 6, 58–101.
- Pohl H.D. (1992). Die baltoslavische Einheit – areale Aspekte // B. Barschel, M. Kozianka, K. Weber (Hrsg.). *Indogermanisch, Slawisch und Baltisch*. München: Sagner, 137–164.
- Rozwadowski J. (1912). O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich // *Rocznik slawistyczny*, 5, 3–24.
- Schlerath B. (1981). Ist ein Raum/Zeit-Modell für eine rekonstruierte Sprache möglich? // *Indogermanische Forschungen*, 95, 175–202.
- Smoczyński W. (1988). Języki bałtyckie // L. Bednarczuk (red.). *Języki indoeuropejskie*, t. II. Warszawa: PWN, 817–905.

- Stang Chr. S. (1966). *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*. Oslo, Bergen, Tromsø: Universitetsforlaget.
- Stang Chr. S. (1970). Einige Bemerkungen über das Verhältnis zwischen den slavischen und baltischen Sprachen // *Opuscula linguistica (Ausgewählte Aufsätze und Abhandlungen)*. Oslo etc.: Universitetsforlaget, 53–64. [Reprint from: *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, XI (1939), 85ff.]
- Thomason S.G., Kaufman Th. (1988). *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley etc.: University of California Press.

Словари

- DTŽ: G. Naktinienė, A. Paulauskienė, V. Vitkauskas. (1998). *Druškininkų tarmės žodynas*. Vilnius.
- LTŽ: J. Petrauskas, A. Vidugiris, (1958). *Lazūnų tarmės žodynas*. Vilnius.
- ZTŽ: A. Vidugiris. (1998). *Zietelos šnektos žodynas*. Vilnius.

ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ В ЛИТОВСКОЙ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

М. В. Завьялова (Институт славяноведения РАН)

Многовековое влияние со стороны славянских (и других) языков оставило большой след в литовском языке не только в области лексики, но и в грамматике, и в синтаксисе. После обретения Литвой независимости в 1990 году стала активно проводиться языковая политика, направленная на искоренение любых заимствованных тенденций. 20 июня 1990 г. была создана Государственная комиссия по литовскому языку при Президиуме Верховного Совета Литовской Республики. В задачи комиссии входили кодификация, нормирование литературного языка и замена заимствований литовскими соответствиями. Эта работа успешно ведется в течение уже 17 лет. В настоящее время в борьбу за чистоту языка включилось еще несколько организаций: Государственная языковая инспекция, Общество литовского языка, языковые службы местных самоуправлений, Институт литовского языка. Программа по замене заимствований литовскими соответствиями подразумевает создание электронной базы данных случаев неправильного использования языковых конструкций с указанием их нормативных соответствий. Эта база данных содержит очень интересный материал, по которому можно судить о тенденциях развития современного литовского языка (и слабых сторонах его системы), которым литовские лингвисты уделяют, к сожалению, недостаточно внимания. Если посмотреть на этот материал не с точки зрения нормирования и кодификации, а как на отражение живого процесса развития языка (пусть и искаженного иноязычными влияниями), можно сделать некоторые выводы, в частности, о тенденциях в развитии литовской падежной системы.

Прежде всего можно отметить, что в течение последних десятилетий русский язык оказал довольно большое влияние на литовскую падежную систему. Под влиянием русских аналогий происходит трансформация ряда падежных конструкций, изменяются значения некоторых падежей. Можно отметить основные тенденции к разложению некоторых падежных конструкций (в основном с родительным, дательным и творительным падежами), возникновению новых предложных конструкций (вместо существовавших ранее беспредложных), проникновению из русского языка новых значений предлогов и замещению ими прежних предложных конструкций, появлению новых значений у некоторых падежей (прежде всего местного). Подобные процессы происходили в истории литовской падежной системы и ранее, под влиянием других языков (например, немецкого, латинского и польского, на которых были написаны оригиналы переводимых текстов). Наиболее общими являются тенденции к потере падежами самостоятельных значений и переходу к глагольному управлению, к возникновению предложных конструкций вместо «чистых» падежей, унификации некоторых падежей. Это считается общим процессом для индоевропейских языков, идущим с глубокой древности. Однако некоторые архаические падежные конструкции сохранились в литовском языке до наших дней и считаются довольно устойчивыми [Ambrazas 2006: 310 и др.]. Тем не менее, обсуждаемый в данной статье материал показывает, что даже эти устойчивые падежные конструкции имеют тенденцию к разложению.

Остановимся на обозначенных тенденциях подробнее.

1. Мена падежей: разложение беспредложных падежных конструкций

1.1. Разложение конструкций с родительным падежом

а) родительный части или неопределенного количества заменяется на именительный или винительный:

*Mieste atsirado valkataujantys šunys (= valkataujančią šunų)*¹.
 ‘В городе появились бродячие собаки (= бродячих собак)’.

¹ Здесь и далее в скобках после знака равенства указан нормативный литературный вариант.

Kolektyve vėl atsirado nesutarimai (= nesutarimų).

‘В коллективе снова появились разногласия (= разногласий)’.

Gyvenime pasitaiko įvairūs nesusipratimai (= įvairių nesusipratimų).

‘В жизни встречаются разные недоразумения (= недоразумений)’.

В случаях, когда существительное, выражающее часть целого или неопределенное количество, является дополнением, вместо родительного употребляется винительный падеж:

Reikalinga sekretorė, mokanti užsienio kalbas (= kalbų).

‘Требуется секретарша, знающая иностранные языки (= иностранных языков)’.

Visi mes darome klaidas (= klaidų).

‘Все мы делаем ошибки (= ошибок)’.

Karštą vandenį (= Karšto vandens) turime kartą per savaitę.

‘Горячую воду (= Горячей воды) мы имеем раз в неделю’.

Партитивное значение родительного падежа считается одним из наиболее древних. Оно зафиксировано как в индоевропейских языках, так и в соседних финно-угорских. Однако в литовском языке в процессе развития намечалось постепенное сужение сферы употребления родительного и усиление роли синтаксического управления: если ранее существовала четкая дистрибуция случаев употребления родительного и винительного падежей, то со временем она стерлась, а падежи закрепились за определенными глаголами в зависимости от их управления [Ambrazas 2006: 224 и далее].

б) родительный отрицания заменяется на винительный:

Nedarinėk duris (= durų)!

‘Не закрывай дверь (= двери)!’

Kodėl neužsisakėte mūsų žurnalą (= žurnalo)?

‘Почему Вы не заказали наш журнал (= нашего журнала)?’

Šiuos užrašus (= Šių užrašų) nevadinčiau reportažu.

‘Эти записи (= Этих записей) я бы не назвал репортажем’.

Родительный отрицания – тоже наследие древности в литовском языке, однако случаи употребления вместо него винительного падежа зафиксированы уже в древнейших памятниках, что считается влиянием немецких и латинских источников. Исследования литовских диалектов показали, что в областях, граничащих с Пруссией, чаще появляется винительный падеж, а ближе к се-

веро-востоку наряду с ним используется и родительный [Ambrazas 2006: 233–235].

в) родительный цели заменяется на винительный или дательный:

Если существительное зависит от инфинитива цели, оно приобретает винительный падеж:

Išėjo linus (= linų) rauti.

‘Пошел тереть лен (= льна)’.

Nuvažiavo atsiimti dokumentus (= dokumentų).

‘Поехал забрать документы (= документов)’.

Išjojo tėvynę (= tėvynės) ginti.

‘Отправился родину (= родины) защищать’.

Если инфинитива нет и существительное непосредственно зависит от глагола, оно приобретает дательный цели:

Išėjo pietums (= pietų).

‘Ушел на обед (букв. обеду) (= обеда)’.

Teatras išvažiavo gastrolėms (= gastrolių).

‘Театр уехал на гастроли (букв. гастролям) (= гастролей)’.

Vykstame oficialiam vizitui (= oficialaus vizito).

‘Отправляемся на официальный визит (букв. официальному визиту) (= официального визита)’.

Конструкции с родительным цели засвидетельствованы со времен древнейших памятников. Родительный цели здесь, возможно, обусловлен инфинитивом или супином, к которому, по мнению Френкеля, принадлежал генитив (см. [Ambrazas 2006: 223]). В Амбразас отмечает, что конструкции без последующего инфинитива воспринимаются как эллиптические, подразумевающие некий инфинитив или супин (там же). В приведенных выше случаях калькируется глагольное управление, подобное русскому: т.е. существительное принимает форму винительного падежа объекта, зависящего от инфинитива.

г) родительный избытка заменяется на творительный:

Kišenės prikimštos pinigais (= pinigų).

‘Карманы набиты деньгами (= денег)’.

Lentynos prikrautos knygomis (= knygų).

‘Полки нагружены книгами (= книг)’.

Kraštas gausus miškais ir upėmis (= Krašte gausu miškų ir upių).

‘Край богат лесами и реками (= В крае много лесов и рек)’.

д) родительный причины состояния заменяется на творительный:

Bičiulis buvo priblokštas tuo įvykiu (= to įvykiu).

‘Приятель был ошеломлен этим происшествием (= этого происшествия)’.

Buvome nuliūdinti tokiu jo elgesiu (= tokio jo elgesio).

‘Мы были огорчены таким его поведением (= такого его поведения)’.

Таким образом, родительный падеж может заменяться практически на все падежи (именительный, винительный, дательный и творительный), теряя при этом свои специфические функции и значения, характерные для литовского языка. Часто под воздействием русского языка меняется управление отдельных глаголов, ср. следующие примеры:

neatitikti kam (дат.) ‘не соответствовать чему’ вместо *neatitikti ko* (род.):

Pasiūla dar neatitinka paklausai (= paklausos).

‘Предложение еще не соответствует спросу (= спросу)’.

1.2. Разложение конструкций с дательным падежом

а) дательный свойства заменяется на творительный:

Lengva žmogui būti geru (= geram), sunkiau – teisingu (= teisingam).

‘Легко человеку быть добрым (= доброму), труднее – справедливым (= справедливому)’.

Tai padėtų jam tapti profesionalėniu (= profesionalėniam).

‘Это помогло бы ему стать более профессиональным (= более профессиональному)’.

б) дательный области действия заменяется на местный:

Ji gali ir moksle, ir sporte, ir muzikoje (= ir mokslui, ir sportui, ir muzikai).

‘Она способна и в науке, и в спорте, и в музыке (= и науке, и спорту, и музыке)’.

в) дательный принадлежности заменяется на местный:

Jame (= jam) netikėtai kilo puiki mintis.

‘В нем (= ему) неожиданно возникла прекрасная мысль’.

г) дательный адресата заменяется на местный:

Mokytoja nuolat diegia savo mokiniuose (= mokiniams) grožio supratimą ir ugdo juose (= jų) gėrio pradus.

‘Учительница постоянно прививает в своих учениках (= своим ученикам) понятие красоты и воспитывает в них (= их) начала добра’.

В этом случае мы также видим унификацию употребления местного падежа в том случае, когда падеж нормативной литовской конструкции даже соответствовал бы русской.

Конструкции с дательным падежом считаются показателем архаичности литовского языка: «Различная семантическая дистрибуция датива и локатива явно отражается в литовском языке. В этом отношении литовский язык сохранил более древнее состояние, чем германские и славянские языки, сильно развившие сферу употребления локатива, позднее предложных конструкций» [Ambrasas 2006: 246]. Однако, как видно, конструкции с дательным падежом все же имеют тенденцию заменяться на местный падеж (который приобретает в этих конструкциях несвойственные ему функции). Нередко те же конструкции с дательным падежом заменяются на родительный с предлогом *ant* ‘на’ (что в русском языке, как правило, соответствует винительному), о чем будет идти речь далее.

1.3. Разложение конструкций с творительным падежом

а) творительный свойства заменяется на местный:

Spėjau įsitikinti jų teisingume ir sąžiningume (= teisingumu ir sąžiningumu).

‘Я успел убедиться в их справедливости и честности (= справедливостью и честностью)’.

б) творительный обвинения заменяется на местный:

Asmuo įtariamas sunkiame nusikaltime (= sunkiu nusikaltimu).

‘Лицо подозревается в тяжком преступлении (= тяжким преступлением)’.

в) творительный образа действия заменяется на местный:

Tekstas perrašytas trijuose egzemplioriuose (= trimis egzemplioriais).

‘Текст переписан в трех экземплярах (= тремя экземплярами)’.

Serga tymais lengvoje formoje (= lengva forma).

‘Он болеет корью в легкой форме (= легкой формой)’.

Knyga išėjo anglų ir švedų kalbose (= anglų ir švedų kalbomis).

‘Книга вышла на английском и шведском языках (= английским и шведским языком)’.

Šokite valso ritme (= ritmu).

‘Танцуйте в ритме вальса (= ритмом)’.

Jis mėgsta rengtis sportiniame stiliuje (= sportiniu stiliumi).

‘Он любит одеваться в спортивном стиле (= спортивным стилем)’.

Operacijos daugelyje atvejų (= daugeliu atvejų) pavykdavo.

‘Операции в большинстве случаев (= большинством случаев) удавались’.

В конструкциях с творительным падежом наблюдаются те же тенденции, что и с дательным: как правило, вместо него появляется местный падеж по аналогии с предложным в русском языке. Так же, как и в случае с дательным, часто вместо местного появляются конструкции «родительный падеж + предлог *ant* ‘на’», о чем пойдет речь далее.

2. Замена беспредложных конструкций на предложные

2.1. Замена беспредложных конструкций на родительный с предлогом *ant* ‘на’

Лидирует в таких конструкциях предлог *ant*, аналог которого в русском языке – *на* – обладает гораздо большим спектром значений, чем литовский предлог. В литовском языке он имеет прежде всего пространственное значение (‘нахождение на поверхности чего-то’), а также употребляется в сочетании с некоторыми глаголами, обозначающими негативные эмоции (‘кричать на кого-то’ и т.д.). В рассматриваемых конструкциях он приобретает также значения количества, назначения, способа действия, области действия, времени. Показательно, что этот предлог появляется и в конструкциях без мены падежа:

а) родительный количества:

Ruduo apstus ant obuolių (= apstus obuolių).

‘Осень обильна на яблоки (= обильна яблок)’.

Nebūk godus ant svetimo gero (= svetimo gero).

‘Не будь жаден на чужое добро (= чужого добра)’.

Ji visada šykšti ant pinigų (= pinigų).

‘Она всегда скупа на деньги (= денег)’.

б) родительный назначения:

Pakvietėme svečią ant pietų (= pietų).

‘Мы пригласили гостя на обед (= обеда)’.

В прочих случаях конструкция с предлогом *ant* заменяет другие падежи:

2.1.1. Разложение конструкций с дательным падежом

а) дательный назначения:

Pasilik pinigų ant maisto (= maistui).

‘Оставь денег на еду (= еде)’.

Įsidėk pinigų ant kelionės (= kelionei).

‘Положи денег на дорогу (= дороге)’.

Ar užteks duonos ant šešių žmonių (= šešioms žmonėms)?

‘Хватит ли хлеба на шесть человек (= шести человекам)?’

б) дательный количества или размера:

Vaistų imkite vieną šaukštelį ant pusės stiklinės (= pusei stiklinės vandens).

‘Одну ложечку лекарства возьмите на половину стакана (= половине стакана) воды’.

в) дательный времени:

Atidėkim šį reikalą ant pirmadienio (= pirmadieniui).

‘Отложим это дело на понедельник (= понедельнику)’.

Kiek tau palikti pinigų ant savaitės (= savaitei)?

‘Сколько тебе оставить денег на неделю (= неделе)?’

Išvažiuoju ant visados (= visai; visam laikui).

‘Уезжаю навсегда (= совсем, всему времени)’.

г) дательный области действия, состояния или признака:

Kaimynų vaikas gabus ant muzikos (= muzikai).

‘Соседский ребенок способен на музыку (= музыке)’.

2.1.2. Разложение конструкций с творительным падежом

а) творительный способа действия:

Ji puikiai griežia ant smuiko (= smuiku).

‘Он прекрасно играет на скрипке (= скрипкой)’.

Mokėsi ant penketų (= penketais).

‘Учится на пятерки (= пятерками)’.

Dirba ant dviejų etatų (= dviem etatais).

‘Работает на двух ставках (двумя ставками)’.

б) творительный свойства объекта:

Batai ant aukštų kulnų (= aukštais kulnais).

‘Туфли на высоких каблуках (= высокими каблуками)’.

в) творительный времени:

Ant dienų (= Šiomis dienomis) pasirodys naujas žurnalo numeris.

‘На днях (= Этими днями) появится новый номер журнала’.

В этих конструкциях предлог *ant* появляется, как правило, по аналогии с предложным падежом в русском языке.

2.1.3. Разложение конструкций с местным падежом

а) места (при нахождении внутри):

Ant turgaus (= turguje) pilna atvykėlių.

‘На рынке полно приезжих’.

Ką kalbėjo ant susirinkimo (= susirinkime)?

‘Что говорили на собрании?’

б) времени:

Susitiksime ant rytojaus (= rytoj).

‘Встретимся на завтра (= завтра)’.

Iš pradžių rykosi, bet ant galo (= galų gale) susitaikė.

‘Сначала ругались, но наконец (= в конце концов) помирились’.

Tą klausimą svarstykime ant galo (= gale; pabaigoje).

‘Этот вопрос будем обсуждать в конце’.

В данном случае калькируются соответствующие русские конструкции с предложным падежом, заменяя местный падеж в литовском.

Значение местного падежа реализуется с помощью предлога *ant* и в тех случаях, когда должно использоваться совсем другое построение фразы, например:

Esu ant biuletenio (= Turiu biuletinį) ir sėdžiu ant dietos (= laikausi dietos)

‘Я на бюллетене (= я имею бюллетень) и сижу на диете (= придерживаюсь диеты)’.

История развития предлога *ant* в литовском языке показывает, что появился он в сравнительно позднее время наряду с развитием аналитической формы, обозначающей направление движения (от инессива с послелогом **en* к конструкции с винительным падежом и предлогом *į* ‘в’) как одна из модификаций этого значения. Однако уже в древних памятниках зафиксированы случаи замены конструкций с дательным падежом на *ant* + родительный, подобные приведенным выше [Ambrazas 2006: 307].

2.2. Замена беспредложных конструкций на винительный с предлогом *pas* ‘к, у’

Другим предлогом, получившим распространение под влиянием русского языка, является предлог *pas* ‘к, у’, в литовском литературном языке использующийся довольно редко и имеющий значения места действия у субъекта («работал у хозяина») или движение по направлению к объекту (в этом случае соответствует русскому предлогу «к»). В ошибках проявляется калькирование русских конструкций со значением принадлежности, в которых в литовском языке должны использоваться беспредложные конструкции с именительным («я имею»), дательным («ему есть») или родительным падежами. Примечательно, что, как и в случае с предлогом *ant*, *pas* появляется в конструкциях без мены падежа, например, в случаях, когда управление глагола требует винительного (или родительного) падежа без предлога:

а) винительный, родительный, дательный адресата заменяются на винительный + *pas*:

Atsiprašyk pas mokytoją (= mokytoją, mokytojo) už įžeidimą.

‘Попроси прощения у учителя (= учителя – вин. или род.) за оскорбление’.

Prašysiu pas direktorių (= direktorių; direktoriaus), kad išleistų atostogų.

‘ Попрошу у директора (= директора – вин. или род.), чтобы отпустил в отпуск’.

Paklausėme pas praeivį (= praeivį; praeivio), kur galėtume užkąsti.

‘ Мы спросили у прохожего (= прохожего – вин. или род.), где мы могли бы перекусить’.

Некоторые глаголы в литературном языке в тех же значениях обращения к адресату требуют только родительного или только дательного падежа. В этих случаях происходит унификация с заменой всех подобных конструкций на винительный с предлогом *pas*:

Dėl kelialapio teiraukitės pas vedėją (= vedėjos).

‘ По поводу путевки осведомляйтесь у заведующей (= заведующей)’.

Skambink pas pirmininką (= pirmininkui) iš ano kabineto.

‘ Звони к председателю (= председателю) из другого кабинета’.

Skųsiuosi pas patį ministrą (= pačiam ministrui).

‘ Я буду жаловаться к самому министру (= самому министру)’.

б) именительный, дательный, родительный принадлежности заменяются на винительный + *pas*:

именительный падеж:

Kiek pas tave (= [tu] turi) pinigų?

‘ Сколько у тебя (= ты имеешь) денег?’

Pas ką yra klausimų (= Kas turi klausimų)?

‘ У кого есть вопросы (= Кто имеет вопросы)?’

Pas mane nėra (= [aš] neturiu) laiko.

‘ У меня нет (= я не имею) времени’.

дательный падеж:

Pas ją (= jai) gimė sūnus.

‘ У нее (= ей) родился сын’.

Pas mane (= man) pakilo temperatūra.

‘ У меня (= мне) поднялась температура’.

Pas varžovą neišlaikė nervai (= Varžovui neišlaikė nervai).

‘ У конкурента не выдержали нервы (= конкуренту не выдержали нервы)’.

родительный падеж:

Pas ją (= jos) gražūs plaukai.

‘У нее (= ее) красивые волосы’.

Pas tave (=tavo) negerai parašyta.

‘У тебя (= тебя) нехорошо написано’.

Pas čigonus (= čigonų) įdomūs laidojimo papročiai.

‘У цыган (= цыган – мн.ч. род. п.) интересные похоронные обычаи’.

Посессивные конструкции с дательным и родительным падежами считаются наследием индоевропейской древности [Ambrazas 2006: 252]. Конструкции с именительным падежом и глаголом «иметь» считаются более поздними, а предложные конструкции с генитивом (соответствующим в данных случаях винительному) – еще более поздней инновацией. Однако история развития предлога *pas* (от адессива и аллатива с послелогом *-p(r)i* к предложным конструкциям *prie* + родительный, *pas* + винительный) позволяет предположить, что и вышеописанные тенденции отражают внутренний потенциал литовского языка.

2.3. Замена беспредложных конструкций на родительный с предлогом *prie* ‘при’

Как и *pas*, предлог *prie* обладает в литовском языке в основном пространственным значением (нахождение рядом с чем-то). Под воздействием русских конструкций он приобретает также обстоятельственное значение:

Nusikaltimas padarytas prie sunkinančių aplinkybių (= sunkinančiomis aplinkybėmis).

‘Преступление совершено при отягчающих обстоятельствах (= отягчающими обстоятельствами)’.

Prie gripo (= sergant, susirgus gripu) reikia gulėti.

‘При гриппе (= болея, заболев гриппом) надо лежать’.

Ir prie geriausių norų (= ir geriausių norų turėdamas; kad ir labai norėdamas) negalėsiu tavęs pasitikti.

‘И при наилучших желаниях (= и имея наилучшие желания; даже очень желая) не смогу тебя встретить’.

Prie progos (= pirma proga; progai pasitaikius; radę, turėdami progą) aplankykite šią parodą.

‘При случае (= первым случаем; представившись случаю; имея возможность) посетите эту выставку’.

В литературном литовском языке в этих случаях употребляется творительный падеж без предлога, местный падеж, различные причастные конструкции (например, *dativus absolutus*: *Progai pasitaikius* букв. ‘Случаю представившись’).

2.4. Замена беспредложных конструкций на винительный с предлогом *į* ‘в’

В литовском литературном языке предлог *į* имеет значения направления движения (внутри), прикосновения к предмету, результата действия (с определенными глаголами), цели действия, неопределенного времени и эталона сравнения. Под воздействием русского языка он появляется в беспредложных конструкциях со значением направления воздействия, заменяя конструкции с винительным или дательным падежами:

Visi mokiniai įsimylėję į naująjį mokytoją (= *naująjį mokytoją*).

‘Все ученики влюбились в нового учителя (= нового учителя – вин.)’.

Vadovas nurodė į keletą darbo trūkumų (= *keletą darbo trūkumų*).

‘Руководитель указал на некоторые недостатки работы (= некоторые недостатки работы)’.

Orai labai veikia į žmonių nuotaikas (= *žmonių nuotaikas*).

‘Погода очень влияет на настроения людей (= настроения людей)’.

Nemiga visada neigiamai atsiliepia į darbingumą (= *darbingumui*).

‘Бессонница всегда негативно сказывается на работоспособности (= работоспособности – дат.)’.

Jie darė spaudimą į mūsų darbuotojus (= *mūsų darbuotojams*).

‘Они оказывали давление на наших сотрудников (= нашим сотрудникам)’.

Skirkite daugiau dėmesio į ligų profilaktiką (= *ligų profilaktikai*).

‘Уделяйте больше внимания на профилактику болезней (= профилактике болезней)’.

Предлог *į* появляется и в калькируемых конструкциях, например, «играть в»:

Žaiskime į karą (= *karą*) arba *į futbolą* (= *futbolą*).

‘Давайте играть в войну (= войну) или в футбол (= футбол)’.

Užteks žaisti į slėpynes (= slėpynes, slėpynių, slėpynėmis).
 ‘Хватит играть в прятки (= прятки)’.

Эти тенденции также, по-видимому, отражают логику развития литовского языка, т.к. предлог *į* образовался одним из первых в истории литовских предложных конструкций (из инессива с послелогом **en*) и в отличие от других пространственных предлогов успел развить довольно большое количество абстрактных значений [Ambrazas 2006: 304 и далее]. Процесс развития этого предлога продолжался и на более позднем диахроническом этапе: конструкции *į* + винительный постепенно заменяют творительный беспредложный в значении объекта превращения или считающегося другим [ibid: 308].

2.5. Замена беспредложных конструкций на винительный с предлогом *prieš* ‘перед, против’

В литературном литовском языке этот предлог имеет в основном пространственное значение (нахождение перед объектом), временное (раньше по времени), а также значение противодействия (‘бороться против врагов’). По аналогии с русским языком этот предлог приобретает значения адресата при глаголах, обозначающих чувства:

Teko atsiprašyti prieš draugą (= draugą; draugo).
 ‘Пришлось извиниться перед другом (= друга)’.

Jaučia pareigą prieš tėvus (= tėvams).

‘Чувствует обязательства перед родителями (= родителям)’.

В таких случаях конструкция с предлогом *prieš* заменяет винительный или дательный падежи.

В некоторых случаях значение русского предлога «перед» распространяется даже на те случаи, в которых в соответствующих русских конструкциях этот предлог не используется, например:

Kaktusai atsparūs prieš sausras (= sausroms).

‘Кактусы выносливы перед засухой (= засухе)’.

Jis ilgai jautė neapykantą prieš tikrą brolių (= tikram broliui).

‘Он долго чувствовал ненависть перед родным братом (= родному брату)’.

2.6. Замена беспредложных конструкций на родительный с предлогом *apie* ‘о’

Эти случаи трудно связать с аналогичными конструкциями в русском языке, так как все эти употребления неправильны и для русского языка. Возможно, они отражают ошибки, встречающиеся и в русской разговорной речи:

Ši lentelė rodo apie gamybos tempų kitimą (= gamybos tempų kitimą).
‘Эта таблица показывает об изменении темпов производства (=изменение темпов производства)’.

Nėra ko tau skųstis apie gyvenimą (= gyvenimą).

‘Нечего тебе жаловаться о жизни (= жизнью)’.

Direktorius per mažai domėjosi apie darbo sąlygas (= darbo sąlygomis).

‘Директор слишком мало интересовался об условиях работы (= условиями работы)’.

В литературном литовском языке в этих случаях должен употребляться винительный (в первом предложении) или творительный (в остальных) падежи. Использование предлога *apie* в значении предмета обсуждения, речи – довольно старое явление, интересно, что в современных диалектах замечены тенденции замены конструкций с творительным падежом на предложные с *apie*, аналогичные представленным выше [Ambrazas 2006: 309].

3. Замена одних предложных конструкций другими

3.1. Замена на предложные конструкции с предлогом *ant* ‘на’ (+ родительный падеж)

3.1.1. *ant* ‘на’ вместо *į* ‘в’ (+ винительный падеж) в значениях:

а) движения (направления в):

Nuvažiavo ant stoties (= į stotį), bet pavėlavo ant autobuso (= į autobusą).

‘Поехал на вокзал, но опоздал на автобус’.

б) цели:

Iškviėtė ant dvikovo (= į dvikovą).

‘Вызвал на дуэль’.

в) объекта обмена:

Vaikas apsikeitė naujesnį pašto ženkliuką ant senesnio (= į senesnį).

‘Ребенок поменял почтовую марку на более старую’.

Išmainė vištą ant katino (= į katino).

‘Поменял курицу на кота’.

Здесь специфическое значение предлога *į* ‘в’ в литовском языке переносится на предлог *ant* по аналогии с употреблением русского предлога *на*. Это смешение, возможно, происходит из-за тенденции предлога *ant* к приобретению более абстрактных значений, которые уже развил предлог *į*, изначально имевший похожее пространственное значение.

3.1.2. *ant* ‘на’ вместо *per* ‘в’ (+ винительный падеж) во временном значении:

Vaistus liepė gerti du kartus ant dienos (= per dieną).

‘Лекарства велели пить два раза на дню (= в день)’.

3.1.3. *ant* ‘на’ вместо *su* ‘с’ (+ творительный падеж) в значении свойства объекта:

Radio imtuvas ant mikroschemų (= su mikroschemomis).

‘Радиоприемник на микросхемах (= с микросхемами)’.

3.2. Замена на предложные конструкции с предлогом *pas* ‘у, к’ (+ винительный падеж)

3.2.1. *pas* ‘у’ вместо *iš* ‘от’ (+ родительный падеж) в значении изъятия у владельца:

Jis paėmė pas mane (= iš manęs) pieštuką.

‘Он взял у меня (= от меня) карандаш’.

Jis sakė įsigijęs tą knygą pas gatvės prekeivį (= iš gatvės prekeivio).

‘Он сказал, что купил эту книгу у уличного торговца (= от уличного торговца)’.

Pažymėjimo reikalaukite pas buhalterį (= iš buhalterio).

‘Справку требуйте у бухгалтера (= от бухгалтера)’.

Tvarkaraštį sužinosiu pas draugę (= iš draugės).

‘Расписание я узнаю у подруги (= от подруги)’.

Pas kaimynus (= Iš kaimynų) pavogė arklį.

‘У соседей (= от соседей) украли коня’.

Предлог *iš* появился после разложения специфической беспредложной конструкции родительного отделительного в довольно древний период. Приведенные примеры показывают полное исчезновение этого значения родительного падежа, на смену которому приходит винительный с предлогом, обозначающим принадлежность.

3.2.3. *pas* 'к' вместо *į* 'в' (+ винительный падеж) в конструкции *kreiptis į* 'обращаться к':

Informacijos kreipkitės pas pavaduotoją (= į pavaduotoją).

'За информацией обращайтесь к заместителю'.

3.3. *po* 'под' (+ творительный падеж) вместо *su* 'с' (+ творительный падеж):

Čia stovi įrenginiai po įtampa (= su įtampa).

'Здесь стоит оборудование под напряжением (= с напряжением)'.

Po kokia rubrika (= Su kokia rubrika) dėsime šį straipsnį?

'Под какой рубрикой (= С какой рубрикой) мы поместим эту статью?'

Laivas plaukioja po (= su) Lietuvos vėliava.

'Корабль плавает под (= с) литовским флагом'.

Предлог *su* в данном случае маркирует так называемое «социативное» значение творительного падежа, которое считается в литовском языке заимствованным [Ambrazas 2006: 282]. В данном случае падеж остается неизменным, но предлог приобретает более конкретное пространственное значение.

3.4. *apie* 'о' (+ винительный падеж) вместо *dėl* (+ родительный падеж) 'из-за, по поводу' в конструкциях со значением объекта обсуждения:

Apie ką (= Dėl ko) čia ginčijatės?

'О чем (= из-за чего) спорите?'

Kilo ginčas apie pelno paskirstymą (= dėl pelno paskirstymo).

'Возник спор о распределении прибыли (= из-за распределения прибыли)'.

Gauname nemažą skundų apie duonos kokybę (= dėl duonos kokybės).

'Мы получаем немало жалоб о качестве хлеба (= по поводу качества хлеба)'.

Предлог *dėl* считается наиболее продуктивным в современном литовском языке: идет активный процесс замены предложных конструкций с дательным и творительным падежами на *dėl* + родительный [Ambrasas 2006: 310]. В данном случае мы, видимо, наблюдаем следующий этап этого процесса.

3.5. *prie* ‘при’ (+ родительный падеж) вместо *už* ‘за’ (+ родительный падеж) в значении обстоятельства:

Posėdis vyko prie uždarų durų (= *už uždarų durų*).

‘Заседание проходило при закрытых дверях (= за закрытыми дверями)’.

3.6. *prieš* ‘против’ (+ родительный падеж) вместо *nuo* ‘от’ (+ родительный падеж) в конструкции *gintis nuo* ‘защищаться от’:

Ginsimės prieš visus (= *nuo visų*), *kurie mus puls*.

‘Будем защищаться против всех (= от всех), кто на нас нападет’.

* * *

Таким образом, как показывает приведенный материал, происходит перераспределение значений литовских падежных конструкций под влиянием русского языка. Исчезают такие не имеющие аналогий в русском языке специфические литовские конструкции, как родительный неопределенного количества, отрицания, цели, причины, избытка; дательный свойства, области действия, принадлежности; творительный образа действия. Отдельно следует обратить внимание на конструкции с местным падежом. По-видимому, происходит полное перераспределение его функций. С одной стороны, в своих основных значениях он заменяется на конструкцию «родительный + *ant*» по аналогии с предложным падежом в русском языке; с другой стороны, местный падеж появляется вместо специфических литовских конструкций с дательным области действия, принадлежности, творительным свойства, обвинения, образа действия, что тоже, как правило, соответствует русским конструкциям с предложным падежом. Особенно массово калькируются выражения «в форме», «в виде», «в норме», «в случае», «в темпе», «в ритме», «в стиле», «в состоянии», «в отдалении», «в оригинале», «в связи», «в составе», «в сумме», «в объеме», «в результате», «в принципе», «в целом», «на рас-

стоянии», «на высоте», «на уровне», «на языке», «на ставке», часть из которых передается в литературном языке творительным падежом, а часть вообще не имеет прямых соответствий и требует изменения фразы (например: *Šiandien pardavime yra trijų rūšių mėsos* (= *parduodama trijų rūšių mėsa*) ‘Сегодня в продаже три сорта мяса (= продаются три сорта мяса)’; *Jau keli mėnesiai šalis yra karo stovyje* (= *šalyje yra karo būvis, padėtis*) ‘Уже несколько месяцев страна находится в состоянии войны (= в стране военное положение)’).

Другой важной тенденцией является увеличение роли предлогов. Специфические беспредложные конструкции заменяются на предложные, которые унифицируют несколько различных конструкций: например, конструкции «родительный падеж с предлогом *ant*» заменяют беспредложные конструкции с родительным, дательным, творительным, местным падежами и предложные конструкции с винительным (с предлогами *į* и *per*); конструкции с предлогом *pas* заменяют именительный, родительный, винительный, дательный без предлогов и предложные конструкции с родительным и винительным. Эти два предлога являются самыми продуктивными в процессе трансформации нормативных литовских падежных конструкций. В русском языке они обладают большим разнообразием значений, чем в литовском, где имеют чаще всего более узкое, пространственное значение. Можно сказать, что в целом литовские беспредложные конструкции сильно тяготеют к предложным: предлоги появляются даже в таких случаях, когда их наличие не обусловлено сменой падежа, они просто вставляются в нормативную беспредложную конструкцию по аналогии с использованием их в русском языке. В некоторых случаях появление предлогов обусловлено стремлением к простоте и избеганием (видимо, более сложных) причастных оборотов: например, в случае конструкций с предлогом *prie* ‘при’, которым в литовском литературном языке соответствует совершенно иное построение фразы. Показательна также путаница предлогов: видимо, их значения (особенно абстрактные) еще недостаточно устоялись, поэтому возникает тенденция к замене одного предлога на другой: например, путаются *ant* ‘на’ и *į* ‘в’, в случаях, когда литовскому предлогу ‘в’ соответствует *na* в русском. Предлог *į* по аналогии с русским *na* начинает использоваться и тогда, когда в литовском литературном предлог вообще от-

сутствует. Можно сказать, что в целом значения предлогов имеют тенденцию становиться более абстрактными, отрываться от первоначального более узкого пространственного значения.

Поскольку все эти тенденции в сущности отражают историю развития литовских падежных конструкций, по-видимому, можно считать, что русский язык является своеобразным катализатором некоторых процессов, потенциал которых заложен в самом литовском языке.

В следующей таблице представлены в наглядном виде все описанные выше трансформации:

Таблица перераспределения падежных конструкций

норма замена	имен.	родит.	<i>iš</i> + род.	<i>nuo</i> + род.	<i>dėl</i> + род.	вин.	<i>į</i> + вин.	<i>per</i> + вин.	дат.	твор.	мест.
именит.		+									
<i>ant</i> + родит.		+					+	+	+	+	+
<i>prie</i> + родит.										+	
винит.		+									
<i>pas</i> + винит.	+	+	+			+	+		+		
<i>į</i> + ви- нит.						+			+		
<i>prieš</i> + винит.		+		+		+			+		
<i>apie</i> + винит.					+					+	
дательн.		+									
творит.		+							+		
местный									+	+	

Несомненно, это не означает, что литовский язык реализует все эти тенденции. Большая работа по кодификации литературного языка, проводимая литовскими государственными и общественными организациями, безусловно, принесет (и уже приносит) свои плоды. Однако, по-видимому, не следует оставлять без внимания и выявленные тенденции, которые представляются довольно показательными.

Литература и источники

- Ambrazas V. (2006). *Lietuvių kalbos istorinė sintaksė*. Vilnius.
Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Trečiasis pataisytas leidimas.
Vilnius, 1997.
- Lietuvių kalbos draugijos kreipimasis „Dėl lietuvių kalbos vartojimo
viešajame gyvenime“ – <http://www.flf.vu.lt/lkd/kreipimasis.htm>
- Lietuvių kalbos žodynas*. T. I–XX. Vilnius, 1941–2002.
- Lietuvos Respublikos Valstybinės kalbos įstatymas –
http://skelbimas.lt/istatymai/valstybines_kalbos_istatymas.htm
- Linksnių vartojimo klaidos –
<http://www.vlkk.lt/klaidos/linksniu-vartojimo.html>
- Prielinksnių vartojimo klaidos –
<http://www.vlkk.lt/klaidos/prielinksniu-vartojimo.html>
- Valstybinė kalbos inspekcija – <http://vki.lrs.lt/ist1.html>
- Valstybinė lietuvių kalbos komisija – <http://www.vlkk.lt>

ЗАМЕТКИ О РАЗВИТИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ БОЛГАРСКОГО И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ ПОД ВЛИЯНИЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

Т. Н. Молошная (Институт славяноведения РАН)

Хотя грамматический уровень языка является наименее проницаемым и поддающимся иноязычному воздействию, известно, что славянские языки способны испытывать влияние других языков на свою грамматическую систему. Так, ряд грамматических явлений, характерных для русского языка, распространились на другие славянские.

Надо сказать, что лексические заимствования из русского языка, связанные, в частности, с общественно-политической жизнью и с достижениями науки и техники в прошлом веке, были весьма многочисленными. Они не раз описывались в лингвистической литературе (см., например, [Андрейчин 1949: 241, 242, 256; Маслов 1981: 78, 100; Грамматика 1983: 374, 376; Исаченко 1960: 497–498]). Грамматические заимствования, конечно, также имели место и были отмечены рядом авторов, но не систематически и не полно (из новейших работ см. [Межъязыковое влияние 2007]). Ниже предлагаются некоторые дополнительные упорядоченные по разделам грамматики заметки на эту тему, с преимущественным вниманием к болгарскому языку.

1. Русская и болгарская грамматики

1.1. Процессы, произошедшие и происходящие в болгарской морфологии под влиянием русского языка

а) Активные причастия настоящего времени возникли и распространились в современном болгарском литературном языке под

влиянием церковнославянского и русского языков. Сначала они были заимствованы болгарским языком в русской форме: *желающ*, *следующ*, *убивающ*, позднее были приведены в соответствие с особенностями болгарской фонетики и болгарского спряжения. Однако до сих пор встречаются такие формы, как *командующ* вместо *командуващ*, *заведующ* вместо *завеждащ*, *произходящ* вместо *произхождащ* и др. Некоторые причастия прочно вошли в общее употребление в русском варианте: *възходящ*, *низходящ*, *настоящ*.

В современном языке активные причастия настоящего времени образуются только от глаголов несовершенного вида с помощью суффиксов *-ащ*, *-ящ* или *-еиц*: *държащ* ‘держаший’, *разрушаващ* ‘разрушающий’, *гледащ* ‘смотрящий’, *лежащ* ‘лежащий’, *блестящ* ‘блестящий’, *стрелящ* ‘стреляющий’, *вървящ* ‘идущий’, *живееиц* ‘живущий’, *носеиц* ‘носящий’, *биеиц* ‘бьющий’, *пееиц* ‘поющий’.

Обсуждаемые причастия присущи преимущественно письменному литературному языку, они чаще всего встречаются в публицистических и научных текстах, изредка проникая в устную форму языка. Но сейчас использование таких причастий делается более широким, они становятся нередкими и в разговорной речи, например, *Пази от падащи предмети* ‘Берегись падающих предметов’, *Пожелавам Ви щастие през следващата година* ‘Желаю Вам счастья в следующем году’, *Ще се приготвя за предстоящото пътуване* ‘Я приготовлюсь к предстоящему путешествию’. Однако нормативные грамматики призывают к известной осторожности в их использовании. В народных говорах этих причастных форм нет.

В основном активные причастия настоящего времени употребляются атрибутивно: *гледаща майка* ‘смотрящая мать’, *говореиц младеж* ‘говорящий юноша’, *страдащ народ* ‘страдающий народ’, *минуващи хора* ‘проходящие люди’, *присътстващи делегати* ‘присутствующие делегаты’. Иногда они могут субстантивироваться, например, *България е държава на всички трудеице се* ‘Болгария – это государство для всех трудящихся’. Субстантивированные причастия могут служить терминами: *млекопитаеици* ‘млекопитающие’ и мн.др.

б) Страдательных причастий настоящего времени в современном языке нет. Иногда встречаются заимствованные из рус-

ского или церковнославянского формы с суффиксом *-м*, которые чаще всего употребляются как прилагательные: *любим, водим, нетърпим, невредим, наказуем, управляем* и др. В специальной терминологии последнего времени возникли словосочетания с подобными причастиями, например, *спускаем апарат* ‘спускаемый аппарат’, *обработваеме площи* ‘обрабатываемые площади’ и проч.

По происхождению это страдательные причастия настоящего времени.

в) Активные причастия прошедшего времени характеризуются суффиксом *-л*. Они могут употребляться атрибутивно, например, *пристиглия влак* ‘прибывший поезд’, *дошлия войник* ‘пришедший солдат’, *влезлия господин* ‘вошедший господин’, *узрелия клас* ‘созревший колос’, *цъфнали цветя* ‘распустившиеся цветы’.

Известны случаи субстантивации этих причастий: *Доскорошното минало изчезна от паметта му* ‘Недавнее прошлое исчезло из его памяти’.

Из русского и церковнославянского в болгарский язык попали причастные формы типа *бивши, потърпевши, усопши*, которые имелись в древнеболгарском, но в современном болгарском языке не сохранились.

Обособленные обороты с активными причастиями прошедшего времени активизировались в современном болгарском литературном языке не без влияния русского языка. Об этих оборотах будет сказано ниже.

г) Страдательные причастия прошедшего времени образуются с помощью продуктивного суффикса *-н* (*обичан* ‘любимый’, *гонен* ‘гонимый’, *купуван* ‘купленный’, *хвърлян* ‘брошенный’) и непродуктивного суффикса *-т* (*шит* ‘шитый’, *пролят* ‘пролитый’, *изтръгнат* ‘выдернутый’, *познат* ‘познанный’).

Некоторые глаголы могут образовывать такие причастия обоими способами (*нагрея* – *нагрян* и *нагрят* ‘нагретый’, *поляя* – *полян* и *полят* ‘политый’; *посея* – *посян* и *посят* ‘посеянный’).

Страдательные причастия прошедшего времени употребляются в предложении как определения: *Поробените народи се борят за свобода* ‘Порабощенные народы борются за свободу’, *Той говори с непознатия мъж* ‘Он разговаривает с неизвестным муж-

чиной’, *Закърпете скъсаната дреха* ‘Зашейте порванную одежду’.

д) Развитие болгарской грамматики под влиянием русского языка проявилось также в расширенном употреблении в литературном языке (по сравнению с говорами) причастных и деепричастных оборотов, обособленных определений и форм аналитического сослагательного наклонения.

Ядро обособленных атрибутивных конструкций, представляющих собой сравнительно новое явление в современном болгарском синтаксисе, явление, возникшее под влиянием русского литературного языка – благодаря переводам, изучению языка и проч., составляют активные причастия настоящего времени. В результате русского воздействия их употребительность в современном болгарском активно увеличивается. Примеры: *По улиците се мяркаха тук-там минувачи, неспокойно поглеждащи към сивото небе* ‘По улицам тут и там мелькали прохожие, неспокойно поглядывающие на серое небо’; *...едно от класическите произведения, чрез койте нашият народ познава исторически условия живота, господстващите в миналото* ‘...одно из классических произведений, благодаря которым наш народ узнает исторические условия жизни, господствовавшие в прошлом’.

В современном болгарском литературном языке под влиянием других литературных языков, в первую очередь русского, стали возможны также обособленные обороты с активными причастиями прошедшего времени. Например, *Аз се разпростих дружески с младити съпрузи, слезли на тая станция* ‘Я дружески простился с молодыми супругами, сошедшими на той станции’; *Той се радваше на гостенина, дошел от далечен край* ‘Он радовался гостю, пришедшему из далекого края’.

По примеру русского языка появились обороты и с пассивными причастиями прошедшего времени: *Облаците отминават, гонени от вятъра* ‘Облака проплывают, гонимые ветром’; *По дърветата, отрупани с цвят, бръмчат пчели* ‘На деревьях, усыпанных цветами, жужжат пчелы’. Возможны причастные обороты также при личных местоимениях: *По тъмно те, уморени, но възхитени от приоблачното пътуване, пристигнаха в Княжево* ‘Когда стемнело, они, утомленные, но восхищенные ..., пришли в Княжево’.

е) Деепричастия в литературном болгарском языке заимствованы из македонских говоров. Они образуются только от глаголов несовершенного вида с помощью суффикса *-йки*: *читейки*, *ходейки*, *учейки*, *мислейки*, *вървейки* и т. д. Прежде встречались и другие, ныне утраченные формы на *-щец*: *гледащец*, *говорещец*.

Деепричастия не получили достаточно широкого распространения, и их употребление накладывает на текст отпечаток некоторой книжности, ср. *Треперейки сладко аз ще да ви слушам* (Ив. Вазов) 'Сладко трепеща, я буду вас слушать'.

Однако деепричастные обороты иногда возможны и в разговорной речи, например, *Посрещнахме Нова година, мислейки за бъдещето* 'Мы встретили Новый год, думая о будущем', *Той си почива в стаята, слушайки музика* 'Он отдыхает в комнате, слушая музыку'.

В связи с деепричастными оборотами следует напомнить, что деепричастие – это сравнительно новая неличная форма болгарского глагола. Она укрепилась в глагольной системе примерно в конце XIX века. Довольно устойчивое положение деепричастий наблюдалось в юго-западных болгарских говорах. Затем они стали распространяться, проникая в литературный язык, и их употребительность постепенно расширяется.

Примеры деепричастных оборотов: *Само слънцето и морето сияеха все така тихо, спокойно и ослепително, оставайки безучастни към тревогите на хората* 'Только солнце и море сияли всё так же тихо, спокойно и ослепительно, оставаясь безучастными к тревогам людей'; *Вървейки по пътя, той се озърташе наляво и надясно* 'Отправившись в путь, он оглянулся налево и направо'; *Файтоджията тръгна да търси наблизко хора да му помогат, проклинайки и пътищата, и занаята си* 'Извозчик отправился искать поблизости людей, которые помогли бы ему, проклиная и дороги, и свое ремесло'.

ж) Аналитическое сослагательное наклонение в таком варианте, когда его формы присутствуют и в главном, и в придаточном предложениях, также считается результатом русского литературного влияния. Ю.С. Маслов привел пример подобного явления из текста Людмила Стоянова: *Ако би имал сили и възможност, той би казал сигурно, че тя плаче задето не ще има вече с кого да се кара* 'Если бы он имел силы и возможность, он бы наверное сказал, что она плачет потому, что ей будет теперь не с

кем ссориться'. В то же время Ю.С. Маслов считал, что конструкции с сослагательным наклонением и в главном, и в придаточном предложениях не чужды и народному болгарскому языку. Это подтверждают народные поговорки вроде *Да би се яло, не би стояло* 'Если бы оно было съедено, его бы не осталось' [Маслов 1981: 281]. Однако все же дублирование аналитической формы сослагательного наклонения в сложноподчиненном предложении чаще наблюдается в литературном языке как следствие взаимодействия с русским литературным языком, для которого подобное употребление нормально. Можно также привести другие примеры такого использования аналитической формы сослагательного наклонения в обеих частях сложноподчиненного предложения: *Първият човек, когото би попитал, би му казал това* 'Первый же человек, которого он спросил бы, сказал бы ему это'; *Адски гняв кипна в душата му и погледът, който им хвърли, би ги уплашил, ако биха го забелязали* 'Адский гнев кипит в его душе, и взгляд, который он им бросает, устрасил бы их, если бы они его заметили'; *Ако аз да би имал власт, то би им ударил по петдесет тояги* 'Если бы я имел власть, я бы задал им по пятьдесят палочных ударов' и проч.

з) Отглагольные существительные с суффиксами *-ние* и *-не* активизировались в эпоху национального возрождения (середина XIX в.) под влиянием церковнославянского, а затем русского языков. Они образуются от глаголов как совершенного, так и несовершенного видов: *събрах* (СВ) – *събрание*, *пиша* (НСВ) – *писание*. Эти формы характерны для литературного языка, особенно для публицистических, научных и деловых текстов, где они весьма многочисленны и частотны: *видение, гонение, движение, допълнение, нападение, освобождение, пение, събрание, умение, изпълнение*.

Из говоров в литературный язык проникли формы отглагольных существительных на *-не*, образуемые только от глаголов несовершенного вида: *виждане, даване, гонене, вземане, ставане, ходене, четене, шиене, улавяне, стригане, приготвяне*.

В значении суффикса *-ние* содержится меньше глагольности, чем в суффиксе *-не*. В то время как имена на *-ние* передают чаще всего отвлеченные понятия, формы на *-не* отличаются более конкретным процессуальным значением. Поэтому литературные формы с суффиксом *-ние* нередко не тождественны отглагольным

существительным на *-не*: ср. *видение* ‘видѣние’ и *виждане* ‘вѣдѣние’, *събрание* ‘собрание’ и *събрание* ‘собрание’.

В художественной литературе хорошие писатели избегают частого употребления отглагольных существительных. В ряде случаев считается более правильным использование придаточного предложения вместо отглагольного существительного, например, *След завършаване на гимназията ще продължа образованието си в университета* (лучше: *След като завърша гимназията, ще продължа образованието си в университета* ‘После того как он закончит гимназию, он продолжит свое образование в университете’).

1.2. Взаимодействие болгарского и русского языков в области словообразования

Развитие болгарского языка под влиянием русского обнаруживается также в словообразовании.

а) Образование глаголов

Суффикс *-(н)ич-*, имеющий русское происхождение, образует ограниченное количество непереходных глаголов от существительных и прилагательных: *лакей – лакейнича, лентяй – лентяйнича, гримаса – гримаснича, важен – важнича, нервен – нервнича*.

С суффиксом *-ов-* образуются глаголы от существительных, в том числе от существительных иностранного происхождения: *бинт – бинтовам, патент – патентовам, корона – короновам*.

При посредничестве русского языка в болгарский язык проник ряд суффиксов иностранного происхождения. Это в первую очередь суффиксы *-ир-* и *-изир-*. Суффикс *-ир-* имеет широкое распространение. С его помощью образуются глаголы от многих заимствованных существительных: *аванс – авансирам, база – базирам, вакцина – ваксинирам, ипотека – ипотекирам, лак – лакирам*.

б) Образование имен

В настоящее время в болгарский язык из русского проникли некоторые словообразовательные именные суффиксы, например суффикс *-чик/-чиц-* (русс. *-чик/-щик-*): *докладчик, закупчик, барабанчик*. Этот суффикс на болгарской почве стал продуктивным, ср. *сказчик* ‘докладчик’ от *сказка* ‘доклад’, *доставчик* ‘поставщик’ от *доставка* ‘поставка’.

То же относится к суффиксу прилагательных *-чив-* (*доверчив, изменчив, находчив, влюбчив, придирчив*).

Прилагательные с суффиксом *-им-/ам-/ем-/уем-* (*победим, невидим, узнаваем, разгадаем, неминуем* и др.) по происхождению представляют собой страдательные причастия настоящего времени, они стали употребляться в современном болгарском языке под влиянием русского.

Суффиксальный комплекс *-тел(е)н-/ител(е)н-/ател(е)н-* служит для образования прилагательных от глаголов: *решителен* от *реша*, *действителен* от *действувам*, *внимателен* от *внимава*, *наказателен* от *накажа*. Подобные образования характерны для литературного языка и не встречаются в народных говорах. Они появились и распространились под влиянием русского и церковнославянского языков. Некоторые из таких прилагательных заимствованы из русского в готовом виде, в случае когда в болгарском языке нет соответствующего глагола: *деятелен, въпросителен*.

В военной терминологии распространился особый тип прилагательных с суффиксом *-ови, -еви*, возникший под влиянием русских прилагательных на *-овый, -евый*, например, *войскови, броневи, делови, огневи, строеви*.

Есть заимствованные прилагательные с иностранными суффиксами *-ар-ен-* (*дисциплинарен, парламентарен*), *-ал-ен-* (*гениален, индустриален*), *-он-ен-* (*традиционен, конституционен*), *-ив-ен-* (*эффективен, субъективен*), *-ил-ен-* (*текстилен*), *-ич-ен-* (*академичен, климатичен*), *-ич-еск-* (*геометрически, электрически* и проч.).

Практика заимствования производных имен прилагательных с иностранными суффиксами возникла под влиянием русского языка.

1.3. Заимствование служебной лексики

Связь болгарской грамматики с русской можно усмотреть и в факте заимствования не только словоизменительных и словообразовательных морфем, но и некоторых целых слов, принадлежащих к таким неполнозначным частям речи, как междометие (*уви, ура*) и предлог (*чрез – кражба чрез разбиване ‘кража посредством взлома’*).

Однако характерно, что принципы синтаксического строения предложения не заимствуются.

2. Некоторые другие случаи изменения грамматики славянских языков под влиянием русского языка

2.1. Интересно появление и укрепление так наз. драматического императива в словацком языке. Драматическим императивом называют глагольные формы императива, выражающие значение нежелательного долженствования, например, русск. *Все ушли, а я сиди дома*. В словацком языке подобные значения обычно передаются формами сослагательного наклонения с частицей *aby*: *Všetci odišli a ja aby som sedel doma*.

Но Г. Горак приводит примеры употребления конструкции с драматическим императивом из художественной прозы XX в.: *Potom biedna mat' plač a sužij sa* 'Потом бедная мать плачь и терзайся' [Ногák 1958: 230]. Ряд грамматистов, в той числе А.В. Исаченко, склонны считать, что такое употребление форм императива в словацком языке стало возможным под влиянием русского языка [Исаченко 1960: 497–498].

2.2. Подобно тому, что отмечалось в болгарском языке, чешский и словацкий языки развили свою систему причастий под влиянием русской грамматики. Русские действительные причастия прошедшего времени на *-вший / -шый*, бывшие по происхождению формами церковнославянского языка, заимствовались чешским языком, а оттуда проникли в современный словацкий литературный язык. Фр. Травничек указывает, что причастия на *-vší* являются новшеством, возникшим под влиянием русского языка в начале XIX века [Trávníček 1935: 343]. И. Ружичка подчеркивает, что причастия на *-vší* не имеют никаких корней в народном языке. Это русизм, попавший в словацкий литературный язык при посредстве чешского литературного языка [Růžička 1957: 223]. Несмотря на это, причастия на *-vší* привились на словацкой почве, став в настоящее время органичным элементом грамматического строя словацкого языка. А.В. Исаченко приводит довольно много примеров употребления этих причастий из художественной прозы, а также из прессы: *Adam, vrátivší sa z redakcie...* 'Адам, вернувшийся из редакции...', *Adam Hlavaj, vystúpivší z električky...* 'Адам Главай, вышедший из электрич-

ки...’, *Chochol, vrátivší sa od telefónu...* ‘Хохол, вернувшийся от телефона...’, *Odstránenie vyskytnuvších sa nedostatkov* ‘Устранение встретившихся недостатков’ (из газет), *Riešenie všetkých vyskytnuvších sa problémov* ‘Решение всех возникших проблем’ [Исаченко 1960: 556].

Литература

- Андрейчин Л. (1949). *Грамматика болгарского языка* / пер. с болг. М.: Издательство иностранной литературы.
- Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология.* София, 1983.
- Исаченко А.В. (1960). *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. II. Морфология.* Братислава, 1960.
- Маслов Ю.С. (1981). *Грамматика болгарского языка.* М.
- Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект.* М., 2007.
- Horák G. (1958). *K využitiu slovesného času a spôsobu v slovenčine // Studie ze slovanské jazykovědy.* Praha.
- Růžička J. (1957). *Činné příčastie minulé // Slovenská reč,* 1957, 4.
- Trávníček Fr. (1935). *Historická mluvnice česká.* Praha.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ НА БАЛКАНАХ: АСПЕКТЫ КОНТАКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А. Ю. Русаков (СПбГУ)

1. Как неоднократно отмечалось, славянские языки отличаются «большой близостью друг к другу» на всех уровнях языковой системы (например, [Бернштейн 1990: 460]). Вследствие имевшей место в середине первого тысячелетия н. э. широкомасштабной экспансии в северо-западном и юго-западном направлениях, географическое размещение трех основных групп современных славянских языков более или менее соответствует их «генетическим» отношениям. Однако существуют и явления, сближающие отдельные славянские языки с языками «не их» подгрупп (преимущественно, южные с западными и западные с восточными); возникновение соответствующих изоглосс объясняются, как правило, поздними парциальными контактами, не всегда хронологически и территориально точно локализуемыми. Сама возможность такого влияния, без сомнения, поддерживалась долго сохранявшейся близостью славянских языков.

2. Имеются, однако, языковые феномены, достаточно четко делящие славянский языковой ареал на части, не совпадающие с «генетическими» подразделениями. Сюда относится, прежде всего, фонологическое разделение славянского языкового ландшафта на аккомодативную (характеризующуюся большим количеством палатализованных согласных, коррелирующих с твердыми) и не аккомодативную (соответственно, с малым количеством палатализованных/палатальных согласных) зоны. К первой зоне относятся восточно-славянские и лехитские языки, а также восточноболгарские диалекты, ко второй – чешский, словацкий, сербо-

лужицкий и южно-славянские, кроме восточноболгарских диалектов. Идеи о подобном разделении славянских языков были выдвинуты Романом Якобсоном [Jakobson 1962/1931], развиты А.В. Исаченко [Исаченко 1963 /1939–40]), в последние годы эта проблематика была всесторонне рассмотрена в монографии И. Савицкой [Sawicka 2001]. Следует отметить несколько существенных моментов.

Разумеется, и «аккомодативная», и неаккомодативная эволюция полностью объясняются возможностями внутреннего развития славянской фонологической системы в эпоху после падения редуцированных. При этом следует указать на то, что неаккомодативное развитие заключается как в «неразвитии» противопоставлений, свойственных, к примеру, восточнославянским языкам, так и в утрате уже существующих фонемных противопоставлений. В целом неаккомодативное развитие приближает «юго-западные» (включая чешский, словацкий и лужицкий) славянские языки к языкам SAE (*Standard Average European*) и, соответственно, отдаляет от языков «евразийского» типа¹. Подобное ареальное развитие не может не иметь под собой конкретного контактного содержания, и конкретные контактные процессы в качестве объяснения отдельных депалатализационных явлений приводятся для чешского, словацкого и лужицкого (как в целом, так и для отдельных их диалектов).

3. Проблема переходных зон между «центрально-евразийскими» и SAE языками в последние годы неоднократно ставилась применительно к разным языкам и языковым ареалам (см., например, [Koptjevskaja-Tamm, Wälchli 2001: 728–733] для циркумбалтийских языков). Одной из таких зон признаются Балканы. Действительно, для балканских языков мы имеем сравнительно высокий уровень индекса принадлежности к SAE союзу: восемь или девять признаков (из двенадцати, приведенных в [Haspelmath 2001]) для албанского, греческого и арумунского, шесть–восемь признаков для болгаро-македонских диалектов².

¹ Не буду касаться здесь вопроса о том, насколько палатализации согласных сущностно связаны с отсутствием политонии (второго признака евразийского союза по Якобсону).

² Проверка признаков М. Хаспельмата проводилась на основе материалов Малого диалектологического атласа балканских языков [МДАБЯ]. Неполная однозначность подсчетов определяется для албанского, арумунского

Как отмечал М. Хаспельмат [Haspelmath 2001: 1506–1507], время формирования SAE союза представляет собой достаточно неопределенный и длительный период, продолжавшийся, по всей видимости, от эпохи Карла Великого до раннего Нового времени включительно. Этот же период мы можем рассматривать как эпоху формирования БЯС. Таким образом, процессы «балканизации» и «европеизации» балканских языков, взятые *en masse*, разграничить достаточно трудно³.

Одновременно «балканизация» принесла с собой ряд языковых черт, чуждых ядру SAE ареала. Это, прежде всего, постпозитивный артикль и отсутствие или редукция инфинитива. Эти же черты не свойственны и большей части славянских языков.

4. При обращении к специфическому развитию славянских языков на Балканах хочется ответить, по крайней мере, на две группы вопросов. Первая заключается в определении конкретной контактной ситуации, «ответственной» за возникновение того или иного конкретного «балканизма». Необходимо понять, какие языки принимали участие в контакте, какой характер носило контактное взаимодействие групп носителей этих языков, каковы были хронологические и географические рамки этих контактов. Сразу можно отметить, что более или менее полные ответы на эти вопросы, по всей видимости, никогда не будут найдены, однако продвинуться по пути их решения вполне возможно.

Вторая группа вопросов сводится к выяснению того, что в славянских языках на Балканах меняется под контактным влиянием, а что сохраняется достаточно стойко. Хотелось бы также выяснить, чем может быть объяснена подобная неравномерность контактного развития.

5. Что касается первой группы вопросов, следует подчеркнуть прежде всего неоднократно отмечавшуюся рецептивность славянских языков на Балканах: они больше менялись, чем были источником контактного изменения: чуть ли не единственный из «крупных» балканизмов, хорошо объясняющийся славянским

и греческого неясностью в оценке некоторых параметров, а для болгаро-македонских диалектов неоднородностью самого материала, см. об этом ниже. Об албанском как языке SAE типа см. [Русаков 2004].

³ Ср.: «балканизация раннего цыганского вызывает одновременно европеизацию многих его черт» [Matras 2001: 199].

влиянием, – специфическое образование числительных второго десятка (см., например, [Lindstedt 2000: 236])⁴. Современные контактологические представления заставляют искать причины подобной рецептивности не в собственно лингвистических свойствах балканских языков, а в социо-исторических особенностях контактных ситуаций.

В своей известной монографии С. Томасон и Т. Кауфман [Thomason, Kaufman 1988] показали, что все контактные ситуации сводятся к двум типам: *сохранение языка* и *языковой сдвиг*, и что базовые интерференционные механизмы не зависят от типа ситуации, хотя последний и влияет на особенности реализации этих процессов – при сохранении языка интерференционные процессы действуют сперва на лексическом уровне и лишь затем (обычно при смене языковой доминации) начинается фонетическое и грамматическое влияние «второго» языка, при языковом сдвиге, если влияние «субстратного» языка имеется, оно проявляется прежде всего в фонетике и синтаксисе.

В плане историческом определить зоны потенциального языкового сдвига достаточно трудно, все предположения поневоле носят гипотетический характер.

В отношении балкано-славянского, в частности, встает вопрос об ассимиляции доосманских тюрков, в первую очередь, протоболгар. Мы по крайней мере достоверно знаем из исторических источников, что такая ассимиляция имела место. То обстоятельство, что в болгарском лексическом фонде вычленяется мало ранних тюркских лексических заимствований, не противоречит предположению о том, что какое-то субстратное влияние могло иметь место, – помимо трудности вычленения разных слоев тюркизмов вследствие значительной языковой близости тюркских языков и диалектов, следует учитывать также, что при языковом сдвиге, как уже говорилось выше, влияние следует искать прежде всего в фонетике и синтаксисе. В этой связи привлекательной, хотя и слабодоказуемой, остается гипотеза Ю.К. Кузьменко, пытающегося объяснить возникновение постпозитивного артикля в и.-е. языках (балканских, скандинавских, армянском) контактным

⁴ Речь не идет при этом о славянском влиянии на отдельные островные балканские диалекты. Так, чрезвычайно сильно славянское влияние на меглено- и истрорумынский, достаточно сильное болгарское влияние испытали албанские говоры Болгарии и Украины и т.п.

влиянием языков с посессивным склонением [Kuzmenko 2003]. В отношении балканских языков речь идет о доосманских тюрках – от протоболгар до куманов. Носители тюркских диалектов могли отождествить собственные посессивные суффиксы с иногда оказывавшимися в постпозиции указательными местоимениями балканских языков. Это отождествление могло привести к закреплению этих местоимений в постпозиции. Далее постулируются процессы грамматикализации, приведшие к современному состоянию.

Разумеется, гипотеза Кузьменко практически недоказуема (как, впрочем, и подавляющее большинство «субстратных гипотез») и оставляет много нерешенных вопросов как исторического, так и собственно лингвистического характера. Напротив, лингвистическое влияние восточнороманских языков на развитие болгарского, как будто бы, не вызывает особых сомнений. Влияние это могло реализовываться, в частности, и вследствие перехода части «влахов» на болгарский язык⁵. Временные рамки этих процессов были, по всей видимости, довольно длительными, они могли продолжаться с IX по XIII–XIV века (см., например, [Черняк: 1998: 195–201]). Результатом этого влияния должен был стать переход болгаро-македонского именного словоизменения на путь развития аналитизма. Речь идет, прежде всего, о копировании предложных конструкций «романского» типа, служащих для выражения косвеннообъектных и посессивных отношений. Дальнейшее падение именного склонения после победы этих тенденций могло развиваться «внутриязыковым» образом, о чем свидетельствуют многочисленные реликты именного склонения, по-разному сохраняющиеся в болгарских и македонских диалектах (см. [Цыхун 1981: 23–91; Дуриданов, Младенов 1989: 96–98, 112]). Другим результатом восточно-романского влияния является постпозиция артикля и особенности маркировки определенности на левом члене именной группы. Географически локализовать центр контактов и точно определить диалектные особенности языка-

⁵ См. достаточно четкую формулировку А.Б. Черняка: «Таким образом, схема болгарского этногенеза должна выглядеть следующим образом: 1 этап – ассимиляция праболгар на территории нижней Мезии и Малой Скифии (Добруджи) и 2 этап – ассимиляция ромеев, главным образом влахов, на территории диоцезов Фракия (до Странджы) и Дакия» [Черняк 1998: 195].

донора достаточно трудно, в конечном итоге это упирается в нерешенные вопросы румынского этногенеза⁶. Не будем мы вдаваться и в проблему появления постпозитивного артикля в восточнороманском⁷.

По-видимому, другим очагом инноваций, распространявшихся частично путем языкового сдвига «в славянскую сторону» была западно-балканская (или центрально-балканская) зона албано-арумыно-греческо-македонских контактов⁸. Действительно,

⁶ Ситуация в румынском в плане выражения посессивных отношений отличается значительным диалектным разнообразием, как на уровне балканороманских «макродиалектов» (арумынского, мегленорумынского, истрорумынского), где генитивный артикль практически превратился в предлог, так и на уровне диалектов собственно дакорумынского (в большинстве диалектов – за исключением мунтянских – в генитивной конструкции мы имеем предлог *a*). Таким образом, на большей части балкано-романского ареала возобладала «романская» тенденция маркировки посессивных отношений (см. [Кортјевскаја-Тамм 2003]). Выражение посессивности в болгаро-македонских диалектах отличается от ситуации в мунтянских диалектах и литературном румынском, где сохраняется синтетический генитив и появляется в определенных позициях «посессивный артикль», однако при контактах «связующий артикль» и предлог вполне могут отождествляться (см. ниже).

⁷ Возможное влияние албанского на восточнороманский в области именной группы – лишь один фрагмент чрезвычайно сложной и, вероятно, ключевой для понимания особенностей возникновения феномена балканских языков, проблемы древних (прото)албанских/(прото)румынских контактов. Отнюдь не пытаюсь решить здесь в целом вопросы, относящиеся к проблематике албано-румынских схождения, заметим, что их можно объяснить либо интенсивными контактами между предками албанцев и предками румын, либо тем, что предки албанцев и палеобалканское население, перешедшее затем на латынь, говорили на близкородственных диалектах. В сущности, для решения вопроса о происхождении конкретного схождения точный ответ на вопрос о характере албано-румынского билингвизма не так уж важен. В любом случае мы имеем дело с интенсивным билингвизмом с доминированием одного из языков, а идет ли речь о палеобалканско-(фракийско?)-латинском билингвизме у предков румын (субстрат) или протоалбанско-проторумынском билингвизме, не так существенно.

⁸ Впрочем, эту зону, согласно идеям, восходящим еще к Г. Вейганду, часто считают ключевой и для распространения балканизмов вообще, см., например: «Эпицентр балканизмов находится, как кажется, где-то южнее Охридского озера и озера Преспа, где встретились греческий, албанский, македонский арумынский и цыганский языки, и где их местные варианты несомненно более похожи друг на друга, чем все пять идиомов, взятые в це-

мы имеем здесь целый пучок ярких схождений в области особенностей употребления артиклей, местоименного удвоения объекта, синтаксиса падежных и предложно-падежных форм (см., например, материал, опубликованный в [МДАБЯ-1; МДАБЯ-2]). Из изоглосс, относящихся к морфологии и морфосинтаксису отметим наличие перфекта, образованного с помощью глагола «иметь»⁹ и, особенно, разительное сходство в строении и употреблении будущего в прошедшем (образуется с помощью неизменяемой частицы, восходящей к глаголу желания, и имперфекта смыслового глагола в личной форме, как правило, конъюнктива; употребляется, в частности, как 1) будущее в прошедшем; 2) в аподосисе ирреального или потенциального условного периода; 3) как хабитуалис в прошедшем (см. подробное описание функционирования и истории этих форм в [Gołąb 1964], см. также [Асенова 1989: 172–190]). З. Голомб объясняет распространение этой формы (в частности, в македонском) разносторонними языковыми контактами, указывая на особую роль арумьнского и постулируя между прочим переход арумьнского населения на македонский (что и объясняет ряд черт последнего). Не отрицая реальность таких процессов, укажу лишь на то, что и *habeo*-перфект и «западнобалканская» форма будущего в прошедшем представлены и в ряде южно-болгарских рупских говоров, распространенных на территории Греции ([Дуриданов, Младенов 1989: 106–108, 120–121], см. также «западно-балканскую» форму будущего в прошедшем в родопских говорах: [МДАБЯ-2: 63]). По крайней мере для этих диалектов, реальным остается греческое влияние в распространении данных явлений, а следовательно, греческое влияние нельзя исключить и для македонского (и южноалбанского) ареала в целом¹⁰.

лом» [Lindstedt 2000: 234]. Этот тезис, несомненно, в целом верно описывает ситуацию, однако остается неясным, можем ли мы считать этот регион центром иррадиации *всех* балканизмов. Как будто бы, по крайней мере албано-(дако)румьнские схождения в области построения именной группы должны относиться к более раннему периоду и к более северной зоне.

⁹ Один из признаков, относящих македонские говоры (в отличие от болгарских) к SAE-ареалу.

¹⁰ Это не снимает вопроса об арумьнском влиянии на образование этой формы в самом греческом.

Разумеется, говоря о греческом влиянии на славянский, мы переходим от потенциального влияния через языковой сдвиг к ситуации «классического» языкового контакта, когда доминирующий и престижный в культурном плане язык оказывает воздействие на первый язык билингвального речевого сообщества.

Вообще надо заметить, что в реальных контактных ситуациях основные типы билингвальных ситуаций достаточно трудно отграничить друг от друга. Это хорошо видно, например, из описания исторической и социолингвистической ситуации сербских говоров албанско-черногорского пограничья (см. [Соболев 1990] с опорой в основном на классические труды П.А. Ровинского и А.М. Селищева). Действительно, мы имеем в данном случае *длительную* ситуацию языковых контактов (первые албано-славянские языковые контакты к северу от Шкодры документально фиксируются в XIII веке, а теоретически они могли начаться и раньше, ситуация активного двустороннего билингвизма существовала, по крайней мере, до начала XX века). Она складывалась из а) постоянного межэтнического общения, когда «этнические» сербы говорили по-албански, а «этнические» албанцы – по-сербски; б) смены языка: албанцы «ассимилировались с сербами», сербы албанизировались [Соболев 1990]. В некоторых случаях в прошлом, по всей видимости, вообще было трудно говорить о какой-либо определенной этнической самоидентификации некоторых групп населения¹¹. В результате тесных албано-сербских контактов в черногорских говорах произошло отождествление албанских генитивных конструкций с аналитическим связующим формантом с сербскими предложными конструкциями с предлогом *от* и, как следствие, «своего рода выравнивание структуры субстантивного словосочетания в черногорских говорах по единой модели, ... которая структурно идентична генитивной албанской синтагме» ([Соболев 1990: 18]; см. также [Цивьян 1965: 64–65]).

По-видимому, ситуация, при которой некоторый набор языков в отдельном регионе более или менее сохраняется, но происходит смена языков (или языковой доминации) у определенных групп населения, была весьма характерна для Балкан.

¹¹ См., например, этногонические предания об общности происхождения черногорских племен Пиперов и Васоевичей и албанского фиса Красниче [Десницкая 1968: 59 прим. 32].

Другой ареал балканского влияния на славянский – сербские диалекты призрено-тимокской зоны. Хронологически датировать балканизацию этих диалектов достаточно трудно [Соболев 1998: 142]. Диалекты слева от так называемой линии Ивича (см., например, [Ивић 1956: 16]), проходящей по крайнему западу болгарской территории, по-видимому, оказались здесь «вследствие миграции населения с запада» [Соболев 2003], вероятно, они вошли на этой территории в соприкосновение с восточнороманским населением, возможно близким к этническим группам, участвовавшим в этноязыковых процессах на территории Македонии (см. достаточно большое количество романских топонимов на этой территории, [Сухачев 1990: 239]). Интересно, что, хотя степень балканизации призрено-тимокских говоров несколько ниже, чем болгаро-македонских диалектов, они разделяют ряд «балканистических» изоглосс с говорами Македонии (см. [МДАБЯ-1; МДАБЯ-2]).

6. Что касается ответа на вопрос о том, что́ меняется в славянских языках, а что́ остается сравнительно стабильным, то ограничусь лишь несколькими замечаниями.

1) В целом балканские языки, включая балканославянские, в своем развитии следуют закономерностям, известным по другим контактным ситуациям. Большинство балканизмов представляют собой либо семантический сдвиг в сфере употребления какой-либо формы под влиянием формы другого языка, либо копирование аналитических конструкций окружающих языков. Подтверждаются и неоднократно высказывавшиеся соображения о реальности параметров, положительное значение которых облегчает реализацию иноязычного влияния в сфере грамматики (см. обсуждение этой проблемы, например, в [Harris, Campbell 1995: 122–136]). Среди них:

- ясность и простота формального выражения значения (служебное слово > агглютинативный аффикс > флексия);
- ясность и однозначность значения;
- принадлежность явления к дискурсообразующей и эмотивной сфере языка;
- структурная близость конкретного фрагмента грамматической системы двух языков.

2) Чем более грамматическая конструкция отвечает этим параметрам, тем больше шансов у нее оказать интерференцион-

ное воздействие. Система имени в балканских языках оказывается более проницаемой, чем глагольная система, а в рамках глагольной системы модальная сфера – более проницаемой, чем видо-временная.

В этой связи особый интерес представляет собой такая базовая для всех славянских языков категория, как вид. Действительно, как будто бы нет славянского языка, в котором эта категория оказалось бы разрушенной. Вид, с чрезвычайной формальной сложностью и непрозрачностью его выражения и тесным переплетением грамматического и лексического в плане семантики конкретных лексем, казалось бы, должен сопротивляться интерференционному воздействию со стороны языков, в которой нет соответствующей категории (я имею в виду вид *славянского* типа). В целом так и происходит¹².

Интерференционное воздействие на балканославянскую видовременную (в широком смысле) систему реализуется как бы на ее периферии, там, где она смыкается с модальной сферой (будущее, будущее в прошедшем) или со сферой эвиденциальности. Тем не менее, интересно отметить, что в болгаро-македонском (единственном из славянских языков!) происходит нечто вроде наложения романской видо-временной системы на славянскую: наряду с оппозицией СВ : НСВ сохраняется оппозиция аорист : имперфект, а также имеется система аналитического перфекта. Болгарский как бы законсервировал или даже развил положение, зафиксированное в древних славянских языках (старославянском, древнерусском, старочешском), т.е. в языках, переживавших процесс становления видовых противопоставлений (см. [Маслов 1984: 91–111]). Возникает вопрос о том, насколько этой консервации могло способствовать восточно-романское влияние¹³. Интересно, что возникшая видовременная

¹² Интересно, что в условиях сильного языкового контакта с *доминантной* славянских языков, языки-реципиенты копируют некоторые компоненты выражения видовых значений, см. частичное калькирование славянской префиксальной системы в идиш, заимствование системы русских и других славянских префиксов рядом цыганских диалектов, заимствование славянских перфективирующих префиксов и имперфективирующих суффиксов в истрорумынском (!) [Нарумов 2001]. Однако надо отметить, что *полностью* славянская видовая система нигде не копируется.

¹³ Единственный славянский язык за пределами южнославянской языковой области, сохранивший формы аориста и имперфекта, – верхнелужиц-

система оказывается достаточно нестабильной, что проявляется, в частности, в постепенном вытеснении форм аориста несовершенного вида и, особенно, имперфекта несовершенного вида, либо вообще из употребления (как в македонском: «Сейчас, через полвека с момента кодификации македонского литературного языка, аорист от глаголов несов. вида молодым поколением практически уже не употребляется» [Усикова 2003: 197]), либо в специфические синтаксические или прагматические контексты.

Литература

- Асенова П. (1989). *Балканско езиковзнание: основни проблеми на балканския езиков съюз*. София.
- Бернштейн С.Б. (1990). Славянские языки // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 460–461.
- Десницкая А.В. (1968). *Албанский язык и его диалекты*. Л.
- Дуриданов И., Младенов М. (1989). Дистрибуция на балканизмите в българските диалекти // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. 25. Warszawa, 93–125.
- Ивић П. (1956). *Дијалектологија српскохрватског језика*. Нови Сад: Матица Српска.
- Исаченко А.В. (1963/1939–40). Опыт типологического анализа славянских языков // *Новое в лингвистике*. Вып. 3. М.: «Иностранная литература», 106–121.
- Маслов Ю.С. (1984). *Очерки по аспектологии*. Л.: ЛГУ.
- МДАБЯ-1 – *Малый диалектологический атлас балканских языков* / Под ред. А.Н. Соболева. Пробный том. München: Biblion Verlag, 2003.
- МДАБЯ-2 – *Малый диалектологический атлас балканских языков* / Под ред. А.Н. Соболева. Серия грамматическая с преимущественным вниманием к структуре балканославянских языков. München: Biblion Verlag, 2005.
- Нарумов Б.П. (2001). Истрорумынский язык/диалект // *Языки мира. Романские языки*. М.: Academia, 656–670.

кий. Но здесь формы имперфекта оказались закрепленными за глаголами НСВ, а формы аориста – за глаголами СВ [Маслов 1984: 20], в чем можно было бы увидеть влияние немецкого с его недифференцированным в видовом плане синтетическим претеритом.

- Русаков А.Ю. (2004). Албанский язык: между Востоком и Западом // *IX Конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. Доклады российских ученых*. СПб., 259–274.
- Соболев А.Н. (1990). *Заметки о надежных системах сербохорватских говоров контактных зон*. Београд.
- Соболев А.Н. (1998). Сербохорватский язык // *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2. Славянские языки*. СПб, 114–155.
- Соболев А.Н. (2003). Южнославянские языки в балканском ареале. Доклад к XIII Международному съезду славистов (Любляна, август 2003). Marburg.
- Сухачев Н.Л. (1990). Истрорумынский язык // *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 1. Новогреческий, албанские, романские языки*. Л., 231–247.
- Усикова Р.П. (2003). *Грамматика македонского литературного языка*. М.
- Цивьян Т.В. (1965). *Имя существительное в балканских языках*. М.
- Цыхун Г.А. (1981). *Типологические проблемы балканославянского языкового ареала*. Минск.
- Черняк А.Б. (1998). Болгарский язык (разделы 1–4) // *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2. Славянские языки*. СПб, 189–206.
- Harris A.C., Campbell L. (1995). *Historical Syntax in Cross-Linguistic Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haspelmath M. (2001). The European linguistic Area: Standard Average European // M. Haspelmath et al. (eds.). *Linguistic Typology and Language Universals*. V. 2. Berlin, New York: de Gruyter, 1492–1510.
- Jakobson R. (1962/1931). К характеристике евразийского языкового союза // R. Jakobson. *Selected Writings. I. Phonological Studies*. s'-Gravenhague.
- Koptjevskaja-Tamm M. (2003). Possessive noun phrases in the languages of Europe // F. Plank (ed.). *Noun Phrase Structure in the Languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Koptjevskaja-Tamm M., Wälchli B. (2001). The Circum-Baltic languages. An areal-typological approach // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *Circum-Baltic Languages. Typology and Contact*. Vol. 2. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 615–750.

- Kuzmenko Ju. K. (2003). Die Quellen der Artikelsuffigierung in den Balkansprachen // *Актуальные проблемы балканистики*. СПб.
- Lindstedt J. (2000). Linguistic Balkanization: contact-induced change by mutual reinforcement // D.G. Gilbers et al. (eds.). *Languages in Contact* (= Studies in Slavic and General Linguistics, vol. 28). Amsterdam, Atlanta (GA): Rodopi, 231–246.
- Matras Ya. (2001). *Romani. A Linguistic Introduction*. Manchester.
- Sawicka I. (2001). *An Outline of the Phonetic Typology of the Slavic Languages*. Toruń
- Thomason S.G., Kaufman, T. (1988). *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley (CA): University of California Press.

КОНТАКТЫ ДРЕВНЕРУССКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ В ОБЛАСТИ ФОНЕТИКИ

И. А. Сержант (Институт литовского языка, Вильнюс)

1. Введение

1.0. Древние контактные процессы не нашли такого широкого интереса, как контактные процессы нового времени (ср., например, список литературы в [Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001: 2, 741–750]), что, возможно, имеет причину в некоторой «теоретичности» материала, а, следовательно, и самих выводов. Кроме того, рассмотрение древних контактных феноменов значительно затруднено, т.к. для многих языков приходится пользоваться только данными реконструкции, т.е. фактами, имеющими некоторую степень абстрактности. Для других языков нормированная письменность и, в некоторых случаях, несовершенство алфавита также только приблизительно позволяет судить о реальном произношении той или иной графемы или группы графем/лигатуры. Тем не менее, такие исследования проводятся, ср., например, [Meiser, Hackstein 2000].

Важно отметить и большое значение таких исследований, которые дают возможность более глубокого понимания процессов, происходивших в том или ином языке, и важны не только для сравнительно- исторической лингвистики.

2. Древние контактные явления

2.0.1. В данном разделе рассматриваются явления, датируемые временем после восточнославянского единства и до древнерусского (дописьменного) периода.

2.0.2. Древние контактные явления могут восстанавливаться на основании реконструкций и/или засвидетельствованных в письменных памятниках явлений. В этом случае сам источник данных о языке, а также отсутствие точных данных о диалектологических и географических границах исследуемых языков определяют некоторую обобщенность выводов. Другими словами, в области исторической фонетики возможно утверждение, что два схожих фонетических процесса в двух соседних языках могут быть взаимосвязанными, однако, как правило, трудно с точностью установить:

а) является ли катализатором данного явления в обоих рассматриваемых языках схожее явление в третьем, соседствующем языке;

б) в некоторых случаях, какой именно язык послужил источником;

в) в определенных случаях определенное явление во втором языке может появиться и значительно позже, чем в языке-источнике, являясь тем не менее результатом языкового контакта.

Кроме того, важно отметить, что при тесном языковом контакте наблюдается как бы стремление фонетических систем двух языков друг к другу или одной системы к другой, при этом как внутренние причины, вызвавшие то или иное фонетическое изменение, так и механизм самого изменения могут в контактирующих языках быть совершенно разными. Принципиальным является одинаковый результат.

2.1. Палатализация в славянском и балтийском¹

Латышский язык имеет те же рефлексy в 1-ой и 2-ой «палатализациях», что и древнекривичский диалект, ср. таблицу 1.

¹ Подробнее см. Сержант 2007б.

Таблица 1. Рефлексы 1-ой и 2-ой палатализации в латышском и древнекривичском

	Латышский	Др. кривичский диалект
1-ая палатализация:	*k > [c'] > c, *g > [dz'] > dz	*k > [c'] ц, *g > [ž]
2-ая палатализация:	*k > [k' ~ t'] k̄ *g > [g' ~ d'] ģ (медиодорсальный)	*k > [k' ~ t'] к *g > [z] з *g > [g' ~ d'] г, в праслав. *zdj, ср. такие др. новгородские написания как ражгати вместо раждати

Однако, как видно из приведенной таблицы, др. кривичский диалект в 1-ой палатализации представляет более сложное развитие звонких коррелятов – **ц** и **ж**.

Среди псковско-новгородских инноваций В.Б. Крысько [Крысько 1994: 28] отмечает возникновение произношения [ж'д'] на месте праслав. *zgj, *zg', *zdj и, аналогично, [ш'т'] на месте праслав. *skj, *sk', *stj. В этой связи латышские вторичные, аналогические сочетания *zdj, *stj, давшие šķ [ш'т' ~ ш'г'] и žģ [ж'д' ~ ж'г'], например, диал. rīkšķu < *rīkstju, ср. литер. rīkšu и литовск. rykščiū и название хутора Bal-bāržģi (< *-bārdži, ср. bārza) [Endzelīns 1951: 178], представляются неслучайными. Общим для обоих языковых ареалов в данном случае является возникновение новых аффрикат [ш'т' ~ ш'г'] и [ж'д' ~ ж'г']. Для латышского языка их вторичность не подвергается сомнению, т.к. эти звуки на месте прабалт. *stj, *zdj возникают только, как отметил Эндзелин [ibid.], если в языке существуют морфологическая альтернатива с st, zd, которые могли обеспечить аналогию.

Некоторые сходства в дальнейшем развитии велярных см. ниже § 3.1.

2.2. *mj, *bj, *vj, *pj

Взаимосвязи балтийских языков в развитии *l*-epentheticum могут быть проиллюстрированы в таблице 2 (общее обозначение для

лабиального – Р). В то время как все литовские говоры сохраняют группу Рj в любой позиции, диалекты латышского языка расходятся относительно условий перехода Рj > Рl: западнолатышский (средний – литературный – и ливонский диалекты) занимают некоторую промежуточную позицию между литовским языком и восточнолатышским («латгальским») диалектом, в истории которого все пралатышск. *Рj, в независимости от позиции, перешли в Рl [Breidak 1977: 12–13; 1980: 38–40].

Таблица 2. Рефлексы *Рj в балтийских языках

	*mj, *bj, *vj, *pj	
	в начале слова	в остальной части слова
Литовский язык	–	–
Латышский язык / запад (средний и ливонский диалекты)	Рl-	–
Латышский язык / восток (верхнелатышский диалект)	Рl-	-Рl-
Восточнославянские языки	Рl-	-Рl-

2.3. История согласных š', ž'

За исключением территории восточного верхнелатышского (аукшземниекского) диалекта согласные š' и ž' в остальных диалектах (среднелатышском и куронском) отвердели. В современном русском языке палатальные согласные š и ž – также твердые². Однако на востоке Латвии, в центрально-восточных латгальских говорах, с одной стороны, и в некоторых севернорусских говорах, с другой стороны, сохраняется ареал с палатализованными коррелятами [Аванесов, Орлова 1962: 87, 237; Брейдак

² Представляется, что отверждение данных согласных в латышском ареале западнее латгальских говоров связано с влиянием прибалтийско-финского субстрата (точнее, ливского языка). Так, например, в русском говоре Ййзаку на северо-востоке Эстонии вообще нейтрализуется оппозиция по твердости/мягкости [Хептер 1979].

1994]. Следует однако отметить, что в некоторых северорусских говорах палатализованность сохраняется, однако в большей части этих случаев, только в палатальном контексте: перед гласными *e*, *и*, *о* (< *e*) и перед палатализованными согласными, например: *кваиш'н'á* [Аванесов, Орлова 1962: 87]. Аналогично, в центрально-восточных латгальских говорах палатализованность согласных *š'* и *ž'* сохраняется только в палатальном контексте.

Исторически, однако, данные звуки были палатализованными, что обуславливается их происхождением – и в латышском, и в восточнославянском они возникли из палатализации велярных или сочетания велярных, дентальных или свистящих с *j*, ср. таблицу 3.

Таблица 3. Рефлексы сочетаний «дентальный + *j*» в латышском и восточнославянском

	*dj	*zj	*sj	*tj	*g'	*x'
Латышский	*ž'	*ž'	*š'	*š'	*dz'	–
Восточнославянский	ж'	ж'	ш'	ц'/ч'	ж'	ш'

В латышском языке фонемы *š', *ž' были палатализованы и перед непередним гласным, что косвенно следует из того факта, что данные согласные вызывают пралатышскую перегласовку (прабалт. **e* > *ē* перед А и **e* > *e̊* перед Е), например, *svešš* (с закрытым *e̊*) и *pežds* (с открытым *e̊*). При этом пралатышская перегласовка является одним из древнейших фонетических изменений, т.к. она прошла до расщепления пралатышского языка на диалекты. Также и самые древние восточнославянские письменные памятники свидетельствуют о существовании в данном ареале палатализованных *š'*, *ž'*, что четко отображают написания, например, в новгородской сентябрьской служебной минеи 1095 г. [Попруженко 1889: 28].

Итак, звуки *š'*, *ž'* и в восточнославянском, и в латышском ареале претерпели частично одинаковую историю развития, ср. относительную хронологию 1–4:

1. Общие источники возникновения *ž'* и *š'*: *ž'* из праслав. и пралат. **dj*, **zj* и возникновение *š'* из праслав. и пралат. **sj*; наряду

с отличным источником восточнослав. $\check{s}' < *x'$ (1 Пал.), $\check{z} < *g'$ (1 Пал.), а также только пралат. $*tj > \check{s}^3$ (ср. таблицу 3);

2. Общий ареал распространения палатализованных фонем $*\check{z}'$ и $*\check{s}'$;
3. Отверждение палатализованных фонем $*\check{z}'$ и $*\check{s}'$ в непалатальном контексте (аллофонизация);
4. Отверждение (оставшихся) палатализованных аллофонов $*\check{z}'$ и $*\check{s}'$, при их сохранении в некоторых говорах диалектной периферии.

Для самого древнего этапа (1) сходство лишь только частичное, однако, затем история развития (2–4) \check{s} и \check{z} в обоих языках одинаковая.

3. Поздние контактные явления

3.0. Под поздними контактными явлениями здесь понимаются общие фонетические явления, относящиеся к письменному периоду древнерусского языка. Более конкретная датировка указывается в каждом отдельном случае. Далее приводятся общие фонетические явления, которые удалось установить в [Seržant in prep.], где данные явления рассматриваются в деталях.

3.1. Цоканье

Впервые на связь спорадического (лексического) цоканья в латышских говорах (особенно в восточнолатышских) и более регулярного в восточнославянских было указано в работе [Семенова 1959: 600] с целым рядом примеров. Ср. *ķiba* в Alūksne, Stāmeriene, Litene, Beļava (с гиперкорректным *ķ* вместо латгал. *čiba*) (засвидетельствовано в [Endzelīns 1951: 188]) и с другой стороны стандартное сред. латышск. / литер. *ciba*; *ķeipslas* (< *čeipslas*) вместо *cīpsla* Aknīste, *couška* вместо *čūska* Arukals [Бренцис 1914: 131]; ср. также произношение города «Печеры» псковской области недалеко от границы с Латвией в Alūksne₄₆₅ *Peķeras* [Pet'eras], в Arukals_{385, 384, 386, 387} *Peceras* [Бренцис 1914: 131].

³ Возможно, что и рефлекс праслав. и пралат. $*tj$ некогда совпадали в звуке $*č$, однако, пралатышский здесь более последовательно устранил затвор и для глухого коррелята, по аналогии со звонким $*dj > *dž > \check{z}$. Восточнославянский рефлекс является здесь более архаичным.

Наиболее выдающимся примером цоканья, распространившимся на всей территории латышского языка и не имеющем исключений, является пара *četri* «четыре», *četurtais* «четвертый», при этом последнее является закономерным развитием и.-е. *k, а первый иррегулярным.

3.2. Палатализованность

Как в фонологической системе пралатышского, так и в правосточнославянского, не существовало фонематической противопоставленности по признаку твердости ~ мягкости. Очень древнюю оппозицию образуют лишь сонанты *n*, *l*, *r* [Калнынь 1956: 138–144; Kiparsky 1963: 110], которые в некоторых старославянских и древнерусских рукописях обозначаются специальным диакритическим значком и отличаются таким образом графически от сочетаний с *j*, ср. *-jo*-склонение: ном. sg. **кѠнь** «конь», gen. sg. **кѠнѧ** и *-i*-склонение: ном. sg. **кѠнь** «начало», gen. sg. **кѠни** [Kiparsky 1963: 110]. Однако с падением редуцированных (в особенности с падением редуцированного гласного переднего ряда **ь**), возникновением нового, палатализирующего [’а] из праслав. **ѧ** и др. уже в раннем древнерусском появляется фонематическое противопоставление по признаку твердости ~ мягкости [ibid.: 116–121].

Правосточнобалтийский язык, а также пралатышский, за исключением сонантов *n*, *l*, *r* также не имел фонематического противопоставления по данному признаку. Большинство согласных, как и в правосточнославянском, были или всегда мягкие (как, например, *š’ и *ž’, см. выше §2.3) или всегда твердые. Однако, довольно сильная аллофоническая корреляция (т. е. C₁E > C₁’E / C₁A = C₁A) должна была развиваться уже в последней стадии пралатышского праязыка, т.к., именно палатализованные согласные вызывали палатальную перегласовку предыдущего гласного – Пралатышскую, а также 1 и 2 Верхнелатышские перегласовки [Сержант 2005: 65–68]. Данное аллофоническое явление исчезает полностью в нижнелатышских (западных диалектах), но развивается в восточнолатышском диалекте. Так, в центрально-восточных латгальских говорах верхнелатышского диалекта практически все согласные системы имеют фонологическое противопоставление по твердости ~ мягкости, например, в Preiļi, Ružina, Silajāņi [Брейдак 1994: 156–158].

3.3. Аканье и яканье

В латгальских говорах верхнелатшского диалекта, за исключением центральных и южных латгальских говоров, гласный *o* возможен только в ударном слоге, ср. Alūksne: *oízgalda* ~ *goíds*, *poýada* ~ *yođiut* [Бренцис 1914: 111]. Данное явление хорошо известно в русских и белорусских говорах как *аканье*.

Также, в верхнелатышском диалекте присутствие палатального гласного среднего подъема *ę* (закрытого) или *ɛ* (открытого) в безударном слоге очень сильно ограничено фонотактикой, а на юге, где действовала 4-ая Верхнелатышская перегласовка данные гласные в безударной позиции в исконных словах вообще не встречаются [Сержант 2005: 63; Seržant in prep.].

3.4. Отвердение *r'*

Псковские письменные памятники (начиная с XV в.) показывают, что в данном диалекте этимологически мягкое *r'* отвердело, ср. **зароу** вместо **зарю** [zar'u], **расшираема** [rasširaema] вместо **расширѣма** [Калужнина 1992: 36]. В большинстве современных латышских говоров⁴ согласный *r* не имеет смягченного коррелята – здесь также произошло отвердевание *r'* [Endzelīns 1951: 180–181].

3.5. *-j-* в позиции между гласными. Контракция гласных

Выпадение *-j-* в позиции между гласными, а также последующая контракция этих гласных типичны для северновеликорусского наречия [Аванесов, Орлова 1962: 236]. Особенно ярко это выражается в глаголе и местоименном склонении прилагательного. Аналогичные процессы происходят и в говорах верхнелатышского диалекта [Rudzīte 1964: 309].

⁴ За исключением некоторых центрально-восточных, латгальских говоров, где, правда, согласно [Брейдак 1994: 158], *r'* является только позиционным вариантом *r* перед (бывшими) палатальными гласными. Однако древняя оппозиция, в которой *r'* был только из **-rj-*, не сохранилась. Т.е. оппозиция по мягкости ~ твердости является новой, ср. *mudr'i* «быстро» (из лат. *tuodri*), *r'äiz'ä* «раз» (из лат. *reize*).

4. Данные заимствований

Целый ряд древних восточнославянских заимствований был нами рассмотрен в [Сержант в печати]. Среди них выделяется подгруппа, содержащая весь список фонетических особенностей данных заимствований, которая должна быть связана с восточнославянской христианской миссией, так как в ней содержатся термины религиозного характера, ср: лат. *tuoka* др. русск. **моука**, лат. *krusts* др. русск. **кръсть**, лат. *kristīt* др. русск. **кръстити**, лат. *baznīca* др. русск. **воз/жьница** и др. Таким образом, данная подгруппа заимствований, а с ней и все остальные рассмотренные заимствования (в связи с одинаковым набором фонетических черт) могут быть датированы самое раннее XI в., так как *terminus post quem* для восточнославянской миссии в Прибалтику является, на наш взгляд, Крещение Руси 988 г., т. е. древнерусским периодом.

Следует отметить, что некоторые древнерусские звуки в заимствованиях в латышском языке отображаются нетривиально. Например, др. русский гласный **оу** отображается как *uo* в отличие от аналогичных заимствований в литовском, где «регулярное» *ū*. При этом, во всех стадиях развития латышского языка здесь имелся фонетически более адекватный *ū*, унаследованный еще из прабалтийского: лат. *sūoģis* < др.-русск. **соудьи** (при лит. диал. *sūdžia*), *sūolīt* (при лит. *siūlyti*, др.-русск. **соулити**), *duōma* (при лит. *dūma*, др. русск. **доума**), *uōma* (лит. *ūmas*, др.-русск. **оумъ**). В. Кипарский [Kiparsky 1952: 74], детально занимавшийся восточнославянскими заимствованиями в прибалтийских языках, предположил, что в данном случае латышский отражает древнее восточнославянское произношение гласного **оу** как [uo]. Аналогичные выводы были предложены и для других «нетривиальных» соответствий.

Однако, как мы указали выше, данные заимствования не являются настолько древними, чтобы в них можно было усматривать реликты древнейшего произношения. Кроме того, как нами было показано в [Сержант в печати], данные самого латышского языка препятствуют подобной интерпретации. Основная ошибка В. Кипарского заключалась в том, что он рассматривал формы литературного языка, базирующегося на среднелатышском диалекте, который в историческое время (а, возможно, и никогда) не

имел непосредственных границ с племенами древних русичей, а находился значительно западнее Латгалии, где основным диалектом является верхнелатышский диалект. Данный диалект, как показало исследование относительной хронологии его сложной исторической фонетики [Сержант 2005], претерпел определенные фонетические преобразования (пралат. *uo* > верхнелат. *ū*, *ie* > *ī*, *ē* > *ā*, *ε* > *a* и др.) еще в древний период. В связи с этим, мы можем предполагать, что праверхнелатышский диалект заимствовал древнерусские словоформы согласно тому же «списку» субституций, что и литовский язык: др. русск. **моука** > праверхнелат. *tīka* > прасреднелат. *tioka*. Переход праверхнелат. *tīka* в прасреднелат. *tioka* хорошо описывается диалектной субституцией – следует отметить, что после перехода в праверхнелатышском пралат. *uo* > *ū* у носителей прасреднелатышского, слышащих во всех исконных формах праверхнелат. *ū* там, где они произносят *uo*, адаптировали и древнерусские заимствования согласно этому соответствию. Подробно данное явление описано в [Paul 1995: Гл. XXII §284]. Аналогично, посредничеством праверхнелатышского диалекта объясняются и другие «неожиданные» субституции в заимствованиях в латышском языке, см. [Сержант в печати], например: др.-русс. **кривичь** лат. *krievs*; лат. *tiērs* < др.-русс. **миръ**⁵. Ср. также лат. суффикс *-nieks* с русск. **-никъ**: *burtnieks* «пчеловод» – др. русск. **бъртникъ**⁶.

Сокращения

ДАРЯ – *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех выпусках. Выпуск I. Фонетика. Карты* / Под Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. Москва: «Наука», 1986.

⁵ Последний пример с точки зрения исторической фонетики может, теоретически, быть и унаследованной формой в обоих языках. Однако полная идентичность в обоих языках значений такого абстрактного понятия указывает скорее на то, что оно было заимствовано.

⁶ Аналогичная роль посредника верхнелатышского диалекта объясняет фонетическую форму и некоторых заимствований из литовского языка, см. там же.

ME – K. Mülenbachs. *Latviešu valodas vārdnīca*. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. 2. negrozīts izdevums. Piecos sējumos. Čikāgas baltu filoloģu kopa. Čikāga, 1954.

Литература

- Аванесов Р.И., Орлова В.Г. (1962). *Русская диалектология*. 2-е изд. М.: «Наука».
- Брейдак А.Б. (1977). Судьба пралатышских звукосочетаний **rj*, **bj*, **vj*, **mj* в верхнелатышском диалекте // А.Я. Блинкена (ред.). *Контакты латышского языка*. Рига: Zinātne, 10–18.
- Брейдак А.Б. (1980). Древнейшие латгало-селоно-славянские языковые связи // Вяч.Вс. Иванов (ред.). *Балто-славянские исследования* 1980. М.: «Наука», 37–45.
- Брейдак А.Б. (1994). Фонематическая подсистема согласных глубоких говоров Латгалии: Центрально-восточный вариант // *Valtistica*, XXIX/2, 155–165.
- Калнынь Л.Э. (1956). Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке // *Ученые записки Института славяноведения*, XIII, 121–225.
- Калужнина Н.В. (1992). Псковские и новгородские памятники церковнославянской письменности как источник исторической диалектологии // *Вестник МГУ, сер. 9 Филология*, 47/3, 29–38.
- Крысько В.Б. (1994). Заметки о древненовгородском диалекте (II. *Varia*) // *Вопросы языкознания*, 6, 16–30.
- Попруженко М. (1889). Замѣтки объ языкѣ Новгородской Служебной Миней 1095 г. // *Филологические записки*, III–IV, Воронеж, 1–34.
- Семенова М.Ф. (1959). По поводу двух фонетических явлений русских и латышских говоров Латгале // *Rakstu Krājums, Veltījums Akadēmiķim Profesoram Dr. Jānim Endzelīnam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei*. Rīga: Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Valodas un Literatūras Institūts, 595–606.
- Сержант И.А. (2005). Относительная хронология основных фонетических изменений в истории верхнелатышского диалекта // *Acta Linguistica Lithuanica*, LIII, 39–89.
- Сержант И.А. (в печати). Относительная хронология процессов палатализации прабалт. **k* в латышском. Ареальная интерпретация // *Вопросы языкознания*.

- Хептер Х. (1979). О нейтрализации фонологической оппозиции по твердости/мягкости согласных в одном русском говоре контактной зоны // *Псковские говоры. Сборник научных трудов*. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 106–110.
- Brencis E. (1914). Nuovērojumi nuo alūksniešu izluoksnes // *Rakstu Krājums*, 17. krājums, Rīga: Rīgas Latviešu Biedrības Zinību Komisijas izdots, 103–145.
- Dahl Ö., Коптјевскаја-Тамм М. (eds.) (2001). *The Circum-Baltic Languages. Typology and Contact*. Vols. 1–2. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Endzelīns J. (1951). *Latviešu valodas gramatika*. Rīga: Latvijas Valsts Izdevniecība.
- Paul H. (1995). *Prinzipien der Sprachgeschichte*. 10., unveränd. Aufl., Studienausg., Tübingen: Niemeyer.
- Kiparsky V. (1952). The earliest contacts of the Russians with the Finns and Balts // *Oxford Slavonic Papers*, III, 67–79.
- Kiparsky V. (1963). *Russische Historische Grammatik. Band I: Die Entwicklung des Lautsystems*. Heidelberg: Carl Winter.
- Meiser G., Hackstein O. (Hrsg.) (2000) *Sprachkontakt und Sprachwandel. Akten der XI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, 17.–23. September 2000, Halle an der Saale*. Wiesbaden: Reichert.
- Seržant I.A. (2007). Die Vermittlungsrolle des Hochlettischen bei den altrussischen und litauischen Entlehnungen im Lettischen // *Acta Linguistica Lithuanica*, LV, 89–105.
- Seržant I.A. (in prep.). Einige phonetische Erscheinungen des hochlettischen Dialekts, die auf dem späteren Sprachkontakt mit dem Groß- und Weißrussischen beruhen.

**ДВА АРЕАЛА СВЕРХСЛОЖНЫХ ФОРМ В ЕВРАЗИИ:
СЛАВЯНСКИЙ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ
МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ**

Д. В. Сичинава (ВИНИТИ РАН)

Не так давно П.В. Петрухин и я выступили с совместной статьей [Петрухин, Сичинава 2006] о так называемом «русском плюсквамперфекте» вида *ходилъ былъ*, его форме и семантике в типологическом освещении. Статья уже вызвала некоторое оживление в литературе вопроса (см. [Шевелева 2007], где затрагивается в связи с плюсквамперфектом проблема «избыточного *есть*», и [Петрухин 2007] о формуле *жили-были*). Предлагаемая работа в значительной степени продолжает направление, заданное этой статьей. Однако если там речь шла, во-первых, преимущественно о семантике древнерусского плюсквамперфекта, во-вторых, о типологической стороне вопроса, то здесь я предпочту сосредоточиться, во-первых, на структурных параллелях славянской (не только древнерусской) конструкции вида «причастие смыслового глагола + причастие вспомогательного глагола + вспомогательный глагол в настоящем времени» в Евразии, а во-вторых, на ареальных характеристиках распространения таких форм.

Формы различных языков мира, структурно аналогичные древнерусской *ходилъ есмь былъ* (или, без вспомогательного глагола, *ходилъ былъ*), мы в нашей статье 2006 г. условились называть сверхсложными – как устоявшийся перевод французского термина *passé surcomposé*. До 1970–1980-х годов работы о таких формах были посвящены западноевропейским языкам и не включали в себя каких-либо территориальных, генетических или типологических обобщений. Речь шла прежде всего о французских сверхсложных формах вида *il a eu oublié* ‘он забыл’, которые в

одном из своих значений закрепились в нормативной грамматике, хотя имеют широкий спектр нелитературных употреблений во французских и франко-провансальских говорах, – а также о долго не замечавшихся немецкой грамматической традицией аналогичных формах Perfekt II вида *er hat vergessen gehabt*. В 1990-е годы появились обобщающие работы по романским языкам [Holtus 1995], а также первые работы, где привлечены ареальные и типологические параллели, в том числе за пределами Европы. Здесь надо прежде всего назвать работу [Litvinov, Radčenko 1998], посвященную немецкому языку, но с привлечением некоторого количества внешних параллелей; в настоящее время над западноевропейскими сверхсложными формами работает А. Амман в Германии [Ammann 2005]; аналогичные французским сверхсложные эвиденциальные формы в персидском языке назвал *passé surcomposé* крупнейший французский иранист Ж. Лазар [Lazard 1996]. Что касается славянско-западноевропейских параллелей, то следует указать на недавнюю работу А. Левин-Штайнман [Lewin-Steinmann 2004], посвященную болгарскому пересказывательному наклонению; в ней проводится эксплицитное сравнение некоторых форм этого ряда с немецкими сверхсложными. Русские (и вообще славянские) формы вида *ходилъ былъ*, помимо такого специфического для этой группы случая, как болгарский пересказывательный ряд форм, до указанной нашей с П.В. Петрухиным работы как будто никто не сопоставлял ни со сверхсложными формами Европы, ни с аналогичными формами Азии (преимущественно эвиденциальными). Между тем они, находясь на стыке между этими двумя крупными ареалами, представляют значительный интерес для изучения характерных особенностей обоих, а также для истории возникновения, распространения и изменения системной функции соответствующих форм.

1. Европейский ареал сверхсложных форм

Сверхсложные формы отмечены в Европе (речь о Балканах и Поволжье пока не идет) в языках нескольких разных групп и имеют достаточно разнообразную семантику и социолингвистический статус (в одних языках это – одна из форм литературного языка, в других – конструкция чисто просторечная или диалектная и избегаемая в литературной речи, в третьих – литературный архаизм). В отвлечении от семантики, сверхсложная структура в чис-

том виде (или ей наследующая) представлена или была представлена в следующих языках и диалектах:

Романские: французский (в том числе диалекты разных регионов, включая франко-провансальские; отмечено в средневековых текстах), окситанский, итальянский (северные диалекты), вентский (= венецианский диалект итальянского), румынский (диалектная форма); **германские:** нидерландский (диалекты и средневековые тексты), немецкий (разговорная форма; преимущественно южные диалекты, в том числе имеющий самостоятельный статус швейцарско-немецкий диалект), идиш; **баскский** (изолят). Наконец, сверхсложными формами располагает большое количество **славянских** языков: словенский, сербохорватский, словацкий, болгарский, украинский, белорусский, русский (форма с *было*); ранее эти формы были представлены также в польском и чешском ([Молошная 1996], соответствующие статьи в [Славянские языки 2005]). В отличие от аналогичных форм неславянских языков Европы (статус которых описывается по-разному у разных авторов), эти формы в славянских грамматиках всегда квалифицируются как плюсквамперфект (или «давнопрошедшее время», в соответствии со старой, идущей от классической филологии традицией отождествлять эти термины). Единственным исключением является русская конструкция вида *пошел было*, плюсквамперфектом или «давнопрошедшим» синхронно не именуемая (но ее связь с древнерусским плюсквамперфектом историками языка констатируется).

Из предложенного перечня видно, что языки с такого рода формами образуют ареал без явных разрывов, пересекающий Европу с запада на восток (или, если угодно, с востока на запад: к этому вопросу мы еще вернемся). Единственным «островом сверхсложности» в Европе вне этого ареала, может быть, парадоксальным образом является единственный неиндоевропейский язык из названных – баскский. В [Naase 1994: 282] утверждается, что сверхсложные формы развились в баскском под романским влиянием. Однако в ближайших романских соседях баскского языка, – испанском языке и гасконском диалекте французского (весьма своеобразном и претендующем на статус особого языка), – как будто бы нет ничего подобного. С другой стороны, лакуной на карте сверхсложных форм предстает другой неиндоевропейский язык – венгерский, где единственный плюсквамперфект об-

разуется аналогично плюсквамперфекту в волжских и пермских языках; там к спрягаемой форме прошедшего времени добавляется неизменяемая связка в прошедшем времени *volt* ‘было’ (о волжском и пермском плюсквамперфекте сопоставительно с русским диалектным см. [Петрухин, Сичинава 2006: 208–209]). Таким образом, ареальный фактор здесь в известной степени связан с генетическим; в баскском могло произойти типологически сходное независимое развитие, в то время как венгерский развил тенденции, вполне сходные с финно-угорскими языками другой ветви.

Разумеется, исключительно генетически наблюдаемое явление нельзя объяснить: в романских и германских языках к северу и югу от очерченного таким образом ареала сверхсложных форм нет¹. Как уже отмечалось в литературе вопроса, это явление в Европе достаточно четко коррелирует с утратой аналитическим перфектом своего первоначального значения достигнутого состояния или важного для говорящего события, после чего эта форма начинает означать просто прошедшее время (иногда с видовым значением перфективности). Подобное изменение – одна из первых надежно установленных типологических тенденций эволюции видо-временных форм (на эту связь последовательно указано уже Е. Куриловичем в 1956 г.; [Маслов 1983: 47, 50; Маслов 1984/2004: 54–55, 297; Bybee et al. 1994: 81–87]); старая форма претерита (наподобие французского *passé simple*, немецкого *Präterit* или славянского аориста) уходит из языка. Ареал утраты старого претерита (и, тем самым семантической утраты старого

¹ Английские ненормативные (и отвергаемые рядом носителей) примеры типа *I have had done* тем не менее сравнительно частотны, как показывает поиск в Интернете, причём преимущественно в экспериенциальных контекстах (*I do suspect some people of the office has had seen my blog*); лингвистические работы, им посвящённые, нам пока не известны (интересны были бы и социолингвистические, в том числе контактные, параметры их бытования). Учитывая связь этого явления в Европе с утратой перфектом своего первоначального значения (см. ниже), возможно, мы имеем дело с одним из свидетельств разрушения английского перфектного значения в живой речи при его сохранении в литературном языке (активным сторонником точки зрения, согласно которой такой процесс имеет место, является Джим Миллер, ср. [Miller 2004]). С другой стороны, появление, особенно субнормативное, таких форм может предшествовать утрате оппозиции «перфект–претерит» на несколько веков (ср. сноску 3).

перфекта, при его материальном сохранении и господстве) в Европе как раз и повторяет выше очерченные границы. Из работ последнего времени надо отметить [Abraham 1999, 2004; Thieroff 2000] – в этих статьях указанный ареал противопоставлен так называемому «приморскому» или «прибрежному» (maritime), где перфект сохраняется. В работе [Сичинава (в печати), б] мы показываем, что этот «среднеевропейский» или «континентальный» ареал носит принципиально важный характер для европейских глагольных систем, коррелируя еще и с другим параметром – феноменом неунифицированного «выбора вспомогательного глагола» при различных семантических классах предикатов (типа нем. *ich habe gesehen / ich bin gekommen*).

Итак, в тех же языках, в которых происходит такое изменение, в аналитической форме бывшего перфекта начинает выступать вспомогательный глагол, что и приводит к рождению сверхсложных форм. Уже первые исследователи сверхсложных форм предполагали, что их появление связано с соображениями перестройки глагольной системы. Классическая работа Л. Фуле, посвященная сверхсложным формам и их развитию, заканчивается восклицанием: «претерит умер, да здравствует претерит! Но больше нет перфекта – и уже несколько веков» [Foulet 1925: 252].

Значит, сверхсложная форма – это «новый претерит»? Или, может быть, «новый перфект», как предполагал Э. Бенвенист («по функции *j'ai eu fait* представляет собой новый перфект к *j'ai fait*, ставшему аористом... Система таким образом восстанавливается, и обе пары оппозиций снова становятся симметричными» [Бенвенист 1959: 284])? Здесь мы, наконец, подходим к семантике обсуждаемой формы. В языках Западной Европы она достаточно разнообразна, причем нигде не дублируют полностью семантику существующих (или существовавших) в системе претерита, плюсквамперфекта или перфекта (хотя часто круг значений и пересекается – порой со всеми тремя формами). Специфической является ситуация в литературном французском: сверхсложная форма замещает устаревшую форму *passé antérieur*, где вспомогательный глагол стоял в простом прошедшем времени, наследуя своеобразный, хотя и представленный в других романских языках круг значений этой последней ('быстро' и т. п.; см. [Bertinetto 1987]). Если оставить литературный французский в стороне, то обращают на себя внимание значения сверхсложных

форм, связанные с неактуальными интервалами в прошлом, «прошедшим И НЕ настоящим», и производные от них. Сам этот феномен, независимо от проблемы сверхсложных форм, нащупан в ряде работ 1970-х годов («сверхпрошлое»), а затем разработан в [Dahl 1985] (“past temporal frames”), [Squartini 1999] и, прежде всего, [Plungian, Auwera 2006] (“discontinuous past”); мы используем русский термин «неактуальное прошедшее». Суть явления сводится к наличию в различных языках мира специальных форм (нередко связанных с плюсквамперфектом и имеющих также таксисное значение ‘предшествования в прошедшем’, но не обязательно), которые выражают специфически временную семантику, противопоставляющую план прошлого эксплицитно отличному от него плану настоящего². Конкретными воплощениями этого различия служат прекращенная ситуация (‘когда-то было так, а теперь иначе’), отмененный результат (‘дом построили было, но разрушили’), невыполненные условия в прошлом (‘пришел бы он раньше, всё было бы лучше’) и, далее, уже метафорически – любая или почти любая ирреальность. Существенно также, что эти формы не сигнализируют специально «давнопрошедшего» времени, то есть чистой временной дистанции без каких-либо прагматических последствий, связанных с неактуальностью события.

Оказывается, что для европейских сверхсложных форм семантика «прошедшего и не настоящего» характерна более, чем для «обычных» плюсквамперфектов с прошедшим временем вспомогательного глагола (которые в Западной Европе почти всегда тоже существуют в тех же языках). Прежде всего, у западноевропейской сверхсложной формы обычно нет и следа таксисного значения, которое со времен [Reichenbach 1947] (точка зрения принята в [Comrie 1985]) считается «основным» значением плюсквамперфекта. Нечасто встречается и такое специфическое

² Одной из основных техник, дающих в языках мира показатели такого рода, является так называемый «ретроспективный сдвиг» – дополнительный показатель, модифицирующий семантику готовой словоформы другого времени (термин введён в [Плунгян 1998]). Существенно, что обсуждаемые в настоящей работе сверхсложные формы допускают интерпретацию именно как содержащие показатель ретроспективного сдвига, а именно второго причастия вспомогательного глагола, присоединяющегося к форме перфекта (*ходилъ* — *ходилъ былъ*), этот показатель может выступать и как инфикс (*j'ai eu lu* — *j'ai eu lu*). Подробнее такой анализ (предложенный мной в 2002 г.) представлен в [Петрухин, Сичинава 2006: 204–206].

именно для плюсквамперфекта значение, как перенос семантики перфекта в план прошедшего (Perfect-in-the-Past, подробно обсуждаемый в [Salkie 1989] и [Squartini 1999], вроде ‘когда я пришел с работы, брат уже написал три письма’). С древнейших фиксаций (для старофранцузского это XII век³) мы видим прежде всего именно значения отмененного результата и прекращенной ситуации:

старофранцузский:

Se Lietart t’a eü pené, Il le t’a bien guerredoné [«Роман о Лисе», часть («ветвь») X, начало XII века, Stefanini 1970: 291]

‘Если Лиетарт и причинил тебе зло, он возместил тебе страдания’

французский (южные диалекты):

Il a eu fait plus chaud [Bleton 1982: 35]

‘Бывало (и) теплее’ [а сейчас холодно]

немецкий:

A: Als das Kind dann geboren war – euer Verhältnis?

B: War, also bis zu dem Zeitpunkt, sagen wir mal ganz gut in Anführungsstrichen, ich hab gedacht gehabt, das wär wirklich die wahre Liebe, aber dann mittlerweile, hat es ist dann rausgekommen, dass es ‘ne Urlaubsliebe war und dass es doch nicht so war. ([Hennig 2000: 93], из ток-шоу)

‘А: Когда родился ребенок – какой была ваша реакция?’

В: Была до определенного момента, в кавычках, как говорится, я полагал, то была настоящая любовь, но между тем выяснилось, что это был всего-навсего курортный роман’

Ich hatte dich gestern überall gesucht [Vater 1983: 209]

‘Я тебя вчера везде искал’ [но в некоторый момент перестал искать, и сейчас это неактуально – ср. полностью аналогичный пример из швейцарско-немецкого диалекта]

баскский:

³ Этот факт свидетельствует о том, что появление сверхсложных форм в принципе может значительно опережать утрату простого прошедшего; в старофранцузском XII века простое прошедшее (passé simple) было полностью живым.

Irakurtu izan dut

‘Я читал это’ (некогда, где-то мне случилось читать; “non-resultative anterior” [Haase 1994: 282]; они «часто относят действие и его осуществление в истекший отрезок времени в прошлом (*passé revolu*), в отдаленное и неопределенное прошлое» [Lafitte 1979: 386])

Так это и в швейцарско-немецком диалекте (*Züritüütsch*); [Squartini 1999], где утратился простой претерит и «стандартный» немецкий плюсквамперфект; вместе с тем в таксисном значении сверхсложная форма прямо недопустима, а обязательна лишь в значении отмененного результата.

[Контекст: Две служащие магазина ищут покупку, забытую покупателем в магазине. Одна говорит, что не может найти ее. Другая возражает:]

Ich ha s gsee ghaa!

‘Я видела это [а теперь не могу найти]’

[Контекст: Сообщается о телефонном звонке, происшедшем, когда адресата не было дома.]

S Ursi hät dich gsuecht ghaa.

‘Урси искала тебя’ [тебя не было, так что «прагматические последствия звонка отсутствуют»]

Im 1990 bin ich en go sueche, aber es isch z spaat gsii. Er hät nämlich zwäi Jaar voorheer... uf Bern züglet (*ghaa).

‘В 1990 году я стал искать его, но было слишком поздно. Действительно, он за два года до того... уехал в Берн’.

В румынских диалектах форме *a fost plecat* ‘он уехал’ (при простом прошедшем *a / este plecat*) не присуще значение «повторной актуализации» действия в прошедшем [Marin 1985: 463]. Интересно, что эти диалекты морфологически «разнесли» ретроспективизированный перфект в абсолютном и таксисном употреблении: последний образуется при помощи несогласованного причастия (в отличие от первого, образующегося при помощи согласованного причастия) [Marin 1985: 466].

Особое место занимает здесь экспериенциальное значение (‘по крайней мере раз мне приходилось’, ‘у меня есть опыт’), казалось бы, свойственное прежде всего для перфекта, но тем не менее выражаемого во многих языках мира и плюсквамперфек-

том; по-видимому, это связано с тем, что опыт мыслится как «ностальгический», «неактуальный»:

южнофранцузские диалекты:

J'ai eu chanté avec mes enfants. [Carruthers 1993; цит. по Squartini 1998: 205]

‘Я [как-то] пела со своими детьми’

фриульский:

o aj bu:t vjodu':t il pape [Benincà 1989: 578, цит. по Squartini 1998: 322]

‘Я [однажды] видел Папу’

окситанский:

m'es agu arriba de ié vèire li prince Vitour e Louis, mai que d'uno fes.

[Foulet 1925: 245]

‘Мне случалось видеть принцев Виктора и Людовика, и не один раз’

Спецификой некоторых европейских сверхсложных форм является дополнительная эпистемизация, добавление «субъективности»; таков баскский язык [Lafitte 1979: 387] и некоторые диалекты итальянского ([Marcato 1986], [Holtus 1995: 100]), где сверхсложная форма (как очевидно, независимо) означает ‘неожиданность’. Сверхсложные формы конъюнктива употребляются в немецком языке в эвиденциальном, «пересказывательном» значении. Об этом подробнее см. в конце раздела 3.

Чисто модальное значение ‘неосуществившегося условия в прошлом’, характерное для плюсквамперфекта и «неактуального прошедшего», выражается сверхсложными формами в сардинском [Jones 1993] и средневековом нидерландском [Миронов и др. 2000: 241].

2. Славянские сверхсложные формы

На этом фоне славянские формы типа *ходилъ былъ*, согласно общим очеркам, не останавливающимся подробно на их семантике (таковы, в частности, статьи издания [Славянские языки 2005]), на первый взгляд выглядят гораздо менее интересно – как обычное обозначение «предшествования в прошедшем».

Вместе с тем подробный анализ славянского материала немедленно показывает, что это не так или, по крайней мере, не совсем так. Для западнославянских сверхсложных форм характерны, наряду с таксисными, и «абсолютные» (иногда квалифицируемые как «давнопрошедшие») употребления: «стилистический вариант» прошедшего времени в словацком [Horák 1964; Маслов 1984/2004: 233]; «просто совершенное прошедшее действие (особенно давно совершившееся)» в чешском [Широкова 1961: 230].

Анализ сербохорватской сверхсложной формы в работе П.-Л. Тома [Thomas 2000] показывает, что ее первичная функция – маркировать отмененный результат. Она не может встречаться в контексте, характерном для западноевропейской «последовательности времен». Так, пример из романа Ф. Мориака «Тереза Дескейру»

Il me demanda si j'avais lu *La Vie du Père de Foucauld* [Thomas 2000: 120]

‘Он спросил меня, читала ли я «Житие отца де Фуко»’

переводится на сербохорватский при помощи аналитического прошедшего времени:

Upita me da li sam čitala ‘Život oca Fukoa’.

Употребление в значении ‘результатирующее состояние в прошедшем’ факультативно, как показывают два перевода⁴ предложения из романа А. Камю «Посторонний»:

J'ai voulu fumer une cigarette à la fenêtre, mais l'air avait fraîchi (PQP) et j'ai eu un peu froid.

Hteo sam da popušim cigaretu na prozoru, ali vazduh je postao (P) svežiji i bilo mi je pomalo hladno.

Htjedoh popušiti cigaretu na prozoru, ali je bilo zahladnjeto (PQP) pa mi je bilo malo hladno.

‘Мне захотелось покурить у окна, но воздух [уже] сделался свежее, и мне стало чуть-чуть прохладно’.

Сверхсложная форма употребляется в результативных контекстах вроде ‘Когда мы приехали, они ушли’ для снятия дву-

⁴ Первый из них сделан белградским, второй – загребским переводчиком; однако это несущественно, т.к. П.-Л. Тома не удалось обнаружить различий между употреблениями плюсквамперфекта в сербском и хорватском вариантах языка.

смысленности; однако и в этом случае грамматикализуется употребление наречия *več* ‘уже’, которое позволяет «сэкономить» на этой форме⁵.

Обязательным же является употребление ее в значении ‘аннулированного результата’:

Ja sam ga bila oprala. Otkud sad na njemu ove mrlje?

‘Я мыла / стирала эту вещь. Откуда же на ней взялись эти пятна?’

В рецензии П.В. Петрухина [Петрухин 2004] на работу Розанны Бенаккьо о словенских диалектах Фриулии [Benacchio 2002] отмечена известная неполнота описания семантики сверхсложных форм. В то время как Бенаккьо пишет, что словенский диалектный плюсквамперфект «не имеет специальных модальных значений и выполняет лишь темпоральную функцию, обозначая либо давнопрошедшее, либо непосредственное предшествование точке отсчета в прошлом», приводимые ей примеры в реальности практически точно соответствуют классическим западноевропейским, означающим отмененный результат:

Si bila wan raklä wžě te drügi vijăč

‘Я вам уже говорила (об этом) в прошлый раз’

– не «давнопрошедшее», а акцент на том, что говорящую не слушали;

Na jě muknula; an bil pusikal din fregul

‘она так и остолбенела: он только лишь чуть-чуть покосил’

– по предположению Петрухина, речь идет о незавершенности работы: «покосил было и перестал».

Как отмечено в той же рецензии, И.А. Бодуэн де Куртене в своих классических работах о резьянском диалекте всегда переводит эту форму при помощи конструкции с частицей *было*.

Действительно, в современном русском языке, как известно, для конструкции (утратившей согласование) типа *пошел было* характерно прежде всего значение отмененного результата (под-

⁵ В русском языке употребление такого «плюсквамперфектного наречного компонента» вроде *уже, раньше, до этого* также фактически грамматикализовано [Comrie 1985: 70]: ср. *Ваня сидел на том месте, где лежала шляпа Пети*; подобные неестественные предложения часто возникают при непрофессиональных переводах с английского.

робнее см. работы [Varentsen 1986; Шошитайшвили 1998; Князев 2004]). Отметим, тем не менее, тяготение лексически ограниченных употреблений *было* к модальной семантике: *хотел было, собирался было, начал было* (скорее ‘но раздумал / не вышло’, чем ‘мне помешали’).

Литературная украинская конструкция (традиционно рассматриваемая как «сохраняющийся» в языке плюсквамперфект) с согласуемым вспомогательным глаголом *ходив був*, как показывает работа [Chinkarouk 1998], функционально очень близка к русскому и передает значения ‘прекращенной ситуации’ и ‘отмененного результата’:

Я пам’ятаю, відкривався тоді ще географічний інститут. Я й туди хотів був вступити, та перешкодили якісь події. [Chinkarouk 1998: 47]

‘Я помню, тогда открыли еще географический институт. Я и туда хотел было поступать, но [мне] помешали какие-то обстоятельства’.

В работе М.Н. Толстой о плюсквамперфекте в архаичных западноукраинских говорах [Толстая 2000] опять же выделены «давнопрошедшее» и таксисное («преждепрошедшее») значение; среди употреблений, квалифицированных как «давнопрошедшее время без связи с другими действиями» [Толстая 2000: 137], можно выделить экспериенциальные (*Сесь упав був рас п’яний; Та ге «В мири животных» коли указують... а даколи раз указали були гады ‘показывали змей’, Давно ни ишли ни в декрет, ай родила дома была собі*)⁶ и значение прекращенной ситуации (*до церкви не ходили были* и т. п.).

Названные конструкции восходят к древнерусскому не книжному плюсквамперфекту типа *ходилъ (есмь/еси) былъ*⁷. Проведенное П.В. Петрухиным и мной в указанной выше работе [Петрухин, Сичинава 2006] привлечение древнерусского и со-

⁶ Даём в примерах упрощённую транслитерацию.

⁷ М.Н. Шевелёва [2007] отмечает, что связку в 1 и 2 л., вообще говоря, для древнерусского языка в составе обсуждаемой формы можно не рассматривать, так как она «в 1 и 2 лице превращается в синтаксический синоним личных местоимений, выражая только значение лица» (ср. [Хабургаев 1978]); таким образом, данная форма во всех лицах состоит просто из *был* + л-причастие.

временного диалектного материала показывает, что функции так называемого «русского плюсквамперфекта» достаточно четко соответствуют типологически известной семантике неактуального прошедшего. Обычным ее значением был именно аннулированный результат; особо яркий характер носит пример с глаголом ‘умереть’ – подразумевается последующее воскресение из мертвых, ср. следующий пример:

И влѣзучи естъ во врата градка того, на деснѣй руцѣ естъ пещера, и въ той пещерѣ естъ гробъ сватаго Лазаря; и въ той келии Лазарь болѣлъ, ту же и умерлъ былъ. (Хождение игумена Даниила)

‘И, если войти в ворота того городка (Вифании), то по правую руку там есть пещера, в которой находится гробница святого Лазаря; а в той келии Лазарь болел, там же и умер’.

Значение прекращенной ситуации, наличествующее уже в древних текстах, широко представлено в современных северных [Пожарицкая 1991, 1996] и северо-западных [Рыко 2002] говорах⁸:

Сколько-то тоже был он ведь сидел, а потом-то всю жизнь председателем работал [Пожарицкая 1996: 273].

Ай, рассказывали, старинные люди были гомонили, таперь-то нет ничова, а раньше все говорили [Рыко 2002: 183].

Среди наиболее ярких функций древнего и современного «русского плюсквамперфекта» – так называемый «сдвиг начальной точки» ([Сичинава (в печати), а]), сигнализирующий о начале повествования. Он отмечен как в берестяной грамоте № 724 (начинающейся Оставили мя были людье...), так и в северных говорах («большая дейктическая самостоятельность было, которое как бы вводит ситуацию прошедшего времени, о котором ведется рассказ» [Пожарицкая 1991: 790]). Похоже, что в русских северных диалектах в значительной степени сохранилось древнее состояние, в то время как в литературном языке круг значений сверхсложной формы серьезно сузился. Вместе с тем не исключено также и контактное финно-угорское влияние на северные диалек-

⁸ В северо-западных говорах представлен ещё плюсквамперфект от нового перфекта с *-ши* (*был пришочча*), передающий, в частности, результативные значения, в то время как сверхсложная форма с *был...* -л имеет только значения неактуального прошедшего, как можно судить по примерам.

ты конструкций со вспомогательным показателем вроде удмуртского *вал* ‘было’, как с точки зрения формы (просодическая автономизация *было* как «частицы», утрата согласования), так и семантики. Кроме того, надо учитывать и роль исконных и тоже весьма древних т. н. «конструкций с избыточным *есть*», в которых глагол *быть* выступает в составе полипредикативной конструкции со специфическим значением ‘дело [ведь] обстоит/обстояло так, что...’ (вроде *Ребята есть курят* или *Тамочка* [‘там’] *есть речка была*). Такие конструкции тоже могли влиять на аналогичные сочетания с *было* в говорах, которые, таким образом, на русской почве могут восходить не только к плюсквамперфекту (об этой проблеме см. [Шевелева 2006: 216–217] и [Шевелева 2007]); в этой последней работе проанализирован значительный и важный материал как из средневековых памятников, так и из говоров).

Другое контактное влияние обнаруживается на самом юге славянской зоны – в болгарском языке. Болгарский язык входит в так называемый «эвиденциальный пояс Старого Света» (термин [DeLancey 1997]), где имеется четко грамматикализованный показатель информации, переданной не из первых рук (и тем самым не столь «ответственно» сообщаемой говорящим от своего лица). Обычно такое развитие получает перфект; и болгарский язык, где форма на *-л* и представляет собой форму «пересказывательного наклонения», не исключение. В этом языке сверхсложная форма типа *бил чел* – то есть формально дважды выражающая эвиденциальность – выражает особое «ироничное» недоверие к сказанному собеседником, так называемые формы «эмфатического» ряда (в болгарской традиции «формы за по-силно преизказване» [Фридман 1983: 118]); эти формы лишены специфически перфектного или плюсквамперфектного значения и «связаны... с серьезными сомнениями по поводу этой информации и возможностью ее оспорить» (см. также [Маслов 1956: 255]):

Клинтон бил убедил американците за мисията в Босна [Guentchéva 1996 : 53; вышеприведенная трактовка примера принадлежит З. Генчевой]

‘Клинтон [якобы] убедил американцев в [необходимости военной] миссии в Боснии’ («эмфатический» аорист).

Война няма. Аз не съм чувал да има война. – Няма било война!⁹ Вземи вестника и ще видиш... [Фридман 1983: 121] ‘Войны нет. Я не слышал, чтоб была война. – [Ну да, как же], нет войны! Возьми газету и увидишь!...’ («эмфатический» презенс)

– а кроме того, выражает эвиденциальность, перенесенную в план прошедшего (в этом случае обычно со связкой *e*).

Как видим, ситуация со сверхсложными формами в славянских языках связана не только с европейским, но и с азиатским ареалом, о котором речь впереди. Прежде чем переходить к нему, остановимся на роли славянских сверхсложных форм в европейском ареале с исторической точки зрения.

Известно, что существование имперфекта (и тем самым плюсквамперфекта с имперфектом вспомогательного глагола типа *ходилъ бяше*) в восточнославянской зоне (разумеется, не считая церковнославянского влияния) ставится многими авторами, прежде всего Г.А. Хабургаевым [Хабургаев 1991], под сомнение. Плюсквамперфектная форма с аористом вспомогательного глагола (типа *ходилъ быхъ*) засвидетельствована в сербском, верхнелужицком, среднечешском; но в большинстве славянских языков (в том числе даже в этих трех) она прежде всего развила значение условного наклонения (> рус. *пошел бы*), возможно, в некоторых языках под влиянием исконно оптативной формы *ходилъ бимь*, характерной для македонско-хорватского ареала и соответствующих старославянских памятников, но, вообще говоря, такое развитие плюсквамперфекта возможно и независимо (подробнее о проблеме см. [Сичинава 2004])¹⁰. На восточнославянской территории форма с *быль* являлась с древнейших времен единственной «плюсквамперфектной» формой в живой речи (отсюда ее на-

⁹ И. А. Мельчук [1998: 200] рассматривает этот пример как употребление «цитатива для выражения недостоверности» и даёт перевод ‘Говорят, что войны нет’ или ‘я сомневаюсь, что войны нет’. Согласно З. Генчевой, эта форма морфологически противопоставлена цитативу (*нямало война*); носитель болгарского (Е. Валчанова), с которой мы консультировались, подтверждает трактовку Генчевой.

¹⁰ Любопытно, что в словенских диалектах Истрии в условное наклонение превратился плюсквамперфект не с аористом, а имперфектом вспомогательного глагола [Venacchio 2002]; тем самым сверхсложная форма и здесь оказалась господствующей.

звание в славистике – «русский плюсквамперфект» в противоположность книжному). Известно, с другой стороны, что восточнославянская территория была одной из первых по времени в Европе второго тысячелетия, где синтетическое перфективное прошедшее (аорист) было утрачено в живой речи (по разным оценкам, от дописьменного периода до XIII–XIV вв.); таким образом, прошедшее время из перфекта и сверхсложный «плюсквамперфект»-неактуальное прошедшее чрезвычайно рано завоевали нераздельно господствующие позиции в глагольной системе. И лишь на несколько веков позже этот процесс происходит в языках западных и части южных славян (в сербохорватском плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола как книжная форма встречается и сейчас), а к XVI–XVII вв., видимо, относится и активное распространение сверхсложных форм в германских и романских языках (хотя первые романские сверхсложные формы фиксируются, напомним, еще с XII в.). Правда, редко где результат перестройки глагольной системы достигает такой же четкости, поскольку в романских языках сохраняется имперфект (и плюсквамперфект с ним во вспомогательном глаголе), а в германских – претерит у ряда базовых глаголов, включая вспомогательные (впрочем, во многих южнонемецких диалектах, включая швейцарский, претерит и плюсквамперфект вида *war gekommen* утрачены полностью; это же произошло и в испытывавшем сильное славянское влияние языке идиш). Допустимо предположить, таким образом, что восточнославянский/древнерусский ареал стал в Европе исходной точкой (по крайней мере хронологической) не только в распространении прекрасно известного изменения «‘перфект’ → ‘претерит’», но и в развитии сверхсложных форм, тем более что эти два процесса, судя по карте их распространения, демонстрируют взаимосвязь.

3. Азиатский ареал сверхсложных форм

Для языков упомянутого в предыдущем разделе «эвиденциального пояса Старого Света», охватывающего Кавказ, Балканы, Поволжье, большую часть территории распространения тюркских и иранских языков, чрезвычайно характерно наличие в системе форм, представляющих собой сочетание двух причастий эвиденциального перфекта – от смыслового и вспомогательного глагола. Второй вспомогательный глагол в настоящем времени, в отличие

от западноевропейских языков, обычно необязателен или даже (как в тюркских языках) вообще не употребителен. В этом смысле устройство перфекта и сверхсложной формы в славянском ареале приближается как раз к «азиатскому» типу (этим термином применительно к данной зоне мы будем пользоваться для краткости, не забывая о Балканах и Поволжье). Отметим, что данная картина не вполне соответствует изложенному, в частности, в [Bybee, Dahl 1989] представлению, согласно которому утрата связки иконически соответствует большей степени грамматикализации (в персидском перфекте, сохраняющем исходное значение при наличии претерита в системе, связка в настоящем времени может опускаться, в тюркских вовсе невозможна, в то время как во французском аналитическом прошедшем, полностью утратившем перфектную семантику, норма безусловно требует вспомогательного глагола).

Часто форма с двумя вспомогательными глаголами входит в парадигму эвиденциальных форм, параллельную базовой. Так это, например, в персидском языке (и некоторых других иранских идиомах, см. также [Lazard 2000: 222; Volut 2000: 174]), – как помним, именно для персидского эвиденциального плюсквамперфекта Ж. Лазар предложил использовать за пределами романистики термин *passé surcomposé*. Семантика персидской сверхсложной формы – сочетание характерных для плюсквамперфекта функций (в том числе связанных с зоной «неактуального прошедшего») и эвиденциальных значений:

Предпрошедшее + инферентив (вывод из ситуации):

az suxanoni modaraš mo fahmidem ki u kayho ba šahr kūčida buda-ast [Jahani 2000: 200]

‘Со слов его матери мы поняли, что он давно уже переехал в город’

Прекращенная ситуация + пересказывательное:

sâbeqan rânandegi karde bude vali al’ân nemitune rânandegi bokome [ibid.:200]

‘Раньше он, [дескать], водил машину, теперь он не может водить ее’.

Схожую с персидской систему описывает С.Г. Татевосов (проводя эту параллель) в багвалинском языке, относящемся к

нахско-дагестанской семье [Татевосов 2001: 294]; здесь также имеется ряд аналитических форм «перфектной серии», образующихся при помощи перфекта вспомогательного глагола ‘быть’, которые и выражают значение косвенной засвидетельствованности. Этот ряд включает и форму «заглазного плюсквамперфекта»:

ebeb han ebeb tuXumlaš Xindi sanilibo buk'abo ek'a [там же: 297]

‘Каждое селение образовалось из каждого тухума’.

Несомненную близость по рассматриваемому параметру с иранскими и дагестанскими языками проявляют некоторые тюркские языки – чувашский, башкирский и узбекский. В чувашском языке для передачи косвенной засвидетельствованности с перфективным причастием используется показатель *пулнă*, исторически представляющий собой перфектное причастие на *-нă* от вспомогательного глагола; таким образом, структурно такая форма аналогична сверхсложным формам, утратившим вспомогательный глагол в настоящем времени (например, славянским). «Глагол *пулнă* вместо *-ччĕ* [исторически форма прошедшего времени от ‘быть’ – Д. С.] употребляется в тех случаях, когда рассказчик сам не был очевидцем тех событий, о которых он рассказывает...

Ку хире сұлсерен тэштырă акса тăнă пулнă, кăсал кок-сагыз акас тетпĕр

‘В прежние годы это поле засевалось обыкновенно зерновыми культурами, а в нынешнем году мы предполагаем засеять его кок-сагызом’.

В этом примере *акса тăнă пулнă* указывает на то, что говорящий раньше не интересовался этим участком, он только констатирует, что в прежние годы жители использовали его так, а теперь они и сам говорящий заинтересованы в его использовании иначе. Если бы в этом предложении стояла форма с *-ччĕ*: *акса тăнăччĕ*, то это означало бы то, что говорящий и сам вместе с другими всегда участвовал в использовании этого участка» [Егоров 1957: 200]. В данном случае значение прекращенной ситуации сочетается с эвиденциальным.

В башкирском языке эвиденциальный плюсквамперфект (употребляющийся, в частности, при перфектной нарративной стратегии, при рассказе «о событиях давно минувших времен,

очевидцем которых говорящий не мог быть») образуется, как и в чувашском языке, при помощи перфекта вспомогательного глагола *бул-*: *алган булган* ‘он уже (оказывается) взял’¹¹, с двумя показателями перфекта:

Емештәр өйгә қайтып ингәндә, эңер төшөп, киске аш вақыты еткән булған. [Юлдашев (ред.) 1981: 276];
 ‘Когда Емеш и ее подруги пришли домой, уже наступил вечер, пора было ужинать’.

Такая же особенность отмечена для плюсквамперфекта, образованного от имеющего заглазные и инферентивные употребления *-ган*-перфекта, и в узбекском языке. Д.М. Насилов [1999: 367–368] отмечает, что «модальный показатель» *экан* (перфект от глагола «быть») «в контексте относительных времен входит в состав аналитической формы времени, которая противостоит такой же аналитической форме с *эди* [претериту вспомогательного глагола – Д. С.] по признаку наличия значения эвиденциальности:

у кел-ган эди ‘он пришел’ (плюсквамперфект)
у кел-ган экан ‘он, оказывается, пришел тогда’ (плюсквамперфект с пересказывательной семой)».

Специфической чертой большинства указанных систем является то, что плюсквамперфект, образованный при помощи претерита связки, никаких эвиденциальных значений не развивает, хотя и содержит в своем составе перфект; для этой цели специально выступает сверхсложная форма, семантика которой, как видно из примеров, состоит в перенесении эвиденциального перфекта в план прошедшего.

В отличие от европейской сверхсложной формы, азиатская эвиденциальная форма развивается не на фоне утраты оппозиции перфекта с претеритом; ее семантика регулярно складывается из семантики плюсквамперфекта и/или неактуального прошедшего, с одной стороны, и эвиденциального компонента, с другой. На первый взгляд, напрашивается трактовка, согласно которой она выстроена по аналогии в составе целого ряда эвиденциальных форм, а основная ее функция – распространять оппозицию «эвиденциальность vs. неэвиденциальность» на план предпрошедше-

¹¹ Эвиденциальная семантика у этой формы представлена также в татарском и кумыкском языках [Юлдашев 1965: 202–203].

го, что она возникла в порядке чистого «заполнения лакун» (ср. об этой теории возникновения новых грамматических форм и ее критике в [Dahl 2004] и [Hopper, Traugott 1993]).

И тем не менее есть основания считать, что сверхсложная форма такого типа не является изначально эвиденциальным аналогом плюсквамперфекта, а представляет собой такую же сверхсложную форму с изначально временным значением, как в европейских языках, которая прошла, под мощным влиянием перфекта, дополнительное развитие в сторону эвиденциальности.

Во-первых, что касается теории «заполнения лакун», то среди языков «эвиденциального пояса Старого Света» есть немало таких, в которых лакуна не заполняется – нет сверхсложной формы, но регулярный плюсквамперфект между тем не принимает никаких специально эвиденциальных значений: так обстоит дело в турецком (форма *-mişti*, по происхождению ретроспективированный перфект на *-miş*, «лишен инферентивных *miş*-оттенков» [Johanson 1994: 262], «никогда не служит для выражения эвиденциальных значений» [Csató 2000: 40]; это же верно, по-видимому, и для аналогичных форм типа *-мыш эди*- и в тех прочих тюркских языках, где они представлены, см. [Юлдашев 1965: 184–188]), в узбекском (форма *-иб эди*, от эвиденциального перфекта на *-иб*: [Кононов 1960: 222], [Джураева 1968: 85]), в казахском (аналогичная форма на *-n edi* [СКЯ 1962: 342–346]), в грузинском [Voeder 2000: 296–298, 313] и в западноармянском (плюсквамперфект, образованный при помощи причастия на *-er* [Donabédian 1996 : 97–100]; перфект на *-er* < *-eal* в западноармянском имеет эвиденциальные употребления).

Во-вторых, в некоторых языках данного региона, например, в иранских, включая и средневековый персидский, отмечен сверхсложный плюсквамперфект (например, в диалектах дари: [Иоаннесян 1999: 73]) с неэвиденциальными («преждепрошедший перфект» и «давнопрошедшее») значениями. Ср. аналогичную сверхсложную форму с результативной семантикой в хинди [Липеровский 1976]; в традиции описания хинди – «форма со сложным причастием»:

Varāmdē ke nīce muhalle kā caukīdār baithā huā thā – kālā kuttā.
 ‘Внизу веранды сидел страж квартала — черный пес’

Сверхсложная форма на *-ган полган* в хакасском, полностью этимологически тождественная разбиравшейся выше башкирской

форме, имеет плюсквамперфектное (не эвиденциальное) значение, так как характерные для прочих тюркских языков плюсквамперфекты со вспомогательным *эди* в хакасском отсутствуют [Юлдашев 1965: 203].

В-третьих, развитие эпистемически и модально окрашенных значений отмечено и у западноевропейских сверхсложных форм – в баскском, итальянских диалектах (см. примеры выше). Есть в этом ряду и эвиденциальные значения – в пересказывательных контекстах употребляется сверхсложная форма в немецком языке (*habe gelesen gehabt*, она выражает пересказ форм плюсквамперфекта в чужой речи). Пример плюсквамперфекта конъюнктива в пересказывательной функции:

Sie sagte mir, als er Herrn Meier angerufen habe, habe er, Meier, seinen Artikel gerade gelesen gehabt [Thieroff 1992: 249]

‘Она сказала мне, что когда господин Майер позвонил ей, он, Майер, уже прочел ее статью’

В недавней работе [Levin-Steinmann 2004: 100ff, 249ff] с такими немецкими употреблениями типологически сопоставляется болгарская сверхсложная форма, о которой идет речь выше. А. Левин-Штайнман полагает, исходя из типологических соответствий и генетически идентичных форм в других славянских языках, что исходным у *бил*-форм является именно временное значение.

4. Выводы

Славянские сверхсложные формы занимают позицию на «стыке» двух больших ареалов употребления сверхсложных форм – западноевропейского, для которого характерно формирование форм «неактуального прошедшего» в условиях утраты противопоставления «претерит vs. перфект», и азиатского, для которого характерна эвиденциализация сверхсложных форм и вторичное встраивание их в эвиденциальный ряд.

В сопоставлении с этими двумя ареалами особенности славянских сверхсложных форм таковы:

	Западноевропейский ареал	Славянские языки	Азиатский ареал
Форма: один вспомогательный глагол	–	+	+
Система: утрата оппозиции перфект vs. претерит	+	+	–
Система: утрата других плюсквамперфектных форм	–/(+)	+	–/(+)
Семантика: зона «неактуального прошедшего»	+	+	+
Семантика: эпистемизация / модальность / эвиденциальность	(+)	–	+

Славянские глагольные системы в интересующем нас аспекте отличает общая черта, сконцентрированная прежде всего в данной группе и противопоставляющая славянские большинству языков в обоих ареалах, – а именно, сокращение функций или полная утрата везде (кроме болгарского, примыкающего к азиатскому ареалу, и македонского, где сверхсложные формы не выражены), вслед за аористом и имперфектом, и соответствующих типов плюсквамперфекта (которые могут материально сохраниться, переходя в условное наклонение), в результате чего сверхсложная форма остается единственной «плюсквамперфектообразной» формой в системе. По этому признаку со славянскими языками сближаются некоторые германские – прежде всего идиш (ареально ближайший к славянским) и южнонемецкие диалекты; в азиатской же зоне, напротив, единственный известный нам язык, где других плюсквамперфектов, кроме двойного перфекта, нет, – это максимально удаленный от основной территории ареала хакасский.

Наконец, общим между ареалами является типологическое сходство – развитие значений, характерных для зоны «неактуального прошедшего», причем для ряда языков в европейском ареале и для азиатского особую роль играет модальная и эвиденциальная семантика. Славянские формы по семантике ближе к запад-

ноевропейским (более того, с них хронологически, по-видимому, начинается экспансия этого типа в Европе), однако с точки зрения морфологии (утрата или факультативность связки) примыкают к азиатскому ареалу, а в ряде случаев демонстрируют конкретные контактные влияния (русский язык – возможное финно-угорское, болгарский – несомненное тюркское), но с сохранением внутренних тенденций развития.

Литература

- Бенвенист Э. (1959). Отношения времени во французском глаголе // Э. Бенвенист. *Общая лингвистика* / пер. с франц. М.: «Прогресс», 1974, 270–284.
- Джураева Д.М. (1968). Времена глагола в узбекском языке // *Вопросы категории времени и наклонения глагола в тюркских языках*. Баку: ЭЛМ.
- Егоров В.Г. (1957). Глагол // *Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть I: Морфология*. Чебоксары: Чувашиздат.
- Иоаннесян Ю.А. (1999). *Гератский диалект языка дари современного Афганистана*. М.: «Восточная литература».
- Князев Ю.П. (2004). Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // *Сокровенные смыслы: слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой*. М.: «Языки славянской культуры», 296–304.
- Кононов А.Н. (1960). *Грамматика современного узбекского литературного языка*. М.–Л.: АН СССР.
- Липеровский В.П. (1976). Выражение значения результативного состояния в хинди // *Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики*. М.: «Наука», 100–114.
- Маслов Ю.С. (1956). *Очерк болгарской грамматики*. М.: «Издательство литературы на иностранных языках».
- Маслов Ю.С. (1983). Результатив, перфект и глагольный вид // В.П. Недялков (ред.), *Типология результативных конструкций*. Л.: «Наука», 41–54.
- Маслов Ю.С. (1984). *Очерки по аспектологии*. Л.: ЛГУ; (2-е изд. в: Маслов Ю.С. *Избранные труды*. М.: «Языки славянской культуры», 2004, 21–302).
- Мельчук И.А. (1998). *Курс общей морфологии. Т. II*. М.: «Языки русской культуры».

- Миронов С.А., Зеленецкий А.Л., Парамонова Н.Г., Плоткин В.Я. (2000). *Историческая грамматика нидерландского языка. Кн. 1: Фонология, морфология*. М.: «Эдиториал УРСС».
- Молошная Т.Н. (1996). Плюсквамперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А. Зализняка*. М.: «Индрик», 564–573.
- Насилов Д.М. (1999). Значение эвиденциальности в узбекском языке // М.Е. Алексеев и др. (ред.) *Res linguistica: сборник статей к 60-летию проф. В.П. Нерознака*. М.: «Academia», 358–369.
- Петрухин П.В. (2004). Рец. на кн.: Rosanna Venacchio, *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*. Società Filologica Friulana, 2002 // *Вопросы языкознания*, 6.
- Петрухин П.В. (2007). *Жили-были: вопрос закрыт?* // *Русский язык в научном освещении*, 1.
- Петрухин П.В., Сичинава Д.В. (2006). «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // *Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова*. М.: «Языки славянской культуры», 193–214.
- Плунгян В.А. (1998). Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // *Язык. Африка. Фульбе: сборник статей в честь А.И. Коваль*. СПб.: «Европейский дом», 106–115.
- Пожарицкая С.К. (1991). О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des études slaves*, LXIII/4, 787–799.
- Пожарицкая С.К. (1996). Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991–1993*. М., 268–279.
- Рыко А.И. (2002). Причастия на *-ши* в одном западнорусском говоре торопецко-холмского региона // *Русский язык в научном освещении*, 2 (4), 171–193.
- Сичинава Д.В. (2004). К проблеме происхождения славянского условного наклонения // *Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность*. М.: «Гнозис», 292–312.
- Сичинава Д.В. в печати (а). «Сдвиг начальной точки»: использование некоторых глагольных форм в интродуктивной функции

// Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории.

Сичинава Д.В. в печати (b). Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность // *Сборник в честь Е.В. Падучевой.*

Славянские языки 2005 – *Языки мира: Славянские языки.* М.: «Academia».

СКЯ 1962 – *Современный казахский язык: фонетика и морфология.* Алма-Ата.

Татевосов С. Г. (2001). Эвиденциальность: косвенная засвидетельствованность // А.Е. Кибрик (ред.-сост.). *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари.* М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 293–306.

Толстая М.Н. (2000). Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // *Балто-славянские исследования XIV.* М.: «Индрик», 134–143.

Фридман В. (1983). Значение на отдавна минало време за история на българския език // *Исторически развой на българския език. Доклади. Т.1.* София: Българска академия на науките, 111–126.

Хабургаев Г.А. (1978). Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // *Вестник МГУ, сер. 9 Филология,* 4.

Хабургаев Г.А. (1991). Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Г.А. Хабургаев, А. Бартошевич (ред.). *Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола.* М.: Изд-во МГУ, 42–54.

Шевелева М.Н. (2006). Некнижные конструкции с формами глагола **быти** в псковских летописях // *Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова.* М.: «Языки славянской культуры», 215–241.

Шевелева М.Н. (2007). «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // *Русский язык в научном освещении,* 1.

Широкова А.Г. (1961). *Чешский язык.* М.

Шошитайшвили И.А. (1998). Русское «было»: пути грамматикализации // *Русистика сегодня,* 3–4, 59–78

- Юлдашев А.А. (1965). *Аналитические формы глагола в тюркских языках*. М.: «Наука».
- Юлдашев А.А. (ред.) (1981). *Грамматика современного башкирского языка*. М.: «Наука».
- Abraham W. (1999). Preterite decay as a European areal phenomenon // *Folia linguistica*, XXXIII/1, 1–18.
- Abraham W. (2004). The European emergence of the periphrastic perfect: An autonomous, parsing-driven development // *Теоретические проблемы языкознания: Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета*. СПб.: СПбГУ, 224–247.
- Ammann A. (2005). Abbau und Anschwemmung: Doppelte Perfektformen und Grammatikalisierung im deutschen Tempussystem // T. Mortelmans, T. Leuschner (Hrsg.) *Grammatikalisierung im Deutschen*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 251–276.
- Barentsen A.A. (1986). The use of the particle БЫЛО in modern Russian // *Dutch Studies in Russian Linguistics*, Amsterdam, Vol. 8, 1–68.
- Benacchio R. (2002). *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*. Società Filologica Friulana.
- Benincà P. (1989). Friaulisch; *Interne Sprachgeschichte I. Grammatik* // G. Holtus et al. (Hrsg.), *Lexicon der Romanischen Linguistik*. Tübingen: Niemeyer, Bd. III, 563–585.
- Bertinetto P.M. (1987). Why the *passé antérieur* should be called *passé immédiatement antérieur* // *Linguistics*, 25, 341–360.
- Bleton P. (1982). La surcomposition dans le verbe français // *Canadian Journal of Linguistics*, 27/1, 31–70.
- Boeder W. (2000). Evidentiality in Georgian // Johanson, Utas (eds.), 275–328.
- Bulut C. (2000). Indirectivity in Kurmanji // Johanson, Utas (eds.), 147–184.
- Bybee J., Perkins R.D., Pagliuca W. (1994). *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Bybee J.L., Dahl Ö. (1989). The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in Language*, 13/1, 51–103.

- Carruthers J. (1993). *The formes surcomposées: the Discourse Function and Linguistic Status of a Rare Form in Contemporary Spoken French*. PhD dissertation : University of Cambridge.
- Chinkarouk O. (1998). Le Plus-que-parfait dans la phrase complexe (coordination et juxtaposition) en ukrainien moderne // *Le langage et l'homme*, XXXIII/1, 39–53.
- Comrie B. (1985). *Tense*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Csató É.Á. (2000). Turkish *miş-* and *imiş-* items. Dimensions of a functional analysis // Johanson, Utas (eds.), 29–44.
- Dahl Ö. (1985). *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.
- Dahl Ö. (2004). *The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- DeLancey S. (1997). Mirativity: the grammatical marking of unexpected information // *Linguistic typology*, 1/1, 33–52.
- Donabédian A. (1996). Pour une interprétation des différentes valeurs du médiatif en arménien occidental // Guentchéva (ed.), 87–108.
- Foulet L. (1925). Le développement des formes surcomposées // *Romania*, 51, 203–252.
- Guentchéva Z. (1996). Le médiatif en bulgare // Guentchéva (ed.), 47–70.
- Guentchéva Z. (ed.) (1996). *L'énonciation médiatisée*. Louvain, Paris: Peeters.
- Haase M. (1994). Tense and aspect in Basque // Thieroff, Ballweg (eds.), 279–292.
- Hennig M. (2000). *Tempus und Temporalität in geschriebenen und gesprochenen Texten*. Tübingen: Niemeyer.
- Holtus G. (1995). Zur Verbreitung der *formes surcomposées* in den romanischen Sprachen // W. Dahmen et al. (Hrsg.). *Konvergenz und Divergenz in den romanischen Sprachen (Romanistisches Kolloquium VIII)*, 85–114.
- Hopper P.J., Traugott E.C. (1993). *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Horák E. (1964). Predminuly čas v slovenčine // *Slovenská reč*, 29/5.
- Jahani C. (2000). Expressions of indirectivity in spoken Modern Persian // Johanson, Utas (eds.), 185–208.
- Johanson L. (1994). Türkeitürkischen Aspektotempora // Thieroff, Ballweg (eds.), 247–266.
- Johanson L., Utas, B. (eds.) (2000). *Evidentials: Turkic, Iran and Neighbouring Languages*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

- Jones M.A. (1993). *Sardinian Syntax*. London, New York : Routledge.
- Lafitte P. (1979). *Grammaire basque*. San Sebastián: ELKAR.
- Lazard G. (1996). Le médiatif en persan // Guentchéva (ed.), 21–30.
- Lazard G. (2000). Le médiatif: considérations théoriques et application à l'iranien. // Johanson, Utas (eds.), 209–228.
- Levin-Steinmann, A. (2004). *Die Legende vom Bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen 1-Periphrase*. (Slavistische Beiträge, 437.) München: Sagner.
- Litvinov V., Radčenko V. (1998). *Doppelte Perfektbildungen in der deutschen Literatursprache*. Tübingen: Stauffenburg Verlag.
- Marcato F. (1986). Forme verbali bicomposte (“surcomposées”) nelle parlate del Veneto // M. Cortelazzo (ed.), *Guida ai dialetti veneti VIII*, Padova: CLEUP, 45–60.
- Marin M. (1985). Formes verbales périphrastiques de l'indicatif dans les parlers dacoroumains // *Revue roumaine de la linguistique*, 30, 459–468.
- Miller J. (2004). Perfect and resultative constructions in spoken and non-standard English // O. Fischer, M. Norde, H. Perridon (eds.). *Up and down the Cline – The Nature of Grammaticalization*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 229–246.
- Plungian V.A., van der Auwera J. (2006). Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 59/4, 317–349.
- Reichenbach H. (1947). *Elements of Symbolic Logic*. New York: McMillan.
- Salkie R. (1989). Perfect and pluperfect: What is the relationship? // *Journal of Linguistics*, 25/1, 1–34.
- Squartini M. (1998). *Verbal Periphrases in Romance: Aspect, Actionality and Grammaticalization*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Squartini M. (1999). On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // *Linguistic Typology*, 3, 51–89.
- Stefanini J. (1970). Note sur les formes surcomposées // *Travaux de linguistique et de littérature, publiés par le Centre de philologie et de littératures romanes de l'Université de Strasbourg*, 287–296.
- Thieroff R. (1992). *Das finite Verb in Deutschen: Tempus-Modus-Distanz*. (Studien zur deutschen Grammatik, 40). Tübingen: Narr.
- Thieroff R. (2000). On the areal distribution of the tense-aspect categories in Europe // Ö. Dahl (ed.), *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 265–308.

- Thieroff R., Ballweg J. (eds.) (1994). *Tense Systems in European Languages* (Linguistische Arbeiten, 308). Tübingen: Niemeyer.
- Thomas P.-L. (2000). Le plus-que-parfait en serbo-croate (bosniaque, croate, monténégrin, serbe) dans une approche contrastive avec le français // A. Carlier, V. Lagae, C. Benninger (eds.). *Passé et parfait* (*Cahiers Chronos*, 6). Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 117–131.
- Vater H. (1983). Zum deutschen Tempussystem // J.O. Askedal et al. (Hrsg.). *Festschrift für Laurits Saltveit*. Oslo–Bergen–Tromsø: Universitetsforlaget, 201–214.